

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
21 декабря 2022 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3 (2022)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Правила назначения наказания, установленные частью 1 статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации, применяются в отношении женщин и в тех случаях, когда санкция статьи Особенной части предусматривает пожизненное лишение свободы, поскольку данный вид наказания не может быть назначен женщинам согласно положениям части 2 статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации.

По приговору Новосибирского областного суда от 1 июля 2010 г. Б. осуждена к лишению свободы: по пунктам «а», «в» части 2 статьи 105 УК РФ на 15 лет, по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ на 1 год 6 месяцев, по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ на 1 год 6 месяцев, на основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений на 17 лет в исправительной колонии общего режима.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2010 г. приговор оставлен без изменения.

Постановлением Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 12 августа 2011 г., вынесенным в порядке статей 397, 399 УПК РФ, действия Б. по двум эпизодам краж квалифицированы каждое по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) и за каждое преступление назначено наказание 1 год 5 месяцев лишения свободы. На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений Б. назначено окончательное наказание 16 лет 10 месяцев лишения свободы.

Постановлением Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 4 октября 2016 г., вынесенным в порядке статей 397, 399 УПК РФ, действия Б. по эпизоду хищения имущества К. квалифицированы по части 1 статьи 158 УК РФ, по которой назначено наказание в виде обязательных работ на срок 120 часов. На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пунктами «а», «в» части 2

статьи 105, пунктом «в» части 2 статьи 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), частью 1 статьи 158 УК РФ, Б. назначено окончательное наказание 16 лет 10 дней лишения свободы.

В надзорной жалобе осужденная просила изменить судебные решения, смягчить наказание, указывая, что наказание по пунктам «а», «в» части 2 статьи 105 УК РФ назначено без учета положений статьи 62 УК РФ, несмотря на установленное наличие смягчающего наказание обстоятельства – явки с повинной.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2022 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденной, изменил судебные решения по следующим основаниям.

Согласно части 1 статьи 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» части 1 статьи 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Указанная норма уголовного закона подлежала применению по данному делу при назначении наказания Б., поскольку по смыслу закона правила части 3 статьи 62 УК РФ о неприменении положений части 1 статьи 62 УК РФ не распространяются на лиц, которым в силу закона не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Суд признал в качестве обстоятельства, смягчающего наказание Б., явку с повинной, то есть обстоятельство, предусмотренное пунктом «и» части 1 статьи 61 УК РФ.

Обстоятельств, отягчающих наказание осужденной, судом не установлено.

Наказание, назначенное Б. по пунктам «а», «в» части 2 статьи 105 УК РФ, превышает пределы, установленные частью 1 статьи 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ), оно не могло быть более 13 лет 4 месяцев лишения свободы.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда изменил приговор, кассационное определение, а также постановления от 12 августа 2011 г. и от 4 октября 2016 г. и смягчил наказание по пунктам «а», «в» части 2 статьи 105 УК РФ до 13 лет лишения свободы, на основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пунктами «а», «в» части 2 статьи 105, частью 1 статьи 158 УК РФ, пунктом «в» части 2 статьи 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), назначил окончательное наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

2. Пересмотр в кассационном порядке постановления суда о возмещении реабилитированному имущественного вреда по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления его в законную силу.

Постановлением дознавателя отдела дознания Находкинского линейного отдела МВД России на транспорте от 24 января 2014 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 3 статьи 327 УК РФ, в отношении А.

Постановлением старшего следователя следственного отделения Находкинского линейного отдела МВД России на транспорте от 22 декабря 2016 г. уголовное дело в отношении А. прекращено на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления. В соответствии со статьей 134 УПК РФ за А. признано право на реабилитацию.

Постановлением судьи Находкинского городского суда Приморского края от 5 октября 2018 г. удовлетворено заявление А. и его представителя Б. о возмещении имущественного вреда, причиненного в результате незаконных действий органов предварительного следствия и необоснованного уголовного преследования. Постановлено взыскать с Минфина России в лице Управления Федерального казначейства по Приморскому краю за счет казны Российской Федерации в пользу А. 1 203 140 руб. 08 коп. в возмещение имущественного вреда, связанного с уголовным преследованием, 92 141 руб. – в возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации, 21 087 руб. 24 коп. – в возмещение расходов по оплате экспертных услуг.

Апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 11 декабря 2018 г. постановление от 5 октября 2018 г. оставлено без изменения.

Постановлением президиума Приморского краевого суда от 28 октября 2019 г. апелляционное постановление Приморского краевого суда от 11 декабря 2018 г. отменено, материал передан на новое апелляционное рассмотрение.

Апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 г. постановление Находкинского городского суда Приморского края от 5 октября 2018 г. изменено: постановлено взыскать с Минфина России за счет казны Российской Федерации в пользу А. в возмещение имущественного вреда, связанного с уголовным преследованием, 221 000 руб., выплаченных адвокату за оказание юридической помощи, 19 000 руб. – расходы на оказание экспертных услуг, 90 000 руб. – представительские расходы при рассмотрении заявления о реабилитации, 86 340 руб. 55 коп. – индексация указанных сумм,

всего взыскать 416 340 руб. 55 коп.; постановлено произвести поворот исполнения постановления Находкинского городского суда Приморского края от 5 октября 2018 г. о взыскании с Минфина России за счет казны Российской Федерации в пользу А. 1 316 368 руб. 32 коп.; на А. возложена обязанность возвратить Минфину России выплаченные за счет казны Российской Федерации в результате исполнения постановления суда 900 027 руб. 77 коп.

Определением Находкинского городского суда Приморского края от 29 сентября 2020 г., вынесенным в порядке статей 203, 225, 434 ГПК РФ, статьи 399 УПК РФ, исполнение апелляционного постановления Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 г., в соответствии с которым А. обязан возвратить Минфину России выплаченные за счет казны Российской Федерации в результате исполнения постановления суда 900 027 руб. 77 коп., рассрочено сроком на 5 лет (60 месяцев) с ежемесячным внесением платежей в размере 15 000 руб. 46 коп.

Апелляционным определением Приморского краевого суда от 19 ноября 2020 г. определение от 29 сентября 2020 г. оставлено без изменения.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по делу в отношении А. ввиду новых обстоятельств, в связи с вынесением Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 23 сентября 2021 г. № 41-П.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 26 января 2022 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 23 сентября 2021 г. № 41-П признал пункт 4 части 1 статьи 135 УПК РФ не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку эта норма, предусматривая возмещение реабилитированному имущественного вреда с отнесением к его составу сумм, выплаченных за оказание реабилитированному юридической помощи, не предполагает отказа лицу, пострадавшему от незаконного или необоснованного уголовного преследования, в полном возмещении расходов на оплату полученной им юридической помощи адвоката, если не доказано, что часть его расходов, предъявленных к возмещению, обусловлена явно иными обстоятельствами, нежели получение такой помощи непосредственно в связи с защитой реабилитированного от уголовного преследования, и при этом добросовестность его требований о таком возмещении не опровергнута.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации указано, что среди подобных обстоятельств могут быть учтены, например, решения, принятые самим реабилитированным в рамках свободы договора и распоряжения своим имуществом, как то: решение о дополнительном вознаграждении адвоката сверх условленного по договору, принятое по завершении уголовного дела, и т.п. При этом представители казны вправе просить суд о снижении возмещения, если за услуги адвоката назначена

плата в необычно высокой величине и ее явная чрезмерность доказана в сравнении с аналогичными случаями, а также если реабилитированный пользовался услугами сразу нескольких адвокатов и тем более адвокатских образований, притом что это не было обусловлено посменной работой адвокатов, их заменой ввиду долгого уголовного преследования или предоставлением неодинаковых по содержанию услуг разными адвокатами, когда существенные различия (преимущества) в их предметной специализации известны (доказаны) и с этим связано оказание ими юридической помощи специального профиля.

Положения статьи 401⁶ УПК РФ признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 48 и 53, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они не ограничивают период с момента вступления в силу судебного акта о возмещении реабилитированному расходов на оплату юридической помощи, в течение которого может быть принято решение суда кассационной инстанции о пересмотре этого акта, влекущее поворот его исполнения и возврат присужденных реабилитированному сумм.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что установленные статьей 401⁶ УПК РФ ограничения и условия кассационного пересмотра приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, распространяются лишь на такие решения, которые определяют уголовно-правовой статус лица как виновного или невиновного в преступлении и подлежащего или не подлежащего уголовной ответственности, притом что с учетом их, к этому лицу применяется наказание или же публично-правовая санкция, структурно обособленная от наказания и выраженная как мера уголовно-правового характера, в возложении на это лицо обязанности претерпеть дополнительные по отношению к наказанию правоограничения уголовно-превентивного свойства, то есть соотносимая по своей конституционно-правовой природе с наказанием по некоторым признакам, хотя и не тождественная ему.

Возвращение же присужденных сумм в порядке поворота исполнения не относится к наказаниям или иным санкциям, а решение о нем не является как таковое судебным актом, который определял бы собственно уголовно-правовой статус реабилитированного в указанном выше смысле. Между тем в системе действующего регулирования положения статьи 401⁶ УПК РФ – единственный ограничитель ухудшения правового и фактического положения лица в отношениях, складывающихся в связи с его уголовным преследованием либо имеющих генезис в таковом. При таких обстоятельствах отсутствие в процессуальном законе, а по существу отсутствие в статье 401⁶ УПК РФ правил, препятствующих ухудшению положения реабилитированного, которому на основании вступившего в законную силу решения суда были выплачены суммы в счет возмещения

расходов на оплату юридической помощи, являет собою признак конституционно значимого пробела в законодательстве, что вступает в противоречие с гарантиями охраны достоинства личности, права на получение квалифицированной юридической помощи и права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц.

До вступления в силу изменений, вытекающих из постановления, отсутствие в статье 401⁶ УПК РФ указания на то, что недопустим пересмотр судом кассационной инстанции судебного акта о возмещении реабилитированному вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, влекущий поворот исполнения этого акта, не дает оснований осуществлять такой пересмотр за пределами года со дня вступления этого акта в законную силу.

Поскольку выявленный Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовой смысл положений статьи 401⁶, пункта 4 части 1 статьи 135 УПК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике, Президиум Верховного Суда Российской Федерации возобновил производство по делу по жалобе А. ввиду новых обстоятельств и отменил постановление судьи Находкинского городского суда Приморского края от 5 октября 2018 г. и апелляционные постановления Приморского краевого суда от 11 декабря 2018 г. и от 28 февраля 2020 г., постановление президиума Приморского краевого суда от 28 октября 2019 г., определение Находкинского городского суда Приморского края от 29 сентября 2020 г. и апелляционное определение Приморского краевого суда от 19 ноября 2020 г. в отношении А., материал передал для производства нового судебного разбирательства в тот же суд иным составом суда.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 212-П21*

3. В случае, если заявитель не согласен с основанием отказа в возбуждении уголовного дела, суд при рассмотрении его жалобы в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации проверяет в том числе правильность выбора должностным лицом реабилитирующего основания для решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Постановлением Останкинского районного суда г. Москвы от 29 апреля 2019 г. жалоба М., поданная в порядке статьи 125 УПК РФ, о признании незаконным постановления старшего следователя Останкинского межрайонного следственного отдела следственного управления по Северо-Восточному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета РФ по г. Москве от 18 апреля 2018 г. об отказе

в возбуждении уголовного дела по части 1 статьи 285, части 3 статьи 290 УК РФ на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ за отсутствием в действиях заместителя начальника полиции по охране общественного порядка ОМВД России по району Марьино Роща г. Москвы М. состава преступления оставлена без удовлетворения.

Как указано в постановлении, при рассмотрении жалобы, поданной в порядке статьи 125 УПК РФ, на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела судья не вправе давать оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

Апелляционным постановлением Московского городского суда от 19 июня 2019 г. постановление оставлено без изменения.

При этом в опровержение доводов, приведенных М. в апелляционной жалобе, судом апелляционной инстанции указано, что обжалование постановлений должностных лиц органов предварительного расследования в порядке статьи 125 УПК РФ не предполагает переоценку уже рассмотренных должностным лицом обстоятельств, установление новых обстоятельств и их оценку, поскольку по смыслу статьи 125 УПК РФ проверка постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела представляет собой проверку судом соблюдения должностным лицом установленной статьями 144, 145, 148, 151 УПК РФ процедуры проведения доследственной проверки.

М. в своем обращении в Конституционный Суд Российской Федерации оспаривал конституционность пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ, полагая, что указанная норма противоречит статьям 2, 15, 17 (часть 1), 18, 21, 45, 46, 48, 49, 55, 123 (части 1 и 3) и 133 Конституции Российской Федерации, поскольку допускает отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления в случае, когда отсутствовало само деяние (событие преступления), и не позволяет восстановить нарушенные этим права в суде.

В представлении Председатель Верховного Суда Российской Федерации поставил вопрос о возобновлении производства по делу по жалобе М. ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 15 июня 2021 г. № 28-П.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 10 ноября 2021 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Конституционный Суд Российской Федерации 15 июня 2021 г. вынес постановление № 28-П, в соответствии с которым пункт 2 части 1 статьи 24 УПК РФ признан не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он предполагает, что:

– отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления возможен только при условии предварительного установления наличия и совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления;

– законность и обоснованность выбора основания для отказа в возбуждении уголовного дела подлежат судебной проверке по жалобе заинтересованного лица в предусмотренном статьей 125 УПК РФ порядке с учетом всех имеющихся в материалах фактов, на основании которых принималось соответствующее решение, обстоятельств, влияющих на вывод о наличии фактических и правовых оснований для отказа в возбуждении уголовного дела по тому или иному основанию, и позиций сторон.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что пункт 2 части 1 статьи 24 УПК РФ в системной связи с иными положениями данного кодекса, в том числе его статьи 125, предполагает и полномочия суда при рассмотрении жалобы на решение дознавателя, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела всесторонне оценивать законность и фактическую обоснованность такого решения, принимая во внимание также правильность выбора одного из реабилитирующих оснований для этого решения, с учетом всех имеющихся в материалах, на основании которых принималось соответствующее решение, значимых фактов и обстоятельств, которые могли существенно повлиять на вывод о наличии фактических и правовых оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, и позиций сторон, включая доводы лица об отсутствии (недоказанности) события преступления и причастности к его совершению.

Поскольку Конституционный Суд Российской Федерации указал, что правоприменительные решения в отношении М., вынесенные на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ, в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, подлежат пересмотру, Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 29 апреля 2019 г. и апелляционное постановление Московского городского суда от 19 июня 2019 г., материал передал в тот же суд для производства нового судебного разбирательства в порядке статьи 125 УПК РФ.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 178-П21*

**СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ**

*Разрешение споров, связанных с защитой права собственности
и других вещных прав*

4. Вопрос о принудительной выплате денежной компенсации за незначительную долю в праве собственности на жилое помещение разрешается судом исходя из баланса интересов собственников этого помещения с учетом фактических обстоятельств конкретного дела.

Н. с учетом уточненных требований обратилась в суд с иском к В. о разделе совместно нажитого имущества.

В обоснование требований указано, что 5 апреля 2007 г. между В. и Н. был зарегистрирован брак, который 26 апреля 2021 г. расторгнут. Брачный договор не заключался, раздел совместно нажитого имущества не производился. Стороны являются родителями двоих детей 2008 и 2012 годов рождения, которые проживают с Н. В период брака супругами приобретены в собственность двухкомнатная квартира и транспортное средство. При покупке квартиры истцом были внесены личные денежные средства, которые получены Н. от продажи принадлежащей ей комнаты, и заемные денежные средства. 16 марта 2016 г. стороны подарили своим двоим детям по 1/4 доли в праве собственности на спорную квартиру каждому.

В квартире, являющейся для Н. единственным жильем, она проживает с детьми, несет бремя ее содержания. В. проживает и зарегистрирован по иному месту жительства, его доля в праве собственности на жилое помещение составляет 4,45 кв.м и является незначительной, в связи с чем выделена в пользование быть не может. Просила признать доли сторон в имуществе равными, прекратить право собственности на 1/4 доли за каждым в праве на квартиру, прекратить ее право собственности на транспортное средство, признать за ней право собственности на 1/2 доли в праве собственности на квартиру, признать за В. право собственности на автомашину.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что совместно нажитым имуществом сторон являются 24/100 доли в праве собственности на квартиру, поскольку оплата части стоимости квартиры произведена за счет личных денежных средств Н., что соответствует 26/100 доли в праве собственности на квартиру и является личным имуществом Н. Приняв во внимание, что брак между сторонами расторгнут, между бывшими супругами сложились конфликтные отношения и доля В. в праве собственности на квартиру (12/100 доли) является незначительной, суд первой инстанции пришел к выводу об удовлетворении исковых требований Н. о признании за ней права собственности на 1/2 доли в праве собственности на квартиру и о выплате В. денежной компенсации.

Суд апелляционной инстанции не опроверг выводы суда о том, что Н. на приобретение спорной квартиры были потрачены личные денежные средства, однако посчитал, что долю В. в праве собственности на квартиру (12/100 доли) нельзя признать незначительной, поскольку квартира является единственным жильем ответчика.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение в связи со следующим.

Закрепляя в пункте 4 статьи 252 ГК РФ возможность принудительной выплаты участнику долевой собственности денежной компенсации за его долю, а следовательно, и утраты им права на долю в общем имуществе, законодатель исходил из исключительности таких случаев, их допустимости только при конкретных обстоятельствах и лишь в тех пределах, в каких это необходимо для восстановления нарушенных прав и законных интересов других участников долевой собственности.

При этом вопрос о том, имеет ли участник долевой собственности существенный интерес в использовании общего имущества, решается судом в каждом конкретном случае на основании исследования и оценки в совокупности представленных сторонами доказательств, подтверждающих, в частности, нуждаемость в использовании этого имущества в силу возраста, состояния здоровья, профессиональной деятельности, наличия детей, других членов семьи, в том числе нетрудоспособных, и т.д. (пункт 36 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в редакции от 25 декабря 2018 г.).

Между тем положения приведенных выше правовых норм, а также их разъяснения не были учтены судом апелляционной инстанции и кассационным судом общей юрисдикции.

Как видно из материалов дела, общая площадь квартиры составляет 44,5 кв.м, жилая – 32,8 кв.м, квартира состоит из двух комнат площадью 13,8 кв.м и 19 кв.м. Доля в праве собственности на жилое помещение (12/100), принадлежащая В., составляет 3,9 кв.м жилой площади. Выдел такой доли в натуре произвести технически невозможно, равно как и предоставить соответствующее данной доле жилое помещение в пользование В. для проживания.

Исходя из заявленных истцом требований, их обоснования, а также с учетом положений статьи 252 ГК РФ юридически значимым и подлежащим доказыванию обстоятельством являлось выяснение следующих вопросов: может ли объект собственности быть использован всеми сосособственниками

по его назначению (для проживания) без нарушения прав собственников, имеющих большую долю в праве собственности; имеется ли возможность предоставления ответчику в пользование изолированного жилого помещения, соразмерного его доле в праве собственности на квартиру; есть ли у ответчика существенный интерес в использовании общего имущества. От выяснения данных обстоятельств зависело правильное разрешение судом спора по требованиям Н. о выплате компенсации доли в общем имуществе.

Однако данные обстоятельства суд апелляционной инстанции в нарушение части 2 статьи 56 ГПК РФ не определил в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, они не получили надлежащей правовой оценки при проверке акта нижестоящего суда.

Ссылка суда апелляционной инстанции на то обстоятельство, что ответчик не имеет в собственности другого жилого помещения, кроме спорного, сама по себе не может являться основанием для отказа в удовлетворении исковых требований.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (статья 56 ГПК РФ).

При решении вопроса о наличии или об отсутствии реальной заинтересованности в использовании незначительной доли в общем имуществе также подлежит установлению соизмеримость интереса лица в использовании общего имущества с теми неудобствами, которые его участие причинит другим (другому) собственникам.

Суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции, согласившийся с его судебным постановлением, не учли установленные судом первой инстанции обстоятельства: наличие конфликтных отношений в бывшей семье, невозможность совместного проживания. Истец и несовершеннолетние дети вынуждены проживать по иному адресу ввиду невозможности такого проживания после вселения ответчика, что подтверждается в том числе постановлением мирового судьи от 24 марта 2021 г. о привлечении В. к административной ответственности

за причинение побоев Н. Ответчик зарегистрирован по другому постоянному месту жительства – в квартире своей матери.

При таких обстоятельствах судам следовало дать оценку доводам Н. о том, что она имеет существенный интерес в пользовании квартирой, являющейся единственным жильем ее и несовершеннолетних детей, которые посещают учебные и медицинские учреждения, расположенные в данном микрорайоне. Вновь вселившись в спорную квартиру после расторжения брака между сторонами, В. вынудил Н. и несовершеннолетних детей выехать из жилого помещения из-за невозможности совместного проживания.

Определение № 82-КГ22-3-К7

***Разрешение споров, возникающих из договоров
обязательного страхования гражданской ответственности***

5. В отсутствие предусмотренных законом оснований страховщик не вправе заменить страховое возмещение в форме организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного легкового автомобиля, принадлежащего на праве собственности гражданину и зарегистрированного в Российской Федерации, на денежную выплату, определенную с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов).

Б. обратилась в суд с иском к страховой компании о возложении обязанности выдать направление на проведение восстановительного ремонта автомобиля, а также о взыскании неустойки.

Иск обоснован тем, что в результате дорожно-транспортного происшествия по вине водителя троллейбуса был поврежден автомобиль Б. Гражданская ответственность Б. застрахована в страховой компании (ответчик). В порядке прямого возмещения убытков Б. обратилась к ответчику с заявлением о выдаче направления на ремонт. Вместо организации и оплаты ремонта автомобиля страховщик без согласия истца перечислил страховое возмещение в размере 30 100 руб. с учетом износа автомобиля.

В удовлетворении требований о выдаче направления на ремонт с заменой поврежденных деталей новыми страховщик отказал, сославшись на отсутствие у него договоров со СТОА, отвечающих требованиям организации восстановительного ремонта транспортного средства истца.

Решением финансового уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в сфере страхования Б. отказано в удовлетворении требований об организации восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства.

Разрешая спор и удовлетворяя частично иск, суд первой инстанции исходил из того, что у ответчика отсутствовали предусмотренные законом

основания для отказа истцу в выдаче направления на ремонт. При этом суд признал необоснованными доводы страховщика о невозможности ремонта автомобиля истца СТОА, с которым у страховщика заключен договор.

Отменяя решение суда и отказывая в удовлетворении иска Б., суд апелляционной инстанции сослался на то, что детали автомобиля истца, которые получили повреждения при ДТП, уже имели повреждения и следы доаварийного характера, что исключает возможность осуществления ремонта транспортного средства на СТОА по направлению страховщика, поскольку такой ремонт не обеспечивает возможность привести автомобиль в состояние, в котором он находился до наступления страхового случая.

В связи с этим суд апелляционной инстанции пришел к выводу о правомерной выплате страховщиком денежной суммы в счет страхового возмещения повреждений, полученных автомобилем истца.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, указала следующее.

Пунктом 1 статьи 929 ГК РФ установлено, что по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

Согласно пункту 4 статьи 10 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» условиями страхования имущества и (или) гражданской ответственности в пределах страховой суммы может предусматриваться замена страховой выплаты предоставлением имущества, аналогичного утраченному имуществу, а в случае повреждения имущества, не повлекшего его утраты, – организацией и (или) оплатой страховщиком в счет страхового возмещения ремонта поврежденного имущества.

Условия и порядок страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств регулируются Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО).

В соответствии со статьей 3 данного закона одним из основных принципов обязательного страхования является гарантия возмещения вреда,

причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных данным федеральным законом.

Согласно абзацам первому – третьему пункта 15¹ статьи 12 Закона об ОСАГО страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется (за исключением случаев, установленных пунктом 16¹ названной статьи) в соответствии с пунктом 15² или пунктом 15³ названной статьи путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре).

Страховщик после осмотра поврежденного транспортного средства потерпевшего и (или) проведения его независимой технической экспертизы выдает потерпевшему направление на ремонт на станцию технического обслуживания и осуществляет оплату стоимости проводимого такой станцией восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего в размере, определенном в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, с учетом положений абзаца второго пункта 19 указанной статьи.

При проведении восстановительного ремонта в соответствии с пунктами 15² и 15³ той же статьи не допускается использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), если в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства требуется замена комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов); иное может быть определено соглашением страховщика и потерпевшего.

Из приведенных норм права следует, что возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, по общему правилу осуществляется путем восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, при этом страховщиком стоимость такого ремонта оплачивается без учета износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов).

Перечень случаев, когда страховое возмещение по выбору потерпевшего или по соглашению потерпевшего и страховщика либо в силу объективных обстоятельств вместо организации и оплаты восстановительного ремонта осуществляется в форме страховой выплаты, приведен в пункте 16¹ статьи 12 Закона об ОСАГО.

Наличие предшествующих повреждений (износа) автомобиля к таким случаям не относится, а иных предусмотренных данной нормой оснований для замены восстановительного ремонта страховой выплатой суд апелляционной инстанции не установил.

6. Оформление участниками дорожно-транспортного происшествия документов об этом происшествии в упрощенном порядке без участия уполномоченных на то сотрудников полиции не лишает потерпевшего права на полное возмещение ущерба причинителем вреда в части, превышающей размер установленного законом страхового возмещения по договору ОСАГО.

К. обратилась в суд с иском к К.А. о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, указав, что по вине ответчика был поврежден принадлежащий истцу автомобиль. Документы о происшествии оформлены его участниками в соответствии с требованиями статьи 11¹ Закона об ОСАГО, путем совместного заполнения бланка извещения о дорожно-транспортном происшествии и без участия уполномоченных сотрудников полиции. В порядке прямого возмещения убытков страховщик выплатил потерпевшей страховое возмещение в размере 100 000 руб. Ссылаясь на то, что стоимость восстановительного ремонта автомобиля без учета износа составляет 175 300 руб., а утрата товарной стоимости – 11 075 руб., К. просила взыскать с К.А. в возмещение ущерба 86 375 руб., а также расходы на оплату услуг эксперта в размере 8000 руб.

Удовлетворяя иск, суд первой инстанции исходил из недостаточности выплаченного истцу по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств страхового возмещения для полного возмещения причиненного вреда. При этом суд указал, что оформление документов о ДТП в упрощенном порядке и выплата страхового возмещения прекращают обязательство страховщика перед потерпевшим по конкретному страховому случаю, но не лишают потерпевшего права предъявить к причинителю вреда в рамках деликтных правоотношений требование о возмещении вреда в размере, превышающем страховую выплату.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции согласился. Кассационный суд общей юрисдикции оснований для отмены решения суда и апелляционного определения не установил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, оставляя без изменения состоявшиеся по делу судебные постановления, исходила из следующего.

Пунктом 1 статьи 15 ГК РФ установлено, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

В соответствии со статьей 1072 названного кодекса юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (статья 931, пункт 1 статьи 935), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред,

возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Согласно преамбуле Закона об ОСАГО данный закон определяет правовые, экономические и организационные основы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в целях защиты прав потерпевших.

При этом в отличие от норм гражданского права о полном возмещении убытков причинителем вреда (статья 15, пункт 1 статьи 1064 ГК РФ) Закон об ОСАГО гарантирует возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных этим законом (абзац второй статьи 3 Закона об ОСАГО): страховое возмещение вреда, причиненного повреждением транспортных средств потерпевших, ограничено названным законом как лимитом страхового возмещения, так и специальным порядком расчета страхового возмещения, осуществляемого в денежной форме – с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов, и агрегатов), подлежащих замене, и в порядке, установленном единой методикой.

В силу абзаца второго пункта 23 статьи 12 Закона об ОСАГО с лица, причинившего вред, может быть взыскана сумма в размере части требования, оставшейся неудовлетворенной в соответствии с данным законом.

В пункте 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в редакции, действующей на момент возникновения спорных правоотношений) указано, что причинитель вреда, застраховавший свою ответственность в порядке обязательного страхования в пользу потерпевшего, возмещает разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба только в случае, когда страхового возмещения недостаточно для полного возмещения причиненного вреда (статья 15, пункт 1 статьи 1064, статья 1072 и пункт 1 статьи 1079 ГК РФ)¹.

Давая оценку положениям Закона об ОСАГО во взаимосвязи с положениями главы 59 ГК РФ, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 31 мая 2005 г. № 6-П указал, что требование потерпевшего (выгодоприобретателя) к страховщику о выплате страхового возмещения в рамках договора обязательного страхования является самостоятельным и отличается от требований, вытекающих из обязательств вследствие причинения вреда. Различия между страховым обязательством, где страховщику надлежит осуществить именно страховое возмещение

---

¹ Аналогичное разъяснение дано в пункте 63 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

по договору, и деликтным обязательством непосредственно между потерпевшим и причинителем вреда обуславливают разницу в самом их назначении и, соответственно, в условиях возмещения вреда. Смещение различных обязательств и их элементов, одним из которых является порядок реализации потерпевшим своего права, может иметь неблагоприятные последствия с ущемлением прав и свобод стороны, в интересах которой установлен соответствующий гражданско-правовой институт, в данном случае – для потерпевшего. И поскольку обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств не может подменять собой и тем более отменить институт деликтных обязательств, как определяют его правила главы 59 ГК РФ, применение правил указанного страхования не может приводить к безосновательному снижению размера возмещения, которое потерпевший вправе требовать от причинителя вреда.

С учетом изложенного положения Закона об ОСАГО не отменяют право потерпевшего на возмещение вреда с его причинителя и не предусматривают возможность возмещения убытков в меньшем размере.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций, исследуемое ДТП оформлено его участниками в соответствии с требованиями статьи 11¹ Закона об ОСАГО – путем совместного заполнения бланка извещения о дорожно-транспортном происшествии.

В порядке прямого возмещения ущерба страховщик выплатил истцу страховое возмещение в размере 100 000 руб., что согласно пункту 4 статьи 11¹ Закона об ОСАГО является лимитом ответственности страховщика по данному виду страхования с учетом избранного способа оформления дорожно-транспортного происшествия, а следовательно, обязательство страховщика прекратилось его надлежащим исполнением.

При таких обстоятельствах вывод суда первой инстанции о праве К. на получение от К.А. как виновного в дорожно-транспортном происшествии разницы между фактическим ущербом, установленным заключением эксперта, и выплаченным страховщиком страховым возмещением признан Судебной коллегией правильным.

Определение № 1-КГ22-7-К3

Разрешение споров с сетевыми и газораспределительными организациями

7. Повторное технологическое присоединение энергопринимающего устройства, которое ранее в надлежащем порядке было технологически присоединено, не требуется при смене собственника или иного законного владельца.

М. обратился в суд с иском к АО «АтомЭнергоСбыт» в лице обособленного подразделения «КурскАтомЭнергоСбыт» (далее –

гарантирующий поставщик) о возложении обязанности заключить договор снабжения электрической энергией нежилого помещения – коровника.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил, в частности, из того, что акт об осуществлении технологического присоединения от 24 марта 2020 г., представленный истцом до расторжения договора энергоснабжения от 1 апреля 2014 г., заключенного между гарантирующим поставщиком и агрофирмой в лице М., не может служить подтверждением надлежащего подключения энергопринимающего устройства к электрическим сетям сетевой организации при заключении нового договора истцом, в обязанности которого входит представление необходимых документов согласно пункту 34 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии.

Кассационный суд общей юрисдикции также не усмотрел оснований для отмены судебных постановлений нижестоящих судебных инстанций, отметив, что в силу требований действующего законодательства до расторжения договора энергоснабжения от 1 апреля 2014 г. между истцом и гарантирующим поставщиком не мог быть заключен соответствующий договор, а после расторжения договора энергоснабжения истец не обращался к ответчику с заявлением о заключении нового договора.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с существенным нарушением норм права, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав в том числе следующее.

В соответствии со статьей 539 ГК РФ по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии (пункт 1).

Договор энергоснабжения заключается с абонентом при наличии у него отвечающего установленным техническим требованиям энергопринимающего устройства, присоединенного к сетям энергоснабжающей организации, и другого необходимого оборудования, а также при обеспечении учета потребления энергии (пункт 2).

К отношениям по договору снабжения электрической энергией правила данного параграфа применяются, если законом или иными правовыми актами не установлено иное (пункт 4).

Правовые основы экономических отношений в сфере электроэнергетики, полномочия органов государственной власти на регулирование этих отношений, основные права и обязанности субъектов электроэнергетики при осуществлении деятельности в сфере

электроэнергетики (в том числе производства в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии) и потребителей электрической энергии установлены Федеральным законом от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон об электроэнергетике).

Согласно статье 26 указанного закона технологическое присоединение к объектам электросетевого хозяйства энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, в том числе объектов микрогенерации, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам (далее также – технологическое присоединение), осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, и носит однократный характер (пункт 1).

В случае, если происходит смена собственника или иного законного владельца энергопринимающих устройств или объектов электроэнергетики, которые ранее в надлежащем порядке были технологически присоединены, а виды производственной деятельности, осуществляемой новым собственником или иным законным владельцем, не влекут за собой пересмотр величины присоединенной мощности и не требуют изменения схемы внешнего электроснабжения и категории надежности электроснабжения, повторное технологическое присоединение не требуется и ранее определенные границы балансовой принадлежности устройств или объектов и ответственности за нарушение правил эксплуатации объектов электросетевого хозяйства не изменяются (пункт 4).

В настоящее время действует порядок технологического присоединения, определенный Правилами технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861 (далее – Правила).

Как указано в пункте 2 Правил, их действие распространяется на случаи: присоединения впервые вводимых в эксплуатацию энергопринимающих устройств; увеличения максимальной мощности ранее присоединенных энергопринимающих устройств; изменения категории надежности электроснабжения, точек присоединения, видов производственной деятельности, не влекущих пересмотра величины максимальной мощности, но изменяющих схему внешнего электроснабжения ранее присоединенных энергопринимающих устройств; присоединения ранее присоединенных энергопринимающих устройств, выведенных из эксплуатации (в том числе в целях консервации на срок более 1 года) в порядке, установленном Правилами вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июля 2007 г. № 484 «О выводе объектов

электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации»; предусмотренные пунктом 41 данных правил.

Таким образом, повторное технологическое присоединение энергопринимающего устройства, которое ранее в надлежащем порядке было технологически присоединено, не требуется при смене собственника или иного законного владельца в случае, если виды производственной деятельности указанных лиц не влекут за собой пересмотр величины присоединенной мощности и не требуют изменения схемы внешнего электроснабжения и категории надежности электроснабжения.

Разделом VIII Правил урегулированы вопросы восстановления и переоформления документов о технологическом присоединении.

В соответствии с пунктом 80 Правил сетевая организация осуществляет бессрочное хранение выданных технических условий и документов о технологическом присоединении в бумажной и электронной формах.

Как следует из материалов дела, 7 февраля 2020 г. М. обратился в сетевую организацию и к гарантирующему поставщику с заявлением о переводе точки учета электроэнергии «МТФ» (коровник) на него как на физическое лицо в связи с выкупом коровника для ведения личного подсобного хозяйства. В качестве приложения к этому заявлению истец указал свидетельство о государственной регистрации права собственности.

24 марта 2020 г. сетевая организация на основании указанного выше свидетельства о государственной регистрации права собственности выдала М. акт об осуществлении технологического присоединения, оформляемый при смене собственника энергопринимающих устройств.

При этом в тексте акта об осуществлении технологического присоединения указано, что мероприятия по технологическому присоединению выполнены согласно техническим условиям от 3 августа 2010 г.

Таким образом, содержание заявления истца и акта об осуществлении технологического присоединения свидетельствуют о том, что действия истца и сетевой организации по переводу точки учета электроэнергии фактически были направлены на переоформление документов о технологическом присоединении.

В абзаце втором пункта 2 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861, указано, что акт об осуществлении технологического присоединения (акт о технологическом присоединении) представляет собой документ, составленный по окончании процедуры технологического присоединения энергопринимающих устройств к электрическим сетям и подтверждающий технологическое присоединение в установленном порядке, в котором определены технические характеристики технологического присоединения, в том числе величина максимальной мощности, границы балансовой принадлежности объектов

электроэнергетики (энергопринимающих устройств) сторон и границы ответственности сторон за эксплуатацию соответствующих объектов электроэнергетики (энергопринимающих устройств) и (или) объектов электросетевого хозяйства.

Это судебными инстанциями учтено не было, вследствие чего вывод о том, что представленный истцом акт об осуществлении технологического присоединения не может расцениваться в качестве документа, подтверждающего подключение энергопринимающего устройства к электрическим сетям сетевой организации в установленном порядке при заключении нового договора, Судебная коллегия признала неправомерным.

Определение № 39-КГ22-5-К1

Разрешение споров, связанных с социальными и пенсионными отношениями

8. Социальная выплата, предоставленная молодому специалисту на строительство (приобретение) жилья в сельской местности, использованная им по целевому назначению в соответствии с условиями договора, заключенного с органом публичной власти, не подлежит взысканию в качестве неосновательного обогащения.

Департамент агропромышленного комплекса и потребительского рынка Ярославской области (далее – Департамент) и прокурор в интересах неопределенного круга лиц обратились в суд с исками к И., организации агропромышленного комплекса и администрации муниципального района о признании договора от 15 марта 2017 г. об обеспечении молодого специалиста (молодой семьи) жильем в сельской местности с использованием социальной выплаты, заключенного между Департаментом, организацией агропромышленного комплекса (работодатель И.) и И., недействительным, применении последствий недействительности сделки. Департамент просил взыскать с И. денежные средства предоставленной социальной выплаты как неосновательное обогащение, а прокурор – с администрации муниципального района как неправомерно израсходованные денежные средства.

Определением суда первой инстанции дела по искам Департамента и прокурора соединены для их совместного рассмотрения и разрешения.

В обоснование заявленных требований Департамент и прокурор указывали, что в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 598 была утверждена федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (далее – федеральная целевая программа). На основании федеральной целевой программы в Ярославской области была разработана областная целевая программа «Устойчивое развитие сельских

территорий Ярославской области» на 2014–2020 годы, утвержденная постановлением правительства Ярославской области от 17 марта 2014 г. № 222-п (далее – областная целевая программа).

Областной целевой программой предусматривалось предоставление социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам, осуществляемой в соответствии с Правилами предоставления социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам, проживающим в сельской местности на территории Ярославской области, в том числе молодым семьям и молодым специалистам, за счет средств областного бюджета и субсидий на софинансирование расходных обязательств муниципальных образований области по строительству (приобретению) жилья, предоставляемого молодым семьям и молодым специалистам по договору найма жилого помещения (приложение № 2 к областной целевой программе, далее – Правила).

В Правилах перечислены условия, которым должны соответствовать молодые семьи и молодые специалисты (и члены их семей), изъявившие желание постоянно проживать и работать по трудовому договору в агропромышленном комплексе (основное место работы) в сельской местности. Среди таких условий предусмотрен переезд в сельскую местность в границах соответствующего муниципального района (городского округа), в которой один из членов молодой семьи или молодой специалист работает или осуществляет индивидуальную предпринимательскую деятельность в агропромышленном комплексе или социальной сфере, из другого муниципального района или городского округа (за исключением городского округа, на территории которого находится административный центр соответствующего муниципального района).

Департамент и прокурор ссылались на то, что И. неправомерно включен администрацией муниципального района в сводные списки участников мероприятий – получателей социальных выплат в рамках реализации федеральной целевой программы на получение социальной выплаты, поскольку им был совершен переезд в район Ярославской области, который не дает право на получение социальной выплаты: переезд в населенный пункт (в деревню) района Ярославской области из административного центра этого района – г. Ярославля. Ввиду этого обстоятельства заключенный 15 марта 2017 г. между Департаментом, организацией агропромышленного комплекса (работодатель И.) и И. договор об обеспечении молодого специалиста (молодой семьи) жильем в сельской местности с использованием социальной выплаты является недействительным (ничтожным) в силу статьи 166, пункта 2 статьи 168 ГК РФ, а полученные И. денежные средства в виде социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности в размере 1 562 400 руб. – неосновательным обогащением согласно статьям 1102, 1107 и 1109 ГК РФ и подлежат возврату в соответствующие бюджеты.

Решением суда первой инстанции искивые требования Департамента удовлетворены в полном объеме, а требования прокурора удовлетворены частично (прокурору отказано во взыскании денежных средств с администрации муниципального района).

Разрешая спор и принимая решение о признании недействительным договора об обеспечении молодого специалиста жильем от 15 марта 2017 г. и о взыскании с И. в пользу Департамента социальной выплаты, суд первой инстанции исходил из того, что при переезде И. из города в сельскую местность в границах муниципального района Ярославской области у него не возникло право на получение и использование социальной выплаты в рамках федеральной целевой программы, так как он не соответствовал одному из условий, предусмотренных Правилами, заключение этого договора повлекло нецелевое расходование бюджетных средств и нарушение прав неопределенного круга лиц на получение мер социальной поддержки согласно очередности и в установленном порядке, то есть нарушение публичных интересов, поэтому сделка (договор об обеспечении молодого специалиста жильем от 15 марта 2017 г.) в силу пункта 2 статьи 168 ГК РФ является ничтожной.

С доводами ответчиков (представителей И. и работодателя) о наличии оснований для освобождения И. от возврата данной суммы применительно к правилам подпункта 3 статьи 1109 ГК РФ суд первой инстанции не согласился, указав на то, что эти доводы основаны на неправильном толковании закона.

Ссылки ответчиков (представителей И. и работодателя) на целевое расходование И. средств социальной выплаты на строительство индивидуального жилого дома в сельской местности, на несение им дополнительных расходов при строительстве дома, на полное исполнение им своих обязательств по договору об обеспечении молодого специалиста жильем от 15 марта 2017 г. суд первой инстанции также отклонил, полагая, что они не опровергают вывод о недействительности данного договора и не свидетельствуют о невозможности применения последствий недействительности сделки путем взыскания с И. предоставленных ему денежных средств в виде социальной выплаты.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, признал их законными и обоснованными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила в суд первой инстанции на новое рассмотрение, указав в том числе следующее.

Из положений статей 166 и 168 ГК РФ и разъяснений по их применению (пункты 73 и 75 постановления Пленума Верховного Суда

Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации») следует, что, по общему правилу, сделка, не соответствующая требованиям закона, является оспоримой, ничтожной такая сделка является тогда, когда она еще и посягает на публичные интересы (интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды, нарушен явно выраженный запрет, установленный законом) либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц.

Признавая договор об обеспечении молодого специалиста жильем от 15 марта 2017 г., заключенный между Департаментом, И. и организацией агропромышленного комплекса (работодателем И.), ничтожным на основании пункта 2 статьи 168 ГК РФ, суды первой и апелляционной инстанций указали на то, что данный договор посягает на публичные интересы, поскольку создает препятствия для участия в областной целевой программе неопределенному кругу лиц, которые могли бы претендовать на получение социальной выплаты в порядке очередности.

Однако этот вывод судов первой и апелляционной инстанций основан на неправильном применении нормативных правовых актов Ярославской области, регулирующих порядок и условия для включения в списки граждан, в том числе молодых специалистов, имеющих право на предоставление социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья, особенности заключения и исполнения договора об обеспечении гражданина (молодого специалиста) жильем.

Так, исходя из положений Правил лица, имеющие право на получение социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности на территории Ярославской области, определяются соответствующим сводным списком, в который включаются не все желающие получить социальную выплату, а только граждане, в том числе молодые специалисты, отвечающие в совокупности условиям, предусмотренным указанными правилами, то есть круг лиц определен названным списком.

Соответственно, у суда не имелось оснований, предусмотренных пунктом 2 статьи 168 ГК РФ, для признания договора об обеспечении молодого специалиста (молодой семьи) жильем ничтожным, поскольку заключение данного договора с И. не посягало на публичные интересы, а именно не создавало препятствий для участия в областной целевой программе неопределенному кругу лиц и не нарушало их права. Данных о том, что каким-либо лицам отказали во включении в сводные списки на получение социальной выплаты из-за заключения указанного договора с И., прокурором и Департаментом в суд представлено не было.

Как указала Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, осуществляемая в рамках федеральной и

региональных целевых программ социальная выплата на строительство (приобретение) жилья в сельской местности представляет собой безвозмездную меру социальной поддержки для граждан, проживающих в сельской местности, в том числе для молодых специалистов, изъявивших желание переехать на постоянное место жительства в сельскую местность и работать там в агропромышленном комплексе, не имеющих жилья в сельской местности там, где они работают, а также не имеющих достаточных собственных средств для его приобретения. Данная мера социальной поддержки предназначена для создания комфортных условий жизнедеятельности в сельской местности, привлечения в сельскую местность молодых специалистов, обеспечения достойного существования, надлежащего уровня жизни и необходимого достатка граждан, проживающих в сельской местности, в том числе молодых специалистов, то есть для выполнения конституционно значимых целей.

Следовательно, исходя из характера и предназначения предоставленной И. меры социальной поддержки – социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности на территории Ярославской области эта социальная выплата по своей правовой природе может быть отнесена к денежным суммам, перечисленным в подпункте 3 статьи 1109 ГК РФ и не подлежащим возврату в качестве неосновательного обогащения при отсутствии недобросовестности со стороны гражданина или счетной ошибки, в связи с чем вывод судебных инстанций о том, что на спорные отношения положения подпункта 3 статьи 1109 ГК РФ не распространяются, сделан без учета правовой природы названной выплаты и не соответствует приведенному правовому регулированию.

Взыскивая с И. денежные средства в размере полученной социальной выплаты в пользу Департамента, суды первой и апелляционной инстанций не учли правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в постановлении от 14 января 2020 г. № 2-П, о недопустимости произвольного установления оснований для взыскания с граждан денежных средств, полученных ими в качестве социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности, и формального подхода к делам, в которых гражданин в отношениях с органами публичной власти выступает как слабая сторона, что нарушило право И. на судебную защиту его прав и свобод, гарантированную каждому частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации.

Суды первой и апелляционной инстанций также не приняли во внимание конкретные обстоятельства включения И. в список участников мероприятий – получателей социальной выплаты в отсутствие одного из условий, предусмотренных Правилами, возложив бремя неблагоприятных последствий допущенных администрацией муниципального района нарушений на гражданина.

Между тем судами первой и апелляционной инстанций было установлено, что молодым специалистом И. для получения социальной

выплаты в администрацию муниципального района были представлены документы, необходимые для включения его в состав участников в рамках федеральной и областной целевых программ, в том числе подтверждающие его переезд из г. Ярославля для проживания и работы в организации агропромышленного комплекса в сельский район Ярославской области. По результатам рассмотрения этих документов решением общественной комиссии по жилищным вопросам администрации муниципального района И. был признан не имеющим жилья в сельской местности для участия в федеральной целевой программе и для включения в списки получателей социальных выплат. Затем решением администрации муниципального района И. включен в сводные списки участников мероприятий – получателей социальных выплат, которые были утверждены главой администрации муниципального района. Департамент на основании этих сводных списков признал за И. право на получение социальной выплаты, выдал ему свидетельство на предоставление социальной выплаты и перечислил денежные средства социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья.

Полученная И. социальная выплата использована им по целевому назначению: И. направлены средства социальной выплаты и собственные средства на строительство индивидуального жилого дома в сельском поселении, где он работает по настоящее время в организации агропромышленного комплекса в должности машиниста фронтального погрузчика. И. также взял на себя письменное обязательство, удостоверенное нотариусом, оформить в общую долевую собственность ему, его супруге и детям данный объект жилищного строительства в течение шести месяцев после ввода этого объекта в эксплуатацию. То есть им были выполнены все условия договора об обеспечении молодого специалиста жильем от 15 марта 2017 г. При этом в процессе реализации права на социальную выплату со стороны И. не было допущено недобросовестных, противоправных действий.

Лишение в сложившейся ситуации молодого специалиста И. права на социальную выплату на строительство (приобретение) жилья в сельской местности на территории Ярославской области, не допустившего недобросовестных, противоправных действий при обращении в уполномоченные органы за реализацией права на социальную выплату, использовавшего данную выплату по ее целевому назначению, работающего в организации агропромышленного комплекса и не имеющего иного жилья в сельской местности там, где он работает, не будет отвечать целям государственной аграрной политики, направленным в том числе на привлечение молодых специалистов для работы в сельскую местность в агропромышленном комплексе, не имеющих там жилья и достаточных собственных средств для его приобретения.

9. При расчете среднедушевого дохода семьи для оказания мер государственной социальной поддержки в виде ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно в составе дохода семьи не учитывается размер алиментов, уплаченных супругом на содержание ребенка от предыдущего брака.

Прокурор в интересах несовершеннолетнего А. в лице законного представителя И. обратился в суд с иском к многофункциональному центру предоставления государственных и муниципальных услуг в Еврейской автономной области (далее – МФЦ) о возложении обязанности произвести расчет среднедушевого дохода семьи и назначить ежемесячную денежную выплату на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно (далее также – ежемесячная выплата).

В обоснование исковых требований прокурор ссылаясь на проведенную прокурорскую проверку исполнения МФЦ законодательства, регулирующего отношения, возникающие при предоставлении гражданам государственной социальной помощи, которой установлено, что 4 июня 2020 г. И., действуя в интересах несовершеннолетнего сына А., 2017 года рождения, обратилась в МФЦ с заявлением о назначении ежемесячной выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Указ Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 199).

По результатам рассмотрения заявления И. должностными лицами МФЦ принято решение об отказе ей в назначении ежемесячной выплаты в связи с тем, что размер среднедушевого дохода ее семьи превышает величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в Еврейской автономной области (далее также – ЕАО) за второй квартал 2019 года. При расчете среднедушевого дохода семьи И. из дохода семьи не была исключена сумма уплаченных супругом И. – Н. алиментов на ребенка от предыдущего брака.

Прокурор указывал, что действия МФЦ по включению в доход семьи И. уплаченных ее супругом Н. алиментов на ребенка от предыдущего брака противоречат федеральному законодательству, а также нарушают права несовершеннолетнего А. на получение гарантированной государством социальной помощи в виде ежемесячной выплаты.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу об удовлетворении исковых требований прокурора к МФЦ об обязанности произвести расчет среднедушевого дохода семьи и назначить ежемесячную выплату на несовершеннолетнего ребенка.

При этом суд первой инстанции руководствовался положениями Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», Федерального закона от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими

и оказания им государственной социальной помощи», Указа Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 199, постановления Правительства Российской Федерации от 20 августа 2003 г. № 512 «О перечне видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи» (далее – постановление Правительства РФ от 20 августа 2003 г. № 512), Основных требований к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 г. № 384, нормативных правовых актов ЕАО, в частности закона Еврейской автономной области от 30 марта 2020 г. № 534-ОЗ «О ежемесячной денежной выплате на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно в Еврейской автономной области», Порядка учета и исчисления размера среднедушевого дохода семьи для получения ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно, утвержденного постановлением правительства Еврейской автономной области от 14 апреля 2020 г. № 100-пп.

Суд первой инстанции исходил из того, что в МФЦ при расчете среднедушевого дохода семьи И. из него не была исключена сумма алиментов, выплаченная за период с 1 января по 31 декабря 2019 г. супругом И. – Н. на ребенка от предыдущего брака, что не соответствует положениям федерального законодательства и нарушает права несовершеннолетнего А. на получение мер социальной поддержки, в связи с чем ответчику необходимо повторно произвести расчет среднедушевого дохода семьи И., исключив из дохода семьи названную сумму уплаченных алиментов.

Установив, что размер среднедушевого дохода семьи И., определенный без учета суммы уплаченных ее супругом Н. алиментов на содержание ребенка от предыдущего брака, за период с 1 января по 31 декабря 2019 г., не превышает величину прожиточного минимума на душу населения в ЕАО за второй квартал 2019 года, суд первой инстанции обязал МФЦ назначить законному представителю несовершеннолетнего А., 2017 года рождения, – И. ежемесячную выплату с 9 января 2020 г.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об оставлении без удовлетворения исковых требований прокурора, указал на то, что И., являющаяся матерью несовершеннолетнего А., претендует на меру государственной поддержки семей, имеющих детей, выплата которой предоставляется в порядке и на условиях, установленных региональным законодательством, нормами которого не предусмотрено исключение суммы уплаченных алиментов из дохода семьи при расчете среднедушевого дохода семьи для получения ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно. По мнению суда апелляционной инстанции, в данном случае мера государственной поддержки семей, имеющих детей, в виде ежемесячной выплаты на детей в возрасте от трех

до семи лет включительно под понятие государственной социальной помощи малоимущим семьям не подпадает, поэтому положения Федерального закона от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» и принятого во исполнение его постановления Правительства РФ от 20 августа 2003 г. № 512 к спорным отношениям применению не подлежат.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения апелляционное определение суда апелляционной инстанции, не установил нарушения либо неправильного применения судом апелляционной инстанций норм материального или процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции, разрешившего спор в соответствии с подлежащими применению к спорным отношениям нормами материального права и установленными обстоятельствами.

Признавая выводы суда апелляционной инстанции неправомерными, Судебная коллегия отметила, что этой судебной инстанцией дано неправильное толкование положениям законодательства ЕАО, подлежащим применению во взаимосвязи с федеральным законодательством.

Так, Указом Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в целях повышения доходов семей, имеющих детей, с 1 января 2020 г. установлена ежемесячная денежная выплата на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно, которая предоставляется в случае, если среднедушевой доход семьи не превышает величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в субъекте Российской Федерации. Изданными Правительством Российской Федерации во исполнение названного указа Основными требованиями к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 г. № 384) определено, что при расчете среднедушевого дохода семьи учитываются доходы семьи, полученные в денежной форме, в том числе алименты. Аналогичные условия предоставления ежемесячной выплаты содержатся и в нормативных актах субъекта Российской Федерации – Еврейской автономной области, регулирующих спорные отношения (закон Еврейской автономной области от 30 марта 2020 г. № 534-ОЗ «О ежемесячной денежной выплате на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно в Еврейской автономной области», Порядок учета и исчисления размера среднедушевого дохода семьи для получения ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно, утвержденный постановлением

правительства Еврейской автономной области от 14 апреля 2020 г. № 100-пш). Таким образом, как федеральным законодательством, так и законодательством Еврейской автономной области предусмотрено, что алименты учитываются при расчете среднедушевого дохода семьи в том случае, если они получены членами семьи, а не уплачены ими.

Суд апелляционной инстанции, делая вывод о том, что положениями законодательства ЕАО не предусмотрено исключение суммы уплаченных алиментов из дохода семьи при расчете среднедушевого дохода семьи для получения ежемесячной выплаты, не учел, что исходя из буквального содержания регулирующих спорные отношения норм федерального законодательства и законодательства ЕАО алименты учитываются при расчете среднедушевого дохода семьи в том случае, если они получены членами семьи, а не уплачены ими.

Как следствие, суд апелляционной инстанции оставил без внимания то обстоятельство, что размер среднедушевого дохода семьи И., определенный без учета суммы уплаченных ее супругом Н. алиментов на содержание ребенка от предыдущего брака, за период с 1 января по 31 декабря 2019 г. не превышает величину прожиточного минимума на душу населения в Еврейском автономном округе за второй квартал 2019 года. Ввиду неправильного истолкования норм права, регулирующих спорные отношения, суд апелляционной инстанции фактически счел, что И. в отсутствие на то оснований претендует на меру государственной поддержки семей, имеющих детей, в виде ежемесячной выплаты, в связи с чем неправомерно оставил без удовлетворения иски о взыскании алиментов прокурора к МФЦ об обязанности произвести расчет среднедушевого дохода семьи И. и назначить ежемесячную выплату.

Утверждение суда апелляционной инстанции о том, что мера государственной поддержки семей, имеющих детей, в виде ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно под понятие государственной социальной помощи малоимущим семьям не подпадает, поэтому положения Федерального закона от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» и принятого во исполнение его постановления Правительства РФ от 20 августа 2003 г. № 512 к спорным отношениям применению не подлежат, Судебная коллегия признала ошибочным.

В соответствии с Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» целями государственной социальной помощи, которая может осуществляться в том числе в виде денежных выплат, являются поддержание уровня жизни малоимущих семей, а также малоимущих одиноко проживающих граждан, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации, снижение уровня

социального неравенства и повышение доходов населения (статьи 1, 3, абзац второй части 1 статьи 12).

Указом Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 199 ежемесячная денежная выплата на ребенка в возрасте от трех до семи лет установлена в целях повышения доходов семей, имеющих детей, и предоставляется в случае, если среднедушевой доход семьи не превышает величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в субъекте Российской Федерации, то есть по своей правовой природе предусмотренная названным указом ежемесячная выплата может быть отнесена к государственной социальной помощи, предназначенной для поддержания уровня жизни семей с детьми, среднедушевой доход которых не превышает величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в субъекте Российской Федерации.

Соответственно, с учетом правовой природы ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет суд первой инстанции обоснованно применил к спорным отношениям положения Федерального закона от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» и пункт 3 перечня видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2003 г. № 512), согласно которому из дохода семьи исключается сумма уплаченных алиментов.

Определение № 65-КГПП22-1-К9

10. Право на дополнительные меры государственной поддержки в виде материнского (семейного) капитала, установленные законом для женщин, родивших (усыновивших) первого ребенка начиная с 1 января 2020 г., не возникает у женщин, право которых на получение указанной меры поддержки было прекращено в связи с лишением их родительских прав в отношении детей, рожденных до этой даты.

В. обратилась с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения об отказе в выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, о возложении обязанности выдать государственный сертификат на материнский (семейный) капитал.

В обоснование своих требований истец указала на то, что 2 февраля 2011 г. она получила государственный сертификат на материнский (семейный) капитал в связи с рождением второго ребенка, 2008 года рождения.

Решением суда от 12 сентября 2011 г. В. лишена родительских прав в отношении двоих детей, 2008 и 2005 годов рождения, право В. на меры

государственной поддержки прекратилось, сертификатом истец не воспользовалась.

В 2020 году у В. родился ребенок, 7 мая 2020 г. она обратилась в пенсионный орган с заявлением о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал.

12 мая 2020 г. ответчиком принято решение об отказе в выдаче сертификата на материнский (семейный) капитал со ссылкой на пункт 3 части 6 статьи 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Федеральный закон № 256-ФЗ) в связи с предоставлением недостоверных сведений, в том числе сведений об очередности рождения (усыновления) и (или) о гражданстве ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникает право на дополнительные меры государственной поддержки.

По мнению истца, дети, в отношении которых она была лишена родительских прав, не должны учитываться при принятии решения о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал. Ребенок, родившийся в 2020 году, является ее первым ребенком, следовательно, истец приобрела право на меры государственной поддержки.

Принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, руководствуясь положениями статьи 3 Федерального закона № 256-ФЗ о праве на дополнительные меры государственной поддержки, пункта 1 статьи 71 СК РФ о последствиях лишения родительских прав, исходил из того, что В. имела право на указанные меры государственной поддержки, но в связи с лишением ее родительских прав в отношении предыдущих детей такое право она утратила в полном объеме, поскольку право на дополнительные меры государственной поддержки в виде материнского (семейного) капитала возникает однократно. Право на получение государственного сертификата на материнский (семейный) капитал у В. в связи с рождением в 2020 году ребенка не возникло. Решение пенсионного органа от 12 мая 2020 г. об отказе в выдаче В. государственного сертификата на материнский (семейный) капитал судом признано законным.

Отменяя указанное решение суда, суд апелляционной инстанции со ссылкой на пункт 4 части 1 статьи 3, а также часть 2 статьи 3 Федерального закона № 256-ФЗ указала на то, что В. ранее не воспользовалась своим правом на получение мер социальной поддержки в виде материнского (семейного) капитала. При обращении к ответчику 7 мая 2020 г. с заявлением о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал представила достоверные сведения, в том числе сведения об очередности рождения (усыновления) и (или) о гражданстве ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникает право на дополнительные меры государственной поддержки. Таким образом, по мнению суда апелляционной инстанции, у ответчика не имелось законных оснований для отказа в

удовлетворении заявления истца о выдаче сертификата на материнский (семейный) капитал.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставляя в силе решение суда первой инстанции, указала следующее.

Частью 1 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Федеральный закон № 256-ФЗ) предусмотрено, что право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего гражданство Российской Федерации, у следующих граждан Российской Федерации независимо от места их жительства:

1) женщин, родивших (усыновивших) второго ребенка начиная с 1 января 2007 г.; 2) женщин, родивших (усыновивших) третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 г., если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки; 3) мужчин, являющихся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2007 г.; 4) женщин, родивших (усыновивших) первого ребенка начиная с 1 января 2020 г.; 5) мужчин, являющихся единственными усыновителями первого ребенка, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2020 г.

В соответствии с частью 3 статьи 3 этого федерального закона право женщин на дополнительные меры государственной поддержки прекращается и переходит к иным лицам (отцу ребенка либо самому ребенку) в случаях смерти женщины, объявления ее умершей, лишения родительских прав в отношении ребенка, в связи с рождением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, совершения в отношении своего ребенка (детей) умышленного преступления, относящегося к преступлениям против личности, а также в случае отмены усыновления ребенка, в связи с усыновлением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки.

Частью 4 статьи 3 Федерального закона № 256-ФЗ предусмотрено, что в случаях, если отец (усыновитель) ребенка, у которого в соответствии с частью 3 этой же статьи возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, или мужчина, являющийся единственным усыновителем ребенка, умер, объявлен умершим, лишен родительских прав в отношении ребенка, в связи с рождением которого возникло право

на дополнительные меры государственной поддержки, оставил ребенка, в связи с рождением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, в родильном доме (отделении) или иной медицинской организации, дал письменное согласие на усыновление ребенка, в связи с рождением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки (за исключением согласия на его усыновление мачехой), совершил в отношении своего ребенка (детей) умышленное преступление, относящееся к преступлениям против личности и повлекшее за собой лишение родительских прав или ограничение родительских прав в отношении ребенка (детей), либо если в отношении указанных лиц отменено усыновление ребенка, в связи с усыновлением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, их право на дополнительные меры государственной поддержки прекращается и возникает у ребенка (детей в равных долях), не достигшего совершеннолетия, и (или) у совершеннолетнего ребенка (детей в равных долях), обучающегося по очной форме обучения в образовательной организации (за исключением организации дополнительного образования) до окончания такого обучения, но не дольше чем до достижения им возраста 23 лет.

Право на дополнительные меры государственной поддержки возникает у ребенка (детей в равных долях), указанного в части 4 данной статьи, в случае, если женщина, право которой на дополнительные меры государственной поддержки прекратилось по основаниям, указанным в части 3 названной статьи, являлась единственным родителем (усыновителем) ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, либо в случае, если у отца (усыновителя) ребенка (детей) не возникло право на дополнительные меры государственной поддержки по основаниям, указанным в части 3 этой статьи (часть 5 статьи 3 Федерального закона № 256-ФЗ).

Пунктом 1 статьи 71 СК РФ предусмотрено, что родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе право на получение от него содержания (статья 87 данного кодекса), а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей.

Из системного толкования приведенных правовых норм следует, что право на дополнительные меры государственной поддержки в виде материнского (семейного) капитала возникает у женщины, родившей двух и более детей начиная с 1 января 2007 г. или первого ребенка начиная с 1 января 2020 г., однократно. На это обстоятельство указано и в Обзоре судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июня 2016 г.

Право на дополнительные меры государственной поддержки возникает у ребенка (детей в равных долях), в связи с рождением которого возникло такое право, в случае, если женщина, право которой на дополнительные меры государственной поддержки прекратилось по основаниям, указанным в части 3 статьи 3 Федерального закона № 256-ФЗ, являлась единственным родителем (усыновителем) ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки, либо в случае, если у отца (усыновителя) ребенка (детей) не возникло право на дополнительные меры государственной поддержки по основаниям, указанным в части 3 статьи 3 указанного федерального закона.

Как установлено судом и следует из материалов дела, В. выдавался государственный сертификат на материнский (семейный) капитал в связи с рождением второго ребенка, в отношении которого она была лишена родительских прав.

Таким образом, в данном случае в связи с рождением второго ребенка (2008 года рождения) В. реализовала свое право на получение средств материнского (семейного) капитала, но впоследствии утратила его в связи с лишением родительских прав, и на основании части 5 статьи 3 Федерального закона № 256-ФЗ данное право возникло у детей В. в равных долях.

Согласно пунктам 1 и 2 части 6 статьи 5 Федерального закона № 256-ФЗ основанием для отказа в удовлетворении заявления о выдаче сертификата являются в том числе отсутствие права на дополнительные меры государственной поддержки в соответствии с этим федеральным законом, а также прекращение права на дополнительные меры государственной поддержки по основаниям, установленным частями 3–4¹ и 6 статьи 3 указанного федерального закона.

Судебная коллегия указала на то, что судами апелляционной и кассационной инстанций ошибочно применена часть 2 статьи 3 Федерального закона № 256-ФЗ, в соответствии с которой при возникновении права на дополнительные меры государственной поддержки лиц, указанных в части 1 этой статьи, не учитываются дети, в отношении которых данные лица были лишены родительских прав.

Данная норма подлежит применению в тех случаях, когда у лиц, указанных в части 1 статьи 3 возникает право на дополнительные меры государственной поддержки в связи с рождением ребенка, причем такое право может возникнуть только один раз. У В. такое право возникло в связи с рождением второго ребенка, оно было ею реализовано при получении государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, но было прекращено в связи с лишением ее родительских прав в отношении первых двоих детей. В связи с рождением в 2020 году третьего ребенка повторного права на дополнительные меры государственной поддержки у нее возникнуть не могло в силу прямого указания на это в пунктах 1 и 2 части 6 статьи 5 Федерального закона № 256-ФЗ.

11. При назначении сотруднику органа внутренних дел пенсии за выслугу лет период его службы в качестве стажера по соответствующей должности в органе внутренних дел подлежит включению в стаж службы в календарном исчислении.

Т. обратился в суд с иском к органу внутренних дел об определении выслуги лет, о назначении пенсии за выслугу лет.

В обоснование заявленных требований истец указал, что с 1995 по 2013 год проходил службу на штатных должностях в органах внутренних дел на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. В приказе об увольнении Т. со службы приведены данные о продолжительности его выслуги лет в календарном и льготном исчислении.

Не согласившись с расчетом выслуги лет при увольнении со службы, Т. полагал, что период службы с 20 февраля по 20 августа 1995 г. в качестве стажера по должности милиционера роты патрульно-постовой службы при отделе внутренних дел должен исчисляться в льготном порядке из расчета 1 месяц службы за 1,5 месяца и период службы с 30 октября 1996 г. по 8 апреля 1997 г. в качестве стажера по соответствующей должности в органе внутренних дел должен исчисляться в льготном порядке из расчета 1 месяц службы за 2 месяца, так как г. Новый Уренгой, где он проходил службу в период с 20 февраля по 20 августа 1995 г., расположен на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, а пос. Ямбург Ямало-Ненецкого автономного округа, где он проходил службу в период с 30 октября 1996 г. по 8 апреля 1997 г., относится к местностям севернее Северного полярного круга. Между тем данные периоды были засчитаны в выслугу лет в календарном исчислении.

Решением суда первой инстанции исковые требования Т. удовлетворены в части, касающейся расчета выслуги лет.

Разрешая исковые требования Т. о включении в расчет его выслуги лет периодов службы в качестве стажера по соответствующей должности, суд, руководствуясь Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», пунктами 1 и 3 постановления Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации» (далее – постановление Правительства Российской Федерации

от 22 сентября 1993 г. № 941), статьей 12 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 (далее – Положение о службе), в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений, пришел к выводу о зачете в выслугу лет истца периодов работы в качестве стажера на льготных условиях как периодов службы в отдаленных местностях. При этом суд исходил из того, что период стажировки на должностях рядового и начальствующего состава органов внутренних дел относится к службе в органах внутренних дел. Несмотря на то, что на время испытательного срока кандидат назначается стажером по должности без присвоения специального звания и на него в этот период распространяется действие трудового законодательства, он при этом выполняет обязанности и пользуется правами сотрудника органов внутренних дел в соответствии с занимаемой должностью и условиями контракта.

С указанными выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций в части включения в расчет выслуги лет Т. периодов службы в качестве стажера по соответствующей должности в льготном исчислении ошибочными, основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Правоотношения, связанные с поступлением на службу в органы внутренних дел, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения (статуса) сотрудника органов внутренних дел, регулируются Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ).

Вопросы прохождения службы сотрудниками полиции также регулируются нормами Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в силу статьи 34 которого служба в полиции осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения службы в органах внутренних дел, с учетом положений этого закона.

Согласно статье 24 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ для гражданина, поступающего на службу в органы внутренних дел, в целях проверки уровня его подготовки и соответствия должности в органах внутренних дел, на замещение которой он претендует, устанавливается испытание на срок от двух до шести месяцев, за исключением случаев, установленных частями 10 и 11 данной статьи. На период испытания кандидат назначается стажером на соответствующую должность в органах внутренних дел без присвоения ему специального

звания. Во время испытания стажер выполняет обязанности и пользуется правами в соответствии с замещаемой должностью в органах внутренних дел и условиями трудового договора. Стажеру в период испытания не разрешаются ношение и хранение огнестрельного оружия. Запрещается использовать стажера в оперативных мероприятиях, когда может возникнуть угроза его жизни либо когда его самостоятельные действия в силу профессиональной неподготовленности могут привести к нарушению, ущемлению прав, свобод и законных интересов граждан. В период испытания стажер наряду с выполнением основных обязанностей и поручений по должности проходит индивидуальное обучение по месту службы под руководством непосредственного руководителя (начальника) и наставника из числа опытных сотрудников органов внутренних дел, назначаемого приказом уполномоченного руководителя. В период испытания осуществляется дальнейшее изучение деловых и личных качеств стажера. Срок испытания засчитывается в стаж службы в органах внутренних дел (выслугу лет).

В заявленные для исчисления в льготном порядке периоды службы истца в качестве стажера по соответствующей должности действовало Положение о службе, согласно статье 1 которого сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации являются граждане Российской Федерации, состоящие в должностях рядового и начальствующего состава органов внутренних дел или в кадрах МВД России, которым в установленном данным положением порядке присвоены специальные звания рядового и начальствующего состава органов внутренних дел.

В соответствии со статьей 12 Положения о службе для лиц, впервые поступающих на службу в органы внутренних дел, может быть установлен испытательный срок продолжительностью от трех месяцев до одного года в зависимости от уровня подготовки и должности, на которую они поступают. В этом случае кандидат назначается стажером на соответствующую должность без присвоения ему специального звания. Для лиц, впервые принимаемых на службу в милицию, испытательный срок обязателен. На время испытательного срока на стажера распространяется действие законодательства Российской Федерации о труде, а также статей 53 и 55 указанного положения. Испытательный срок засчитывается в стаж службы в органах внутренних дел, дающий право на выплату процентной надбавки за выслугу лет и назначение пенсии по линии МВД России.

Из приведенных нормативных положений следует, что гражданин, поступивший на службу в качестве стажера по соответствующей должности, не может считаться сотрудником органов внутренних дел или сотрудником полиции до момента назначения на должность и присвоения специального звания.

Поскольку в периоды с 20 февраля по 20 августа 1995 г. и с 30 октября 1996 г. по 8 апреля 1997 г. истец Т. не был назначен на должность и ему

не было присвоено специальное звание, сотрудником органов внутренних дел в указанные периоды он не являлся.

Суды не приняли во внимание, что период службы в качестве стажера по соответствующей должности является трудовой деятельностью, а не служебной, в связи с чем к этому периоду не могут в полном объеме применяться нормы закона, регулирующие служебные отношения в органах внутренних дел, в том числе отношения, связанные с пенсионным обеспечением и расчетом выслуги лет.

Стаж службы (выслуга лет) в органах внутренних дел исчисляется в порядке, установленном статьей 38 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

В силу пункта 11 части 2 статьи 38 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в стаж службы (выслугу лет) в органах внутренних дел включается срок испытания при поступлении гражданина на службу в органы внутренних дел.

Пунктом 1 части 3 этой же статьи установлено, что в стаж службы (выслугу лет) в органах внутренних дел в льготном исчислении засчитываются периоды прохождения сотрудником органов внутренних дел службы в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных, в соответствии с перечнями указанных районов и местностей, утверждаемыми Правительством Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 1 части 4 статьи 38 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ в стаж службы (выслугу лет) в органах внутренних дел включаются для назначения пенсии за выслугу лет – периоды, указанные в частях 2 и 3 этой статьи (в календарном или льготном исчислении).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 (подпункты «в» и «г» пункта 3) в выслугу лет для назначения пенсий уволенным со службы лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел засчитываются на льготных условиях периоды службы в органах внутренних дел в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных.

Таким образом, изложенные нормы не дают оснований для включения периодов службы Т. в качестве стажера по должности милиционера роты патрульно-постовой службы при отделе внутренних дел (дислокация в г. Новый Уренгой) и по должности помощника оперативного дежурного линейного отдела внутренних дел (дислокация в пос. Ямбург) в выслугу лет в льготном исчислении.

Периоды службы в качестве стажера по соответствующим должностям могут быть включены в выслугу лет только в календарном исчислении

(пункт 11 части 2 и пункт 1 части 4 статьи 38 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ).

С учетом приведенных обстоятельств Судебная коллегия отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в части включения в расчет выслуги лет Т. периодов службы в качестве стажера по соответствующей должности в льготном исчислении и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла в отмененной части новое решение об отказе Т. в удовлетворении исковых требований.

Определение № 70-КГ16-12

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)

12. Срок исковой давности по требованию о возврате предварительной оплаты по договору о передаче вещи не течет, если сторона этого договора выразила волю на исполнение соответствующего обязательства в натуре.

Общество заключило с Правительством Москвы инвестиционный контракт, направленный на реализацию проекта по строительству административно-делового и торгового центра с подземным паркингом, по результатам исполнения которого обществу подлежала передаче в собственность часть нежилых помещений.

В свою очередь, общество (инвестор) заключило с индивидуальным предпринимателем (соинвестором) договор инвестирования в строительство.

Соинвестор надлежащим образом исполнил принятые по договору обязательства (произвел оплату в полном объеме и в согласованный срок).

Правительство Москвы и общество подписали акт о результатах реализации контракта, согласно которому обществу переданы нежилые помещения делового центра, в том числе офисное помещение, подлежавшее передаче соинвестору.

Вопреки достигнутым договоренностям общество (продавец) заключило с другим покупателем договор купли-продажи нежилых помещений, на основании которого, помимо прочего, произвело отчуждение офисного помещения, предназначавшегося соинвестору. Право собственности покупателя на помещение было зарегистрировано.

Соинвестор в судебном порядке оспорил заключенный обществом и покупателем договор купли-продажи в относящейся к нему части. Вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции отказано в удовлетворении иска о признании договора недействительным в

оспариваемой части и о применении последствий его недействительности.

В рамках дела о банкротстве общества соинвестор подал заявление о включении в реестр требований кредиторов должника денежного требования о возмещении убытков, возникших в связи с неисполнением обществом принятого по договору инвестирования в строительство обязательства по передаче в собственность офисного помещения, в том числе реального ущерба в виде суммы, внесенной соинвестором в счет оплаты по этому договору, разности между текущей ценой офисного помещения и его ценой, определенной в договоре инвестирования в строительство.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявления отказано.

Признавая требование соинвестора необоснованным, суды сочли, что был пропущен трехлетний срок исковой давности, который начал течь не позднее дня ввода делового центра в эксплуатацию.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно пункту 1 статьи 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года.

По общему правилу, закрепленному в пункте 1 статьи 200 ГК РФ, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Заключенный соинвестором и обществом договор является договором купли-продажи будущей недвижимой вещи (пункты 1, 2, 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем»).

Первоначальное требование соинвестора, вытекающее из этого договора, о передаче в собственность офисного помещения отлично от предъявленного в рамках дела о банкротстве общества обособленного спора денежного требования о возмещении убытков, возникших в связи с неисполнением обществом договорного обязательства, в частности о возврате соинвестору денежных средств, уплаченных по договору инвестирования в строительство, и компенсации в деньгах разности между текущей рыночной стоимостью офисного помещения и ценой, определенной в договоре.

Если после возникновения оснований для расторжения договора купли-продажи будущей недвижимой вещи в связи с нарушением, допущенным продавцом, в течение некоторого периода времени воля обеих сторон сделки была направлена на сохранение объединяющей их обязательственной связи и предоставление должнику дополнительной возможности исполнить договор,

у кредитора все это время (пока должник подтверждает намерение совершить в будущем действия, являющиеся предметом договора) имеются разумные ожидания относительно того, что он получит имущество в натуре, а потому по смыслу пункта 1 статьи 200 ГК РФ в указанный период срок давности по денежному требованию о возмещении продавцом убытков, причиненных непередачей недвижимости покупателю, не течет.

В рассматриваемом случае в договор инвестирования в строительство включены положения о том, что общество (продавец) извещает соинвестора (покупателя) о готовности офисного помещения к передаче в собственность покупателю; расходы, связанные с оформлением права собственности на помещение несет покупатель.

Обществом в адрес инвестора было направлено уведомление о готовности к оформлению права собственности соинвестора на офисное помещение с требованием компенсировать на основании договора инвестирования в строительство затраты, понесенные в связи с оформлением (расходы по изготовлению технических и кадастровых паспортов), а также возместить расходы на уплату государственной пошлины.

Таким образом, общество выразило волю на исполнение договорного обязательства по передаче вещи в натуре при условии возмещения соинвестором, как и было установлено договором, расходов, связанных с оформлением права собственности на данную вещь. Соответствующее возмещение соинвестор предоставил 30 июня 2016 г. (в отведенный статьей 314 ГК РФ срок), после чего справедливо рассчитывал получить офисное помещение от общества.

Поскольку у соинвестора не имелось оснований полагать, что общество не предоставит предусмотренное договором исполнение путем передачи офисного помещения, срок давности по требованию о возмещении убытков, вызванных неисполнением упомянутого договорного обязательства, не мог начать течь ранее дня возмещения расходов, связанных с оформлением права собственности на данную вещь. С иском о возмещении убытков (заявлением о включении соответствующего требования в реестр) соинвестор обратился 28 июня 2019 г., то есть в пределах трехлетнего срока исковой давности.

Определение № 305-ЭС21-27461(2)

13. Банк-залогодержатель обладает преимущественным перед другими кредиторами должника правом на получение удовлетворения за счет денежных средств, причитающихся должнику (как участнику долевого строительства) от застройщика в связи с прекращением договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома.

Банк предоставил гражданину кредит на инвестирование строительства квартиры, осуществляемого на основании заключенного с компанией и подчиняющегося Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ

«Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома. В качестве обеспечения своевременного и полного исполнения обязательств по кредитному договору должник предоставил банку залог прав требования по договору участия в долевом строительстве многоквартирного дома и залог строящейся квартиры, зарегистрированный в установленном порядке.

В рамках дела о банкротстве гражданина банк обратился в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника задолженности, обеспеченной залогом имущества должника.

Заявление в части включения в реестр основного долга и процентов за пользование кредитными средствами рассмотрено отдельно и удовлетворено.

Требование о признании залогового статуса указанных сумм выделено в отдельное производство. Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным в силе судами апелляционной и кассационной инстанций, в его удовлетворении отказано.

Ко дню рассмотрения судом первой инстанции спорного требования состоялись решение и апелляционное определение судов общей юрисдикции, в силу которых договор участия в долевом строительстве многоквартирного дома признан расторгнутым, с компании в пользу должника взыскан долг и проценты за пользование чужими денежными средствами.

Последствия расторжения договора долевого участия в строительстве предусмотрены Законом № 214-ФЗ и отличны от указанного в пункте 2 статьи 453 ГК РФ прекращения обязательств сторон вследствие расторжения или изменения договора.

Учитывая названные судебные акты судов общей юрисдикции и руководствуясь пунктом 2 статьи 453, пунктом 1 статьи 352 ГК РФ, суды признали прекращение заложенных прав требования должника как участника долевого строительства в связи с прекращением договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома, из которого эти права вытекают.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты суда первой инстанции, апелляционного и кассационного судов и признала требования банка обеспеченными залогом прав из договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома, указав следующее.

В силу статьи 9 Закона № 214-ФЗ в определенных случаях участник долевого строительства вправе отказаться от договора или по его требованию договор может быть расторгнут судом, последствием чего является обязанность застройщика возратить участнику денежные средства, уплаченные им в счет цены договора, а также уплатить проценты на эту сумму за пользование указанными денежными средствами.

Право должника требовать от компании после расторжения договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома возврата

вложенных в строительство квартиры денежных средств и уплаты процентов вытекает из закона и подтверждено судебными актами судов общей юрисдикции.

Эти права находятся в залоге у банка и их реализация является предметом спорного требования банка.

Преимущественное перед другими кредиторами должника право банка на получение удовлетворения за счет денежных средств, причитающихся должнику от компании в связи с прекращением договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома, следует из пункта 2 статьи 334 ГК РФ.

Таким образом, вывод судов о прекращении залога прав требования должника как участника долевого строительства противоречит закону и банку неосновательно отказано в признании обеспеченным таким залогом включенного в реестр требования.

Направление дела о расторжении договора долевого участия на новое рассмотрение не влияет на права банка, поскольку при выборе любого способа получения исполнения (обращение взыскания на причитающиеся должнику как участнику долевого строительства денежные средства либо на квартиру) требование банка имеет статус обеспеченного залогом.

Определение № 310-ЭС21-29244

Практика применения гражданского законодательства

14. Отзыв согласия на совершение сделки, состоявшийся после заключения предварительного договора совершения сделки, не может являться основанием для отказа в иске о понуждении к заключению основного договора.

Между продавцом и покупателем, являющимися участниками общества, обладающими каждый по 50 процентов долей в уставном капитале, с нотариально удостоверенного согласия супруги продавца заключен предварительный договор купли-продажи доли в уставном капитале общества от 14 августа 2019 г., по условиям которого стороны приняли на себя обязательство заключить в будущем в срок до 14 августа 2020 г. договор купли-продажи на отчуждение части доли.

Ссылаясь на уклонение продавца от заключения основного договора, покупатель обратился в арбитражный суд с иском к продавцу об обязанности заключить договор купли-продажи части доли, принадлежащей ответчику в уставном капитале общества, на условиях, согласованных в предварительном договоре купли-продажи от 14 августа 2019 г.

Продавец обратился со встречным иском к покупателю о признании недействительным предварительного договора купли-продажи от 14 августа 2019 г.

В качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора в части признания недействительным предварительного договора от 14 августа 2019 г., в дело вступила супруга продавца, которая заявила, что не дает своего согласия на заключение основного договора купли-продажи доли на условиях предварительного договора, и распоряжением от 11 сентября 2020 г. отозвала согласие, выданное на заключение предварительного договора купли-продажи доли в уставном капитале общества, а распоряжением от 14 декабря 2020 г. также отозвала согласие на продажу долей в уставном капитале.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и суда округа, в удовлетворении иска покупателя, встречного иска продавца и самостоятельных требований супруги продавца отказано.

Судами указано на невозможность понуждения продавца к отчуждению долей в уставном капитале общества с нарушением права совместной собственности супругов, поскольку на момент рассмотрения данного дела супругой продавца отозвано согласие на отчуждение долей в уставном капитале общества, необходимое в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации.

В удовлетворении встречного иска продавца и в удовлетворении самостоятельных требований супруги продавца о признании недействительным предварительного договора от 14 августа 2019 г. отказано в связи с пропуском срока исковой давности, предусмотренного пунктом 2 статьи 181 ГК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты в части отказа в удовлетворении требования покупателя о понуждении к заключению договора купли-продажи доли в уставном капитале общества и направила дело на новое рассмотрение в указанной части в связи со следующим.

Получение согласия на совершение сделки является необходимым, в частности, для заключения одним из супругов сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, в том числе сделки, направленной на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (пункт 3 статьи 35 СК РФ и пункт 11 статьи 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), поскольку совершение сделки одним из супругов в отношении их общего имущества с безусловностью повлечет наступление правовых последствий и для второго собственника. Согласие второго супруга на совершение сделки подтверждает совпадение воли собственников относительно распоряжения их общим имуществом.

Гражданское законодательство не содержит положений, регулирующих отзыв предварительного согласия на совершение сделки. Из существа семейных отношений не исключается возможность отзыва такого согласия,

данного одним из супругов, например, в связи с изменением интересов семьи, наступлением обстоятельств, приводящих к утрате согласия супругов относительно распоряжения их общим имуществом.

В то же время возможность отзыва предварительного согласия на совершение сделки не может быть неограниченной во времени, поскольку такое действие способно затронуть права других участников оборота, возникших из ранее данного третьим лицом согласия.

Из содержания пункта 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» следует, что возможность отзыва предварительного согласия утрачивается с того момента, когда оно повлияло на правоотношения иных участников оборота, а именно послужило основанием для возникновения их прав и обязанностей на основании договора. Отзыв согласия допускается до того, как стороны, основываясь на согласии третьего лица, вступили в договорные отношения.

При заключении предварительного договора у договаривающихся сторон согласно статье 429 ГК РФ возникает обязанность заключить сделку, в том числе сделку по отчуждению имущества, на условиях, оговоренных в предварительном соглашении.

Использование юридической конструкции предварительного договора передачи имущества, как правило, имеет своей целью юридически связать стороны еще до того, как у контрагента появится право на необходимую для исполнения вещь, с тем чтобы в установленный им срок восполнить отсутствие условия, необходимого для заключения основного договора.

На основании пункта 5 статьи 429, пункта 4 статьи 445 ГК РФ уклонение стороны, заключившей предварительный договор, от заключения основного договора, является основанием для понуждения к заключению договора в судебном порядке.

Таким образом, предварительный и основной договоры купли-продажи являются взаимосвязанными сделками, последовательное совершение которых направлено на отчуждение имущества. При заключении предварительного договора уже выражена воля на отчуждение имущества, которая связывает стороны договора, в связи с чем последующее уклонение одной из сторон от заключения основного договора может являться основанием для понуждения к заключению договора в судебном порядке.

Поскольку с момента заключения предварительного договора согласие третьего лица на совершение сделки купли-продажи уже становится основанием для возникновения прав и обязанностей иных участников оборота, связанных с отчуждением имущества, то возможность отзыва согласия третьего лица на отчуждение имущества с этого момента утрачивается.

Как установлено судами, согласие на отчуждение долей в уставном капитале общества была дано супругой продавца 14 марта 2019 г. и не было

ограничено каким-либо сроком действия. При этом согласие содержало указание на то, что продажу доли ее супруг вправе осуществить за цену и на условиях по его собственному усмотрению.

С заключением 14 августа 2019 г. предварительного договора купли-продажи долей в уставном капитале общества вышеназванное согласие было реализовано, поскольку привело к возникновению обязательственных правоотношений между продавцом и покупателем, направленных на отчуждение доли.

Следовательно, распоряжение супруги должника об отзыве согласия на продажу долей в уставном капитале общества, данное 14 декабря 2020 г. уже после заключения предварительного договора, не могло иметь юридических последствий.

То обстоятельство, что супругой должника в нотариальном порядке 14 августа 2019 г. также было удостоверено отдельное согласие на совершение только предварительного договора, не имеет значения для данного спора, поскольку использование юридических конструкций предварительного и основного договора в данном случае являлось способом распоряжения общим имуществом супругов. Получение согласия на заключение предварительного договора не являлось необходимым при наличии ранее выданного согласия на отчуждение имущества. При этом отзыв согласия на заключение предварительного договора состоялся только 11 сентября 2020 г., то есть также после совершения сделки.

С учетом положений пункта 1 статьи 1 ГК РФ при выражении согласия на отчуждение долей в уставном капитале супруга продавца имела возможность отдельно оговорить условия продажи имущества, срок действия согласия и возможность его отмены при наступлении определенных обстоятельств, значимых для семьи. Однако такого рода условия оговорены не были.

Таким образом, при названных обстоятельствах отзыв предварительного согласия на совершение сделки, состоявшийся после заключения предварительного договора, не мог являться основанием для отказа в иске о понуждении к заключению основного договора.

Определение № 307-ЭС22-6562

15. Пункт 1 статьи 335 Гражданского кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ), предусматривающий применение правил о поручительстве к отношениям между являющимся третьим лицом залогодателем, должником и залогодержателем, распространяется на договоры залога, заключенные после вступления в силу названного закона (1 июля 2014 г.).

Между банком (кредитор) и заемщиком 23 июля 2012 г. заключен кредитный договор со сроком возврата кредита 16 июля 2017 г.

В обеспечение исполнения обязательств заемщика по кредитному договору между банком (залогодержатель) и индивидуальным предпринимателем (залогодатель) 23 июля 2012 г. заключен договор об ипотеке (залоге недвижимости), по условиям которого залогодатель передал залогодержателю в залог нежилое здание и земельный участок, на котором расположен предмет ипотеки. Срок действия договора залога сторонами не установлен. Договор залога прошел государственную регистрацию 3 августа 2012 г.

Банк и заемщик 20 декабря 2017 г. заключили дополнительное соглашение к кредитному договору, согласно которому окончательный срок возврата кредита перенесен на 16 ноября 2018 г.

Банк и предприниматель 20 декабря 2017 г. заключили дополнительное соглашение к договору залога, согласно которому окончательный срок возврата кредита перенесен на 16 ноября 2018 г. Указанное дополнительное соглашение не прошло государственную регистрацию.

Неисполнение заемщиком своих обязательств по кредитному договору послужило основанием для обращения 11 июня 2019 г. банка в арбитражный суд с иском к предпринимателю об обращении взыскания на предмет ипотеки.

Удовлетворяя требование банка об обращении взыскания на предмет ипотеки, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что ввиду обязательности для банка и предпринимателя дополнительного соглашения от 20 декабря 2017 г. срок исполнения основного обязательства истек 16 ноября 2018 г., а иск предъявлен 11 июня 2019 г., то есть до истечения годичного срока, предусмотренного пунктом 4 статьи 367 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент заключения договора залога).

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение отменено, в удовлетворении иска банка отказано.

Суды указали, что, поскольку дополнительное соглашение к договору не было зарегистрировано, срок действия обязательства должен определяться исходя из содержания зарегистрированного договора залога. Так как в договоре залога срок его действия не был установлен, к правоотношениям сторон подлежат применению правила статьи 367 ГК РФ (в действовавшей на момент заключения договора залога редакции) о прекращении залога по истечении года со дня наступления срока исполнения основного обязательства, то есть до 16 июля 2018 г., а следовательно, банк обратился с иском по истечении срока залога, ввиду чего судом отказано в обращении взыскания на предмет ипотеки.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты апелляционного и кассационного судов, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

При разрешении вопроса о прекращении залога судами всех инстанций применена норма пункта 4 статьи 367 ГК РФ (в действовавшей в момент заключения договора залога редакции) о том, что при отсутствии в договоре поручительства срока, на который оно дано, поручительство прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иск к поручителю. Обосновывая применимость указанной нормы к отношениям из спорного договора залога, суд первой инстанции сослался на неисчерпывающий перечень оснований прекращения залога (пункт 1 статьи 352 ГК РФ), а суды апелляционной инстанции и округа, не ссылаясь на норму пункта 1 статьи 335 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»), воспроизвели ее содержание, предусматривающее применение правил о поручительстве к залогоу, выданному третьим лицом.

Указанные выводы Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации признала ошибочными, поскольку они сделаны без учета правил о действии гражданского законодательства во времени.

В соответствии с подпунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ пункт 1 статьи 335 ГК РФ дополнен абзацем вторым, предусматривающим, что в случае, когда залогодателем является третье лицо, к отношениям между залогодателем, должником и залогодержателем применяются правила статей 364–367 ГК РФ, если законом или соглашением между соответствующими лицами не предусмотрено иное.

При этом пунктом 3 статьи 3 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ установлено, что положения ГК РФ (в редакции названного закона) применяются к правоотношениям, возникшим после дня вступления этого закона в силу. Согласно пункту 1 статьи 3 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ этот закон вступает в силу с 1 июля 2014 г. Таким образом, пункт 1 статьи 335 ГК РФ, предусматривающий применение правил о поручительстве к отношениям между залогодателем, должником и залогодержателем в случае, когда залогодателем является третье лицо, распространяется на договоры залога, заключенные после 1 июля 2014 г.

Следовательно, отсчет годичного срока судом первой инстанции от 16 ноября 2018 г., как согласованного в дополнительном соглашении от 20 декабря 2017 г. срока возврата кредита, а судами апелляционной инстанции и округа – от 16 июля 2017 г., как срока возврата кредита, согласованного в первоначальной редакции договора залога, на основании которого судом первой инстанции сделан вывод о сохранении залога на момент подачи данного иска, а судами апелляционной инстанции и округа – о прекращении залога к этому моменту, не основан на подлежащих

применению к спорным отношениям положениям ГК РФ.

В период до введения в действие Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ, установившего специальные правила прекращения залога, срок которого не определен, а следовательно, и во время заключения договора залога от 3 августа 2012 г., вопрос о своевременности предъявления требования об обращении взыскания на заложенное имущество подлежал разрешению исходя из общих правил об исковой давности. В соответствии со статьями 196, 200, 207 ГК РФ иск, вытекающий из дополнительного требования (залог), подлежал предъявлению до истечения трехлетнего срока исковой давности по главному требованию, который, в свою очередь, подлежал исчислению со дня наступления срока его исполнения.

Поскольку на момент обращения банка 11 июня 2019 г. в суд с иском не истекли три года со дня наступления 16 ноября 2018 г. срока возврата кредита по договору, обеспеченному залогом, у судов отсутствовали основания для отказа в иске.

Определение № 308-ЭС22-648

16. Если из трехстороннего соглашения кредитора, первоначального и нового должников по обязательству, связанному с осуществлением предпринимательской деятельности, неясно, привативный или кумулятивный перевод долга согласован ими, следует исходить из замены должника в обязательстве, а не из присоединения к обязательству нового должника.

Между компанией (поставщик) и обществом (покупатель) заключен договор поставки. Обязательство по оплате полученного товара общество исполнило не в полном объеме, в связи с чем образовалась задолженность.

Индивидуальный предприниматель (новый должник), общество (должник) и компания (кредитор) заключили соглашение о переводе долга, по условиям которого новый должник принял на себя обязательства должника по уплате задолженности согласно акту сверки.

Новый должник также принял на себя обязательства должника по уплате процентов за пользование коммерческим кредитом из расчета, указанного в договоре поставки, а также обязательства по уплате неустойки за каждый день просрочки.

Соглашением о зачете однородных встречных требований кредитор и предприниматель с целью частичного прекращения взаимных обязательств произвели зачет в том числе задолженности предпринимателя перед компанией по соглашению о переводе долга.

Предприниматель, ссылаясь на переход к нему на основании абзаца второго пункта 3 статьи 391 ГК РФ права кредитора на получение от должника указанной суммы задолженности, обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности.

Разрешая спор, суд первой инстанции, не усмотрев в соглашении о переводе долга намерения сторон заключить договор в рамках привативного перевода долга и положений об освобождении предыдущего должника от ответственности перед новым должником (новым кредитором), признал перевод долга кумулятивным, отметив при этом, что действующее законодательство запрещает договор дарения между коммерческими организациями. Учитывая непредставление должником доказательств уплаты долга новому должнику, суд пришел к выводу о наличии у общества неисполненного денежного обязательства перед предпринимателем и удовлетворил иск.

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

По смыслу статьи 421 и пункта 3 статьи 391 ГК РФ при переводе долга по обязательству, связанному с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, либо первоначальный должник выбывает из обязательства (привативный перевод долга), либо первоначальный и новый должники отвечают перед кредитором солидарно (кумулятивный перевод долга). Соглашением сторон также может быть предусмотрена субсидиарная ответственность.

В случае перевода долга в собственном смысле слова (привативный перевод долга) первоначальный должник имеет возможность заключить соглашение о переводе долга с иным лицом (новым должником) с согласия кредитора, вне зависимости от субъектного статуса участников оборота. В результате заключения соглашения между первоначальным должником и новым должником и согласия кредитора происходит замена лица на стороне должника в обязательстве: первоначальный должник выбывает из обязательства и его обязанность в отношении кредитора прекращается (абзац первый пункта 1 и пункт 2 статьи 391 ГК РФ).

При кумулятивном переводе долга имеет место присоединение нового должника к ранее возникшему обязательству, которое в результате такого присоединения по общему правилу трансформируется в обязательство с множественностью лиц на стороне должника (солидарная обязанность). Согласие первоначального должника для заключения соглашения о таком переводе долга не требуется. При этом кумулятивный перевод долга допускается только по обязательствам, связанным с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности (абзац второй пункта 1 и пункт 3 статьи 391 ГК РФ).

Как разъяснено в пункте 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», если из

соглашения кредитора, первоначального и нового должников по обязательству, связанному с осуществлением предпринимательской деятельности, неясно, привативный или кумулятивный перевод долга согласован ими, следует исходить из того, что первоначальный должник выбывает из обязательства (пункт 1 статьи 322, статья 391 ГК РФ).

Таким образом, если воля сторон направлена на перевод долга, то в случае заключения трехстороннего соглашения между первоначальным должником, новым должником и кредитором, из которого неясно, заключен ли перевод долга в соответствии с абзацем первым или вторым пункта 1 статьи 391 ГК РФ, указанное соглашение следует рассматривать как направленное на привативный перевод долга, то есть на замену должника в обязательстве, а не на присоединение к обязательству нового должника.

При этом исполнение нового должника, совершенное при привативном переводе долга, не предоставляет ему прав (требований), в том числе суброгационных или регрессных, к первоначальному должнику. Если при привативном переводе долга отсутствует денежное предоставление со стороны первоначального должника и не доказано намерение нового должника одарить первоначального, презюмируется, что возмездность подобной сделки имеет иные, не связанные с денежными, основания.

Не связанные с денежными основания возмездности сделки (пункт 3 статьи 432 ГК РФ), в частности, могут вытекать из внутригрупповых отношений первоначального и нового должников, из отношений сторон договора вне его рамок, например из заключения новой выгодной сделки, списания долга по другому договору, предоставления иных благ, способных удовлетворять потребности участников оборота.

Соглашение о переводе долга заключено между обществом как первоначальным должником, предпринимателем как новым должником и компанией как кредитором и не предусматривает солидарной либо субсидиарной ответственности первоначального должника перед кредитором.

Судами не установлены обстоятельства, которые бы свидетельствовали о том, что при заключении соглашения предприниматель в действительности преследовал цель выкупить у компании права (требования) к обществу либо стать солидарным должником, что позволяло бы предпринимателю после погашения им обязательств перед компанией требовать уплаты соответствующих сумм от первоначального должника по основаниям, предусмотренным пунктом 2 статьи 325, пунктом 1 статьи 382 ГК РФ.

Определение № 304-ЭС22-4310

17. Если требование о расторжении договора займа имеет то же основание, что и требование о возврате суммы займа, порядок исчисления срока исковой давности совпадает.

Между компанией (займодавец) и обществом (заемщик) заключен договор целевого процентного займа, в соответствии с которым сумма займа предоставляется сроком на один год начиная с даты предоставления суммы займа.

Во исполнение обязательств по договору 27 апреля 2012 г. компания перечислила обществу денежные средства. Дополнительным соглашением к договору стороны увеличили сумму займа, которую компания перечислила обществу 4 июня 2012 г.

Ссылаясь на то, что в установленный договором срок общество не исполнило обязательства по возврату денежных средств и по уплате процентов за пользование денежными средствами, компания обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о расторжении договора целевого процентного займа.

Решением суда первой инстанции от 21 марта 2021 г. иск удовлетворен. Суд исходил из того, что ответчик сумму займа в согласованные в договоре сроки не возвратил, проценты не уплатил, истец вправе требовать расторжения договора в судебном порядке.

Отклоняя заявление общества о применении исковой давности, суд указал на то, что договор займа не исполнен со стороны заемщика, является действующим, следовательно, срок исковой давности в данном случае не подлежит применению.

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы суда и, кроме того, посчитали, что срок исковой давности по требованию о расторжении договора займа начинает течь не с даты, когда компания узнала о нарушении сроков возврата суммы займа обществом, а со дня направления обществу предложения о расторжении договора займа.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда отменила названные судебные акты, отказала в удовлетворении иска компании, указав следующее.

Как следует из материалов дела, ранее компания прибегла к судебной защите, предъявив в рамках другого дела требование о взыскании с общества суммы займа и процентов.

Вступившим в законную силу решением от 20 февраля 2020 г. суд отказал в удовлетворении иска компании, применив по заявлению общества исковую давность. Суд пришел к выводам о том, что сумма основного займа должна была быть возвращена обществом в срок до 27 апреля 2013 г., сумма займа, указанная в дополнительном соглашении, – в срок до 4 июня 2013 г., с этого момента компания узнала о нарушении своего права. Таким образом, с учетом предъявления иска 13 апреля 2018 г. трехлетний срок исковой давности истек.

Пунктом 2 статьи 450 ГК РФ предусмотрено, что по требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда при существенном нарушении договора другой стороной, а также в иных случаях, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации,

другими законами или договором.

Компания, предъявляя рассматриваемый иск о расторжении договора займа, сослалась на то, что заемщиком не исполнены обязательства по возврату денежных средств, в связи с чем договор является действующим; поскольку ответ на предложение о расторжении договора от общества не поступил, компания вправе обратиться в суд с требованием о расторжении договора в судебном порядке.

Сроки давности установлены законом для судебной защиты нарушенных гражданских прав (статья 195 ГК РФ).

В силу пунктов 1 и 2 статьи 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения.

Поскольку условиями договора займа определен срок возврата полученной обществом суммы займа и начисленных процентов, общество обязано было возвратить полученные по договору и по дополнительному соглашению суммы и уплатить проценты до 27 апреля 2013 г. и 4 июня 2013 г. соответственно.

Таким образом, в указанные даты компании должно было быть известно как о нарушении своего права, так и о лице, его нарушившем, и она имела право выбора способа защиты: требовать от общества возврата полученных сумм займа или требовать в судебном порядке расторжения договора в связи с его существенными нарушениями с соответствующими последствиями (пункт 2 статьи 450 ГК РФ).

При одном и том же нарушении права выбор способа его защиты не должен приводить к возможности изменения исчисления срока исковой давности. Иной подход позволил бы манипулировать институтом исковой давности в ущерб принципу правовой определенности в гражданско-правовых правоотношениях.

Обстоятельства, касающиеся правильного определения начала течения срока исковой давности по требованию о расторжении договора займа, имели значение для рассмотрения данного иска вне зависимости от избранного компанией способа защиты нарушенного права.

Неисполнение обществом обязательства по возврату займа и факт того, что договор является действующим, сами по себе не могли служить основанием для исчисления срока исковой давности в ином порядке, чем было установлено решением суда по делу о взыскании с общества задолженности в пользу компании.

Условие о сохранении действия договора до полного исполнения обязательств, предусмотренное договором, вопреки позиции судов не влияет на исчисление срока исковой давности и не продлевает его течение, а лишь устанавливает период применимости к отношениям сторон условий договора

(статья 425 ГК РФ).

При этом ссылка компании на наличие у нее права на предъявление в порядке пункта 2 статьи 452 ГК РФ иска о расторжении договора в связи с тем, что он является действующим, а общество оставило без ответа предложение о расторжении договора, не свидетельствует о возможности удовлетворения такого иска, когда нарушение условий договора, влекущее в соответствии с пунктом 2 статьи 450 ГК РФ его расторжение в судебном порядке, имело место за пределами срока исковой давности.

К требованию о расторжении договора в связи с нарушением его условий заемщиком, который не возвратил в определенный договором срок соответствующие суммы займа и процентов, подлежит применению общий трехлетний срок исковой давности, который исчисляется с момента получения компанией информации о нарушении права.

В соответствии с пунктом 2 статьи 199 ГК РФ, разъяснениями, изложенными в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», истечение срока исковой давности, о применении которой заявило общество, является самостоятельным основанием к вынесению решения об отказе в иске компании с учетом установленного судами факта нарушения обществом условий договора.

Определение № 305-ЭС21-22289

18. Собственник имущества ликвидируемого автономного учреждения может быть привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам учреждения перед контрагентом по публичному договору.

Общество (гарантирующий поставщик) и учреждение (потребитель) заключили договор (контракт) на поставку электрической энергии для государственных (муниципальных) нужд.

Гарантирующий поставщик, ссылаясь на ненадлежащее исполнение учреждением обязательства по оплате электроэнергии, обратился в арбитражный суд с иском к учреждению о взыскании задолженности по оплате электрической энергии, потребленной по договору. К участию в деле в качестве субсидиарного ответчика по обязательствам ликвидируемого учреждения привлечено министерство (как собственник имущества).

Решением арбитражного суда первой инстанции иск удовлетворен за счет учреждения с указанием на то, что при недостаточности денежных средств у ликвидируемого учреждения долг и неустойка подлежат взысканию с министерства.

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой

инстанции отменено в части привлечения министерства к субсидиарной ответственности, в удовлетворении иска в этой части отказано.

Суд апелляционной инстанции указал, что в силу пункта 5 статьи 2 Федерального закона от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» (далее – Закон об автономных учреждениях) собственник имущества автономного учреждения не несет ответственность по обязательствам автономного учреждения (за исключением обязательств, связанных с причинением вреда гражданам). Такой вид учреждений изначально не предусматривал ответственности, в том числе субсидиарной, учредителя-собственника по долгам автономного учреждения.

Также суд апелляционной инстанции сослался на содержащуюся в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 г. № 219-О правовую позицию, согласно которой участники гражданско-правовых отношений, приобретая свои гражданские права своей волей и в своем интересе, будучи свободными в установлении своих прав и обязанностей на основе договора (статья 1 ГК РФ), в том числе и с муниципальными автономными учреждениями, несут риск неудовлетворения своих имущественных требований.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты апелляционного и кассационного судов, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

Особенности правового статуса автономного учреждения и правового режима его имущества определяют основания и объем субсидиарной ответственности собственника имущества такого учреждения по обязательствам последнего, в том числе при ликвидации.

Согласно пункту 3 статьи 123²¹ ГК РФ учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами, а в случаях, установленных законом, также иным имуществом. При недостаточности указанных денежных средств или имущества субсидиарную ответственность по обязательствам учреждения в случаях, предусмотренных пунктами 4–6 статьи 123²² и пунктом 2 статьи 123²³ ГК РФ, несет собственник соответствующего имущества.

На момент образования автономного учреждения – ответчика по делу – действовала статья 123²² ГК РФ, введенная Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ, согласно пункту 6 которой автономное учреждение отвечает по своим обязательствам всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом, за исключением недвижимого имущества и особо ценного движимого имущества, закрепленных за автономным учреждением собственником этого имущества или приобретенных автономным учреждением за счет средств, выделенных собственником его имущества.

По обязательствам автономного учреждения, связанным с причинением вреда гражданам, при недостаточности имущества учреждения, на которое в соответствии с абзацем первым пункта 6 статьи 123²² ГК РФ

может быть обращено взыскание, субсидиарную ответственность несет собственник имущества автономного учреждения.

Положениями части 5 статьи 2 Закона об автономных учреждениях исключалась ответственность собственника имущества автономного учреждения по обязательствам такого учреждения. Эта норма действовала до внесения в нее 6 марта 2022 г. изменений, которыми положения названной нормы приведены в соответствие с указанными выше положениями Гражданского кодекса Российской Федерации.

Поскольку законодательство не предусматривало и не предусматривает соответствующего объема гарантий для кредиторов муниципальных автономных учреждений (начиная с момента появления такого вида учреждений), это ориентирует контрагентов на проявление необходимой степени осмотрительности еще при вступлении в гражданско-правовые отношения с субъектами, особенности правового статуса которых не позволяют в полной мере прибегнуть к институту субсидиарной ответственности, предполагая возможность использования существующих гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств.

Между тем ряд кредиторов автономного учреждения по роду своей деятельности вступает в договорные отношения с учреждением в силу предусмотренной законом обязанности, при отсутствии права на отказ от заключения договора. К таковым относятся контрагенты учреждения по договорам ресурсоснабжения (гарантирующие поставщики, сетевые организации, тепло-, водоснабжающие организации и др.).

В аспекте взаимодействия этих лиц с бюджетными учреждениями Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 12 мая 2020 г. № 23-П указал, что их обязанность заключить соответствующий публичный договор направлена на защиту интересов потребителей ресурса, что не исключает необходимости поддерживать баланс прав и законных интересов всех действующих в данной сфере субъектов, в частности теплоснабжающей организации – кредитора муниципального бюджетного учреждения.

Применительно к таким контрагентам учреждений Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что положения пункта 5 статьи 123²² ГК РФ не могут обеспечить надлежащего баланса между законными интересами должника и кредитора, поскольку не исключают злоупотреблений правом со стороны должников – муниципальных бюджетных учреждений, имущество которых в ряде случаев оказывается, по сути, «защищено» их публичным собственником от имущественной ответственности перед контрагентами. При отсутствии юридической возможности снять ограничения в отношении возложения субсидиарной ответственности на собственника имущества бюджетного учреждения, в том числе муниципального (включая случаи недостаточности находящихся в его распоряжении денежных средств для исполнения своих обязательств из публичного договора теплоснабжения при его ликвидации), подобное

правовое регулирование способно повлечь нарушение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав стороны, заключившей и исполнившей публичный договор и не получившей встречного предоставления.

Истец является гарантирующим поставщиком и снабжает электрической энергией учреждение, находящееся в процедуре ликвидации, по договору энергоснабжения, который положениями статьи 426 ГК РФ отнесен к публичному договору. В силу своего статуса истец обязан вступить в договорные правоотношения с любым потребителем независимо от его организационно-правовой формы и безотносительно того, какие последствия это несет для гарантирующего поставщика в части защиты своих имущественных интересов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации посчитала, что изложенная в постановлении от 12 мая 2020 г. № 23-П правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации в равной степени распространяется на автономные учреждения, правовой статус и правовой режим имущества которых во многом тождественен статусу и режиму имущества бюджетных учреждений. Следовательно, собственник имущества учреждения может быть привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам ликвидируемого автономного учреждения собственника его имущества (министерства).

Определение № 307-ЭС21-23552

19. Расходы подрядчика на оплату банковской гарантии по государственному контракту, прекращенному по инициативе заказчика, подлежат возмещению в качестве убытков, которые в случае ликвидации заказчика также могут быть взысканы в субсидиарном порядке с главного распорядителя бюджетных средств, в ведении которого находился заказчик.

Между заказчиком и подрядчиком заключен государственный контракт на выполнение строительно-монтажных работ комплексного благоустройства территории военного городка. Исполнение обязательств подрядчика обеспечивалось безотзывной банковской гарантией.

Через полтора месяца после заключения контракта стороны подписали протокол о временной приостановке исполнения обязательств по контракту в связи с ограничением финансирования заказчика.

Впоследствии заказчик обратился к подрядчику с предложением расторгнуть контракт по соглашению сторон в связи с отсутствием финансирования. Не получив согласия подрядчика, заказчик в одностороннем порядке отказался от исполнения контракта.

Подрядчик направил заказчику претензию, в которой требовал возместить затраты на получение банковской гарантии, затраты на подготовку строительной площадки и упущенную выгоду. Неисполнение

претензии явилось причиной обращения подрядчика в арбитражный суд с заявлением о взыскании с заказчика, а при недостаточности денежных средств с главного распорядителя бюджетных средств в порядке субсидиарной ответственности убытков.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что данные убытки возникли по вине подрядчика, который не воспользовался возможностью замены обеспечения по государственному контракту, а также не принял мер к прекращению обязательств гаранта перед бенефициаром по основаниям, предусмотренным статьей 378 ГК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа в удовлетворении требований о возмещении убытков, связанных с расходами на оплату банковской гарантии, прекратила производство по делу в отношении заказчика и взыскала с субсидиарного ответчика сумму убытков на основании следующего.

Согласно пункту 4 статьи 38 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», действовавшего в период заключения договора, в случае, если заказчиком, уполномоченным органом установлено требование обеспечения исполнения контракта, контракт заключается только после предоставления участником аукциона, с которым заключается контракт, безотзывной банковской гарантии, выданной банком или иной кредитной организацией, или передачи заказчику в залог денежных средств, в том числе в форме вклада (депозита), в размере обеспечения исполнения контракта, предусмотренном документацией об аукционе.

Предоставление обеспечения было обязательным для подрядчика, что со стороны заказчика не отрицалось. К исполнению государственного контракта подрядчик не приступил по вине заказчика, который не более чем через месяц после заключения контракта выступил с предложением о его приостановлении. Расторжение контракта произошло также по инициативе заказчика – в связи с принятием им решения об одностороннем отказе от исполнения государственного контракта при отсутствии со стороны подрядчика нарушения обязательств по контракту.

Расходы на выдачу банковской гарантии понесены подрядчиком в связи с заключением государственного контракта и обязательством его исполнить. При этом подрядчик рассчитывал получить от выполнения строительно-монтажных работ в интересах заказчика доход, компенсирующий все связанные с исполнением контракта затраты, и прибыль. Действия заказчика, в результате которых государственный контракт расторгнут без исполнения, лишили подрядчика этого дохода, поэтому с момента прекращения обязательств сторон по контракту у него

возникли убытки в связи с утратой источника, из которого подрядчик добросовестно намеревался возместить понесенные расходы.

Таким образом, расходы подрядчика на оплату банковской гарантии по государственному контракту, прекращенному по обстоятельствам, за которые отвечает заказчик, являются убытками подрядчика, подлежащими возмещению заказчиком (пункт 13 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 июня 2019 г.).

Кроме этого, суды ошибочно пришли к выводу, что в возникновении убытков в заявленном размере имеется вина подрядчика, поскольку он не предпринял действий к прекращению банковской гарантии и возврату от банка полностью или частично оплаченной комиссии.

Отказывая в иске, суды указали, что подрядчик не воспользовался предусмотренными статьей 378 ГК РФ основаниями в целях прекращения обязательств банка перед заказчиком и сокращения расходов на комиссионное вознаграждение. Однако основания, перечисленные в названной статье, не допускают прекращения независимой гарантии по волеизъявлению принципала, в том числе выраженному бенефициару либо гаранту. Законодательство Российской Федерации не предоставляет подрядчику возможности своими действиями повлиять на прекращение банковской гарантии и получить у банка уплаченное ему комиссионное вознаграждение.

Заказчик ликвидирован и прекратил свою деятельность, что подтверждается сведениями из Единого государственного реестра юридических лиц, опубликованными в открытом доступе в сети Интернет.

По пункту 1 статьи 65 ГК РФ ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам.

В соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 150 АПК РФ арбитражный суд прекращает производство по делу, если установит, что организация, являющаяся стороной в деле, ликвидирована.

С учетом данных обстоятельств производство по делу в отношении заказчика подлежит прекращению в связи с его ликвидацией.

По общему правилу, обязательство прекращается ликвидацией юридического лица (должника или кредитора), кроме случаев, когда законом или иными правовыми актами исполнение обязательства ликвидированного юридического лица возлагается на другое лицо (статья 419 ГК РФ).

Исковые требования подрядчика заявлены к заказчику, а также в субсидиарном порядке к главному распорядителю средств федерального бюджета, в ведомственной подчиненности которого находился заказчик (пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2019 г. № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением

судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации»).

Субсидиарная ответственность главного распорядителя бюджетных средств по обязательствам подведомственного ему казенного учреждения имеет самостоятельный, независимый от основного обязательства характер, и в случае, если основное обязательство прекращено в связи с ликвидацией должника, кредитор не лишен возможности удовлетворить свое требование за счет субсидиарного должника. Если требование по не исполненному казенным учреждением обязательству заявлено в суд до ликвидации такого учреждения и предъявлено одновременно к главному распорядителю бюджетных средств в порядке субсидиарной ответственности, то при наличии необходимых материально-правовых оснований, подтверждающих неисполненное денежное обязательство, подлежит удовлетворению требование, заявленное к субсидиарному должнику.

Следовательно, убытки, причиненные подрядчику по обстоятельствам, за которые отвечает заказчик, в сумме уплаченного банку комиссионного вознаграждения подлежат возмещению главным распорядителем бюджетных средств в порядке субсидиарной ответственности.

Определение № 305-ЭС22-1225

Споры, связанные с содержанием общего имущества в многоквартирном доме и управлением многоквартирным домом

20. Взносы на капитальный ремонт многоквартирного дома, помещение в котором передано публичным собственником на основании договора безвозмездного пользования (ссуды) учреждению, подлежат уплате собственником помещения.

Министерство (ссудодатель) и учреждение (ссудополучатель) заключили договор безвозмездного пользования, в соответствии с которым учреждению в безвозмездное пользование передан объект государственного казенного имущества – квартира.

Решением арбитражного суда удовлетворены требования управляющей компании о взыскании задолженности по оплате взносов за капитальный ремонт многоквартирного дома с министерства, являющегося собственником квартиры, переданной по договору безвозмездного пользования учреждению, а также пеней и расходов по уплате государственной пошлины.

Указанное решение министерством исполнено, денежные средства на основании исполнительных документов перечислены в пользу управляющей компании.

Полагая, что взысканные в рамках данного дела денежные средства должны быть уплачены учреждением, фактически использующим спорное помещение, и что на это учреждение договором возложена оплата

коммунальных услуг и взносов за капитальный ремонт, министерство обратилось в арбитражный суд с иском.

Решением арбитражного суда первой инстанции исковое заявление министерства к учреждению, рассмотренное в порядке упрощенного производства, удовлетворено.

Постановлением арбитражного апелляционного суда решение суда первой инстанции отменено, поскольку данное дело, связанное с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, не подлежит рассмотрению в порядке упрощенного производства. Исковые требования удовлетворены частично.

Суд апелляционной инстанции, признав, что расходы, связанные с эксплуатацией переданного в безвозмездное пользование имущества, включают в том числе оплату взносов за капитальный ремонт многоквартирного дома, пришел к выводу о причинении ответчиком, осуществляющим фактическое пользование жилым помещением, истцу убытков в результате неправомерного уклонения от исполнения обязанности по несению расходов на содержание имущества, переданного по договору безвозмездного пользования, включающих в себя взносы на капитальный ремонт многоквартирного дома.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с положениями статьи 210 ГК РФ, статей 39, 158 Жилищного кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 25 декабря 2012 г. № 271-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»), которым введен в действие раздел IX, регулирующий порядок организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, далее – Жилищный кодекс) собственники жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме обязаны нести расходы на содержание принадлежащих им помещений, а также участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения за это соответствующей платы.

Согласно пункту 2 части 2 статьи 154 ЖК РФ плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя взнос на капитальный ремонт.

Согласно статьям 158, 169 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме обязаны уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме соразмерно

своей доле в праве общей собственности на это имущество.

Момент возникновения у собственника помещения в многоквартирном доме обязанности по внесению взноса на капитальный ремонт связан с официальным опубликованием утвержденной региональной программы капитального ремонта, в которую включен этот дом, а также принятым на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме решением о формировании фонда капитального ремонта (часть 5 статьи 170 ЖК РФ).

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 12 апреля 2016 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы» указал, что несение расходов по содержанию общего имущества в многоквартирном доме (фактически – здания и его конструктивных элементов), включая расходы на капитальный ремонт, для каждого из собственников помещений в этом доме – не просто неотъемлемая часть бремени содержания принадлежащего ему имущества (статья 210 ГК РФ), но и обязанность, которая вытекает из факта участия в праве собственности на общее имущество и которую участник общей долевой собственности несет, в частности, перед другими ее участниками, чем обеспечивается сохранность как каждого конкретного помещения в многоквартирном доме, так и самого дома в целом.

Таким образом, собственник помещения, расположенного в многоквартирном доме, в силу прямого указания закона обязан нести расходы по содержанию и ремонту общего имущества, а также уплату взносов на капитальный ремонт.

Полагая, что указанная обязанность может быть возложена на ответчика как ссудополучателя по заключенному с ним договору, суды не учли следующее.

В соответствии со статьей 695 ГК РФ ссудополучатель обязан поддерживать вещь, полученную в безвозмездное пользование, в исправном состоянии, включая осуществление текущего и капитального ремонта, и нести все расходы на ее содержание, если иное не предусмотрено договором безвозмездного пользования.

Данная статья определяет отношения сторон такого договора относительно переданных в безвозмездное пользование помещений, возлагает на ссудополучателя обязанности по содержанию объекта ссуды. Из условий договора безвозмездного пользования недвижимого имущества, регулирующего отношения министерства и учреждения, следует, что учреждение приняло в безвозмездное пользование имущество (четырёхкомнатную квартиру) и обязуется нести расходы, связанные с его эксплуатацией.

Таким образом, права и обязанности у ссудополучателя возникают в силу заключенного сторонами договора, это лицо не обладает вещными правами на передаваемые помещения, гражданское и жилищное законодательство не содержат норм о возложении обязанностей на ссудополучателя по содержанию общего имущества многоквартирного дома наряду с собственниками помещений, находящихся в таком доме, в том числе по уплате взносов на капитальный ремонт.

Из договора также не следует, что на учреждение возложена обязанность по несению расходов по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома, а также по уплате взносов на капитальный ремонт общего имущества в доме, в котором расположено переданное в безвозмездное пользование имущество.

Определение № 309-ЭС22-2604

***Практика применения земельного и природоохранного
законодательства***

21. Оспаривание выкупной стоимости земельного участка, находящегося в аренде, лицом, имеющим намерение на его выкуп, увеличивает срок вынужденной аренды и возлагает на это лицо дополнительные расходы за пользование имуществом на период урегулирования спора, в том числе убытки, причиненные неправомерными действиями уполномоченного органа при определении выкупной стоимости.

Индивидуальный предприниматель глава крестьянского (фермерского) хозяйства с 1999 года являлся арендатором земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, право собственности на который зарегистрировано за субъектом Российской Федерации.

Вступившими в законную силу судебными актами по иску предпринимателя к департаменту об урегулировании разногласий по договору купли-продажи указанного земельного участка в части его выкупной цены установлен факт неправомерного и необоснованного включения департаментом в проект договора купли-продажи земельного участка завышенной выкупной стоимости земельного участка, а также правомерность позиции предпринимателя о заключении договора купли-продажи на предложенных предпринимателем условиях.

В дальнейшем предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к департаменту о взыскании убытков, представляющих собой разницу между суммой внесенной предпринимателем арендной платы и суммой земельного налога, подлежащего уплате в случае заключения договора купли-продажи земельного участка по цене, предложенной истцом.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что предприниматель, уплачивая арендную плату до момента государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок, понес убытки в виде разницы между суммами внесенной арендной платы и причитающегося за соответствующий период земельного налога. Между тем при надлежащем исполнении департаментом своих обязанностей по определению выкупной цены право собственности на земельный участок и статус плательщика земельного налога должны были перейти к предпринимателю с апреля 2018 года. Неправомерность действий департамента, как причинителя вреда, выразилась в определении им выкупной стоимости земельного участка в нарушение требований закона.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, суды апелляционной и кассационной инстанций указали, что право предпринимателя на взыскание убытков с департамента зависит от избранного им способа защиты нарушенного права. По мнению судов, право на взыскание убытков возможно лишь в случае признания незаконными по правилам главы 24 АПК РФ действий департамента. Между тем предприниматель ранее обращался в суд с требованием об урегулировании разногласий в соответствии со статьей 445 ГК РФ, то есть воспользовался правом на передачу преддоговорного спора на разрешение суда, в связи с чем самостоятельно несет все неблагоприятные последствия в виде необходимости внесения арендных платежей в силу длительного рассмотрения этого спора судом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты апелляционного и кассационного судов, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

Иск о взыскании убытков обусловлен неправомерными действиями департамента при определении выкупной цены земельного участка на основании соответствующего нормативного акта для цели заключения договора купли-продажи и заявлен после рассмотрения дела об урегулировании разногласий. Разрешение спора между сторонами о выкупной цене земельного участка осуществлено в порядке искового производства.

В соответствии с пунктом 4 статьи 445 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ), если сторона, для которой в соответствии с данным кодексом или иными законами заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. В этом случае договор считается заключенным на условиях, указанных в решении суда, с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда.

В соответствии с пунктом 5 статьи 39¹⁷ ЗК РФ процедура рассмотрения заявления о выкупе должна быть завершена подготовкой проекта договора купли-продажи, предшествовать которой должны действия по определению

стоимости земельного участка.

Судами установлено, что цена выкупа спорного земельного участка должна быть определена на основании постановления главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 25 мая 2015 г. № 226, на что указано предпринимателем в протоколе разногласий.

Департамент, получив заявление предпринимателя, содержащее его волеизъявление на выкуп арендованного земельного участка, должен был подготовить проект договора купли-продажи, надлежащим образом рассчитав его цену в соответствии с нормативным актом, но не совершил требуемые действия, что повлекло необходимость урегулирования спора в судебном порядке и внесения арендной платы предпринимателем за период рассмотрения дела в суде.

Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 мая 2011 г. № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» разъяснено, что отсутствие признания ненормативного правового акта в судебном порядке недействительным, а также решения или действия (бездействия) государственного органа незаконными само по себе не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда, причиненного таким актом, решением или действиями (бездействием). В названном случае суд оценивает законность соответствующего ненормативного акта, решения или действий (бездействия) государственного или муниципального органа (должностного лица) при рассмотрении иска о возмещении вреда (пункт 4). Требуя возмещения вреда, истец обязан представить доказательства, обосновывающие противоправность акта, решения или действий (бездействия) органа (должностного лица), которыми истцу причинен вред. При этом бремя доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия такого акта или решения либо для совершения таких действий (бездействия), лежит на ответчике (пункт 5).

Удовлетворение иска предпринимателя в споре об урегулировании разногласий позволяет признать действия уполномоченного органа по определению выкупной цены земельного участка неправомерными, нарушающими права истца.

Неправильное применение органом нормативного акта при определении выкупной цены влечет необходимость ее оспаривания заинтересованными лицами, увеличивает срок вынужденной аренды и возлагает дополнительные расходы за пользование имуществом за период урегулирования спора.

Таким образом, поскольку единственно возможным способом восстановления нарушенного права предпринимателя явилось предъявление им иска к департаменту об урегулировании разногласий при заключении договора купли-продажи земельного участка в части его выкупной цены, выводы судов апелляционной и кассационной инстанций об отказе в иске

с изложенным выше обоснованием нельзя признать законными и обоснованными, в связи с чем отсутствовали основания для отмены решения суда первой инстанции.

Определение № 308-ЭС21-23454

Практика применения законодательства о защите конкуренции

22. Антимонопольный орган не вправе осуществлять антимонопольный контроль за торгами, проводимыми в рамках дела о банкротстве, за исключением случаев, когда результаты проведения торгов влияют на состояние конкуренции на соответствующих товарных рынках.

На официальном сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве и на электронной площадке оператора обществом было размещено объявление о проведении торгов в форме аукциона, открытого по составу участников, с закрытой формой подачи предложений о цене по продаже имущества должника.

Торги проводились на основании положений статьи 110, пункта 3 статьи 111, пункта 4 статьи 138, пункта 3 статьи 139 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127-ФЗ).

Полагая, что состав и состояние реализуемого имущества не соответствуют тем сведениям об имуществе, которые указаны в Положении № 1 о порядке, сроках и условиях реализации имущества должника, утвержденном Комитетом кредиторов должника, и в объявлении о проведении торгов, гражданин обратился в антимонопольный орган с жалобой на действия оператора и организатора торгов, указав, что в объявлении о проведении торгов отсутствуют сведения о наличии арендных отношений между обществом и должником в отношении объекта торгов.

Антимонопольный орган признал указанную жалобу обоснованной и вынес решение о неправомерном неуказании организатором торгов в объявлении о проведении торгов сведений о существующих обременениях в отношении продаваемого имущества.

Общество обратилось в арбитражный суд с требованием о признании решения антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования общества, отметив следующее.

Согласно пункту 4² части 1 статьи 23 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон № 135-ФЗ)

антимонопольные органы наделены полномочиями по рассмотрению жалоб на нарушение процедуры обязательных в соответствии с законодательством Российской Федерации торгов.

По смыслу взаимосвязанных положений части 1 статьи 1, частей 1 и 4 статьи 17, части 5 статьи 18 Закона № 135-ФЗ антимонопольный контроль допускается в отношении процедур, обязательность проведения которых прямо предусмотрена законом и введена в целях предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования.

Анализ приведенных положений законодательства позволяет сделать вывод о том, что антимонопольный контроль за торгами, в том числе контроль за соблюдением процедуры торгов, ограничен случаями, когда результаты проведения определенных торгов способны оказать влияние на состояние конкуренции на соответствующих товарных рынках.

Исходя из положений пункта 3 части 2 статьи 23 Закона № 135-ФЗ вывод о наличии оснований для антимонопольного контроля за торгами в конкретных случаях также может быть сделан по результатам проведенного антимонопольным органом анализа состояния конкуренции, если они свидетельствуют о значимости исхода торгов с точки зрения предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования.

В свою очередь, реализация имущества должника посредством проведения торгов в конкурсном производстве подчинена общей цели названной процедуры – наиболее полному удовлетворению требований кредиторов исходя из принципов очередности и пропорциональности (абзац шестнадцатый статьи 2, статьи 110, 111, 124, 139 Закона № 127-ФЗ).

Таким образом, в отличие от антимонопольного контроля, целью которого является защита публичного интереса (недопущение ограничения, устранения конкуренции на рынке, обеспечение и развитие конкуренции), контроль за торгами по продаже имущества в процедурах банкротства должника преследует цель защиты частного интереса: как интереса самого должника, так и интереса его конкурсных кредиторов. При этом при проведении торгов должен обеспечиваться баланс между интересами названных лиц.

Проводимые в рамках процедур банкротства (конкурсное производство, процедура реализации имущества гражданина) торги не преследуют в качестве своей основной цели обеспечение и развитие конкуренции на тех или иных товарных рынках, а произвольное вмешательство антимонопольных органов в их проведение способно негативно повлиять на возможность своевременного и максимального удовлетворения интересов кредиторов от реализации имущества, при том что за проведением названных торгов осуществляется судебный контроль в рамках дела о банкротстве.

Следовательно, осуществление антимонопольного контроля за торгами, проводимыми в рамках дел о банкротстве, не является безусловным и в каждом случае требует обоснования со стороны антимонопольного органа с точки зрения реализации целей Закона № 135-ФЗ.

В данном случае антимонопольным органом осуществлен контроль за торгами по продаже имущества должника-банкрота, проводимыми в целях удовлетворения интересов кредиторов должника, заинтересованных в погашении своих имущественных требований.

С учетом изложенного следует признать обоснованным довод общества о превышении антимонопольным органом установленных законом полномочий при вынесении оспариваемого решения.

Определение № 305-ЭС22-763

23. Установление в качестве квалификационного критерия оценки заявок на участие в закупке наличия у участников опыта выполнения работ исключительно по государственным (муниципальным) контрактам приводит к нарушению принципа равноправия и ограничивает свободу и доступ к публичным процедурам, предусмотренным Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Государственным учреждением проводился открытый конкурс в электронной форме на выполнение работ по изготовлению протезов нижних конечностей для обеспечения инвалидов.

В конкурсной документации заказчик в качестве критерия оценки заявок на участие в конкурсе установил наличие у участников опыта выполнения соответствующих работ исключительно по государственным контрактам.

Участник закупки обратился с жалобой в антимонопольный орган, полагая, что действия заказчика при проведении открытого конкурса нарушают нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) в части установления в конкурсной документации необъективных и несопоставимых критериев оценки заявок.

Антимонопольный орган признал жалобу участника закупки обоснованной, выявив в действиях учреждения нарушения требований статьи 8, части 8 статьи 32, пункта 8 части 1 статьи 54³ Закона № 44-ФЗ (в редакции, действовавшей в период спорных правоотношений). В целях устранения указанных нарушений учреждению выдано соответствующее предписание.

Не согласившись с предписанием антимонопольного органа, учреждение обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требования учреждения удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований, придя к следующим выводам.

В статье 8 Закона № 44-ФЗ предусмотрено, что одним из основных принципов контрактной системы является принцип обеспечения конкуренции, заключающийся в создании равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок и устанавливающий, что любое заинтересованное лицо имеет возможность в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Частью 1 статьи 32 Закона № 44-ФЗ установлены критерии оценки заявок участников закупки, одним из которых является квалификация участников закупки, в том числе наличие у них финансовых ресурсов, на праве собственности или ином законном основании оборудования и других материальных ресурсов, опыта работы, связанного с предметом контракта, и деловой репутации, специалистов и иных работников определенного уровня квалификации.

Показатели указанного критерия установлены в пункте 27 Правил оценки заявок, окончательных предложений участников закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2013 г. № 1085 (действующие до вступления в силу с 1 января 2022 г. постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2021 г. № 2604, далее – Правила оценки заявок), одним из которых является опыт участника по успешной поставке товара, выполнению работ, оказанию услуг сопоставимого характера и объема.

Основная функция критерия оценки заключается в том, чтобы обеспечить заказчику возможность из общего числа участников выбрать то лицо, которое будет максимально соответствовать потребностям публично-правового образования в качественном и своевременном выполнении работ, учитывая специфику объекта закупки, при этом заказчиком должны быть соблюдены принципы создания равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок.

Обосновывая включение в конкурсную документацию нестоимостного критерия подтверждения опыта участника торгов только исполненными государственными контрактами, учреждение ссылается на отсутствие нормативного запрета (ограничения) на установление таких критериев.

Кроме того, по мнению учреждения, право ограничивать круг участников конкурса по названному критерию обусловлено спецификой закупки и социальной значимостью выполнения работ по изготовлению протезов в целях выявления наиболее квалифицированного участника закупки.

Суды, согласившись с доводами учреждения, указали, что установленный нестоимостной критерий сам по себе соответствует Правилам оценки заявок и не ограничивает конкуренцию, поскольку участники в этой части находились в равных условиях.

Между тем, вопреки выводам учреждения и позиции арбитражных судов по данному вопросу, Правилами оценки заявок установлено, что опыт выполнения работ участниками закупки определяется исключительно фактом выполнения работ, связанных с предметом контракта, сопоставимого характера и объема. При этом ни объем, ни характер работ не зависят от того, в чьих интересах они выполняются – в частных или в публичных.

Следовательно, установление в качестве квалификационного критерия наличия опыта у участника конкурса в выполнении работ по государственным (муниципальным) контрактам приводит к нарушению принципа равноправия, ограничивает конкуренцию по отношению ко всем участникам открытого конкурса и свободный доступ к проводимым публичным процедурам, создает неравные условия и ставит в преимущественное положение хозяйствующих субъектов, у которых имеется опыт участия в исполнении исключительно государственных (муниципальных) контрактов. При этом позиция учреждения, заключающаяся в том, что спорный критерий способствует выявлению более квалифицированного участника, не находит своего подтверждения в материалах дела.

Таким образом, действия заказчика в части установления требований к участникам закупки о предоставлении в составе заявки исполненных участником закупки контрактов на выполнение работ по изготовлению протезов нижних конечностей исключительно в рамках Закона № 44-ФЗ нарушают требования статьи 8, части 8 статьи 32, пункта 8 части 1 статьи 54³ Закона № 44-ФЗ.

Соответственно, у судов не было оснований для удовлетворения заявленных требований.

Определение № 309-ЭС22-462

Практика применения административного законодательства

24. По спорам, возникающим между территориальными фондами обязательного медицинского страхования при реализации государственной политики в сфере обязательного медицинского страхования, положения статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации не применяются.

Медицинская организация Санкт-Петербурга, оказавшая медицинскую помощь пациентке, застрахованной в Вологодской области, выставила территориальному фонду ОМС Санкт-Петербурга счета за оказанные медицинские услуги, которые были оплачены.

Территориальный фонд ОМС Санкт-Петербурга направил счет территориальному фонду ОМС Вологодской области для возмещения средств в рамках межтерриториальных расчетов. Территориальный фонд ОМС Вологодской области отказал в оплате счета, указав на необходимость направления счета в Вологодский филиал страховой компании.

Не согласившись с отказом, территориальный фонд ОМС Санкт-Петербурга направил в адрес территориального фонда ОМС Вологодской области претензию с требованием уплаты денежных средств, неисполнение которой послужило основанием для обращения территориального фонда ОМС Санкт-Петербурга в арбитражный суд с иском о взыскании долга по оплате медицинской помощи и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленные требования удовлетворены в полном объеме.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части взыскания с территориального фонда ОМС Вологодской области процентов за пользование чужими денежными средствами, указав на следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 395 ГК РФ в случаях неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат уплате проценты на сумму долга. Размер процентов определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды. Эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

Пунктом 3 статьи 2 ГК РФ предусмотрено, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

Согласно положениям статьи 34 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее – Закон № 326-ФЗ) территориальный фонд ОМС осуществляет в том числе управление средствами ОМС на территории субъекта Российской Федерации, предназначенными для обеспечения гарантий бесплатного оказания застрахованным лицам медицинской помощи в рамках программ ОМС и в целях обеспечения финансовой устойчивости ОМС на территории субъекта Российской Федерации, а также решения иных задач, установленных указанным федеральным законом, положением о

территориальном фонде, законом о бюджете территориального фонда; аккумулирует средства ОМС и управляет ими, осуществляет финансовое обеспечение реализации территориальных программ ОМС в субъектах Российской Федерации, формирует и использует резервы для обеспечения финансовой устойчивости ОМС в порядке, установленном Федеральным фондом; осуществляет контроль за использованием средств ОМС страховыми медицинскими организациями и медицинскими организациями, в том числе проводит проверки и ревизии.

Денежные средства ОМС являются федеральной собственностью и территориальный фонд ОМС может только управлять государственными средствами ОМС, имеющими целевое значение, а также осуществлять государственный контроль за поступлением и расходованием этих средств.

В рассматриваемом случае отсутствует неправомерное пользование денежными средствами территориального фонда ОМС Санкт-Петербурга со стороны территориального фонда ОМС Вологодской области.

Обязанность территориального фонда ОМС по месту страхования возместить территориальному фонду ОМС по месту оказания медицинской помощи расходы по оплате медицинской помощи, оказанной в рамках базовой программы ОМС лицам, застрахованным в других субъектах Российской Федерации, установлена не ГК РФ, а Законом № 326-ФЗ и правилами ОМС.

Правоотношения между территориальными фондами ОМС не являются по своей природе обязательственными правоотношениями, не носят гражданско-правового характера и возникли не в силу договорных отношений, а относятся, по сути, к финансовым и административным отношениям.

Таким образом, положения статьи 395 ГК РФ к спорным правоотношениям не применимы.

Определение № 307-ЭС21-25271

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

25. По смыслу закона соисполнителем убийства признается лицо, непосредственно участвовавшее в процессе лишения жизни потерпевшего совместно с другими лицами (соучастниками).

Установлено, что С. заранее договорился с Б. об убийстве потерпевшей, с этой целью они вдвоем применили к Г. насилие, при этом С. душил потерпевшую, сдавливая ее шею правой рукой, причинив

механическую асфиксию, после чего Б. ножом нанесла потерпевшей колото-резаную рану шеи. В результате указанных действий наступила смерть Г.

Действия С. квалифицированы судом по пункту «ж» части 2 статьи 105 УК РФ как умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

По этому же делу осуждена Б.

В кассационной жалобе осужденный С. оспаривал выводы суда о наличии у него умысла, мотива и сговора на убийство Г., поскольку они основаны на показаниях осужденной этим же приговором Б., от которых последняя отказалась в суде, и не подтверждаются иными собранными по делу доказательствами. Ссылался на то, что он лишь удерживал Г., причинив ей телесные повреждения, однако после его действий потерпевшая была жива, и на предложение Б. убить Г. он ответил отказом.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а кассационную жалобу – без удовлетворения, мотивировав свое решение следующим.

Выводы суда о виновности С. в совершении преступлений основаны на исследованных в судебном заседании доказательствах, в частности показаниях Б., которые даны ею в ходе предварительного расследования уголовного дела и подтверждены в судебном заседании, показаниях С., данных протокола осмотра места происшествия, заключениях экспертов.

Доводы С. о том, что он лишь удерживал Г. за шею, но не душил ее, опровергаются заключением комиссионной судебно-медицинской экспертизы, разъясненным показаниями эксперта Н., а также показаниями Б., из которых видно, что после удушения потерпевшей С., продолжавшегося около 2-3 минут, Г. перестала подавать внешние признаки жизни. То обстоятельство, что Г. была жива до нанесения ей удара ножом, не может свидетельствовать о неправильной квалификации действий С., поскольку из заключения и показаний эксперта следует, что после действий С. и Б. по удушению потерпевшей последняя находилась в агональном состоянии и эти действия также являются непосредственной причиной смерти Г., как и нанесение колото-резаной раны шеи.

Вопреки приведенным в кассационной жалобе доводам С. о его добровольном отказе от совершения преступления С. фактически совершил все насильственные действия, направленные на убийство Г., и эти его действия привели к смерти потерпевшей.

Также он был осведомлен о намерении Б. причинить Г. смерть, удерживал потерпевшую за шею в тот момент, когда Б. душила потерпевшую телефонным проводом, и позже передал Б. нож, когда она сказала, что Г. нельзя оставлять живой.

Таким образом, правовая оценка действий осужденного С. является правильной.

26. По пункту «в» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу возраста, физического состояния здоровья или других обстоятельств защитить себя, оказать активное сопротивление виновному при условии, что последний, совершая убийство, осознает это обстоятельство.

По приговору Омского областного суда от 28 апреля 2021 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Ц. осуждена по пункту «в» части 4 статьи 162, пунктам «в», «з» части 2 статьи 105 УК РФ.

Исходя из установленных фактических обстоятельств дела, суд квалифицировал действия Ц. как нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью, убийство У., 1932 года рождения, заведомо находящейся в беспомощном состоянии, сопряженное с разбоем.

В кассационной жалобе адвокат П. в интересах осужденной просил об отмене судебных решений и о направлении дела на новое судебное разбирательство либо об их изменении ввиду неправильной правовой оценки ее действий.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 13 января 2022 г. оставила приговор и апелляционное определение без изменения, а кассационную жалобу – без удовлетворения по следующим основаниям.

По смыслу уголовного закона по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Как установлено судом, осужденная Ц. достоверно знала о преклонном возрасте потерпевшей У., ее неспособности в силу физического состояния защитить себя и осознавала эти обстоятельства.

Таким образом, суд правильно квалифицировал действия осужденной по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ.

Определение № 50-УД21-13-А5

Назначение наказания

27. Совершение особо тяжких преступлений лицом, имеющим непогашенные судимости за совершение тяжких преступлений, образует особо опасный рецидив преступлений независимо от того, в каком порядке было отменено условное осуждение по предыдущему приговору – по правилам части 3 или части 5 статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации.

По приговору Красноярского краевого суда от 27 октября 2020 г. К. (судимый: 29 декабря 2014 г., с учетом внесенных изменений, по части 2 статьи 228 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года 1 месяц; 3 ноября 2015 г. по части 2 статьи 228 УК РФ с применением части 5 статьи 74, статьи 70 УК РФ к 3 годам 1 месяцу лишения свободы, освобожден 17 августа 2018 г. по отбытии наказания) осужден по пунктам «ж», «з» части 2 статьи 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 15 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год, по пункту «в» части 4 статьи 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 10 годам лишения свободы, по части 1 статьи 119 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) к 1 году лишения свободы, на основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений к 16 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с отбыванием основного наказания в исправительной колонии особого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2021 г. приговор в отношении К. изменен, в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 24 УПК РФ К. освобожден от назначенного ему по части 1 статьи 119 УК РФ наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования, на основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пунктами «ж», «з» части 2 статьи 105 и пунктом «в» части 4 статьи 162 УК РФ, путем частичного сложения наказаний К. окончательно назначено 15 лет 6 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с отбыванием основного наказания в исправительной колонии особого режима.

В кассационной жалобе осужденный К. указывал, что суд неправоммерно установил в его действиях особо опасный рецидив преступлений и назначил отбывание лишения свободы в исправительной колонии особого режима. Отмечал, что судимость по приговору от 29 декабря 2014 г. не могла учитываться, так как условное осуждение не отменялось и он не направлялся в места лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор и последующие судебные решения без изменения, указав следующее.

Как усматривается из приговора, в действиях К. признано наличие особо опасного рецидива преступлений на основании положений пункта «б» части 3 статьи 18 УК РФ, в соответствии с которыми рецидив преступлений признается особо опасным при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление.

В приговоре указано, что К. был дважды судим за тяжкие преступления (29 декабря 2014 г. по части 2 статьи 228 УК РФ и 3 ноября 2015 г. по части 2 статьи 228 УК РФ), судимости за которые не были погашены или сняты в установленном законом порядке.

При этом не имеет значения, каким судебным решением отменено условное осуждение по приговору от 29 декабря 2014 г.: по правилам части 3 статьи 74 УК РФ либо в порядке, предусмотренном частью 5 статьи 74 УК РФ.

Назначенное осужденному наказание с учетом внесенных судом апелляционной инстанции изменений отвечает требованиям статей 6, 43 УК РФ.

Определение № 53-УД21-35-А5

28. Если вследствие принятия нового уголовного закона устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено по предыдущему приговору, то наказание за это деяние не может быть учтено при назначении окончательного наказания по совокупности приговоров.

По приговору Кемеровского областного суда от 31 июля 2008 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Щ. (ранее судимый: 21 декабря 2001 г. по пункту «в» части 3 статьи 132 УК РФ к 4 годам лишения свободы, освобожден 20 декабря 2005 г. по отбытии наказания; 20 сентября 2006 г. по части 1 статьи 158 УК РФ к 1 году 3 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года) осужден по пункту «а» части 2 статьи 105 УК РФ к 19 годам лишения свободы. На основании статьи 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору от 20 сентября 2006 г. Щ. назначено 20 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

В кассационном представлении ставился вопрос об отмене приговора и о направлении дела на новое судебное разбирательство в связи с неправильным применением уголовного закона, в частности статьи 70 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда приговор изменила, исключив указание о назначении окончательного наказания по

совокупности приговоров по правилам статьи 70 УК РФ, поскольку по приговору от 20 сентября 2006 г. Щ. был признан виновным в хищении чужого имущества на сумму 1500 руб. путем кражи при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных частями 2–4 статьи 158 УК РФ, что с учетом внесенных Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ изменений в УК РФ не относится к уголовно наказуемому деянию.

При этом Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации определила считать Щ. осужденным по пункту «а» части 2 статьи 105 УК РФ к 19 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Определение № 81-О21-2сп

29. При назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей заслуживающим снисхождения, отягчающие обстоятельства не учитываются.

По приговору Московского городского суда, постановленному с участием присяжных заседателей, от 4 июля 2006 г. Б. (судимый 27 июня 2001 г. по пунктам «б», «в», «г» части 2 статьи 158 УК РФ к 3 годам лишения свободы, освобожден 14 октября 2003 г. условно-досрочно) осужден по пунктам «д», «ж» части 2 статьи 105 УК РФ к 17 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

В кассационном порядке, предусмотренном главой 45 УПК РФ, приговор не обжаловался.

В кассационной жалобе Б., ссылаясь на признание вины и раскаяние в содеянном, просил о смягчении наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 27 января 2022 г., рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, изменила приговор, указав следующее.

Согласно части 4 статьи 65 УК РФ при назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей Б. признан заслуживающим снисхождения за преступление, предусмотренное пунктами «д», «ж» части 2 статьи 105 УК РФ.

Суд в нарушение требований части 4 статьи 65 УК РФ при назначении Б. наказания признал, что обстоятельством, отягчающим наказание, в соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 63 УК РФ является рецидив преступлений.

Данное нарушение уголовного закона при назначении осужденному наказания является существенным, повлиявшим на исход дела.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор: исключила из

описательно-мотивировочной части указание о признании в качестве отягчающего наказание обстоятельства рецидив преступлений, смягчила назначенное Б. по пунктам «д», «ж» части 2 статьи 105 УК РФ наказание до 16 лет 10 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Определение № 5-УД21-152

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

30. Положения постановления правительства субъекта Российской Федерации, ограничивающие размер субсидии пределами бюджетных ассигнований и лимитами бюджетных обязательств, предусмотренными законом об областном бюджете на соответствующий финансовый год, признаны судом не соответствующими нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации (далее – БК РФ) постановлением правительства субъекта Российской Федерации о едином социальном проездном билете в области был утвержден Порядок предоставления субсидий (далее – Порядок).

Согласно пункту 2 Порядка субсидии предоставляются уполномоченным органом в пределах бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств, предусмотренных законом об областном бюджете на соответствующий финансовый год, для обеспечения равной доступности услуг общественного транспорта. В пунктах 12 и 13 Порядка приводятся формулы, по которым производился расчет суммы субсидий в 2018 году (за одиннадцать месяцев) и в 2019 году (за двенадцать месяцев) соответственно перевозчику, обеспечивающему предоставление транспортных услуг отдельным категориям граждан по единому социальному проездному билету во всех видах городского пассажирского транспорта (кроме легкового такси) и (или) в автомобильном транспорте (кроме легкового такси) общего пользования на муниципальных и (или) межмуниципальных маршрутах регулярных перевозок в городском и пригородном сообщении.

Индивидуальный предприниматель К., ссылаясь на осуществление им перевозок пассажиров по социально значимым маршрутам регулярных перевозок муниципальной маршрутной сети города и указав, что является получателем указанной субсидии, обратился с административным иском о признании недействующими названных норм, считая, что утвержденный названным выше нормативным правовым актом расчет сумм субсидий не позволяет компенсировать ему в полном объеме недополученные доходы в связи с перевозкой льготных категорий пассажиров, поскольку объем

компенсации ограничен лимитом бюджетных обязательств, предусмотренных законом об областном бюджете на соответствующий финансовый год.

Принятыми по данному административному делу судебными актами в удовлетворении административного иска отказано. При этом суды исходили из того, что федеральным законодательством не регламентированы размер и порядок осуществления расходов на реализацию мер социальной поддержки по обеспечению перевозки пассажиров льготных категорий. Следовательно, установление механизма расчета соответствующей субсидии исходя из лимитов бюджетных обязательств относится к компетенции субъекта Российской Федерации и не противоречит законодательству, имеющему большую юридическую силу.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Согласно пункту 1 статьи 78 БК РФ субсидии индивидуальным предпринимателям предоставляются на безвозмездной и безвозвратной основе в целях возмещения недополученных доходов и (или) финансового обеспечения (возмещения) затрат в связи с производством (реализацией) товаров, выполнением работ, оказанием услуг.

Субсидии индивидуальным предпринимателям предоставляются из бюджета субъекта Российской Федерации в случаях и порядке, предусмотренных законом субъекта Российской Федерации о бюджете субъекта Российской Федерации, законами субъектов Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации или актами уполномоченных им органов государственной власти субъекта Российской Федерации (подпункт 2 пункта 2 указанной выше статьи).

В абзаце пятом статьи 26³⁻¹ Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» закреплено, что органы государственной власти субъекта Российской Федерации вправе устанавливать за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан.

Так, в целях обеспечения на территории области равной доступности транспортных услуг для отдельных категорий граждан, в отношении которых оказание мер социальной поддержки относится к ведению Российской Федерации и области, и возмещения затрат организациям, осуществляющим перевозку граждан по единым социальным проездным билетам, правительством субъекта Российской Федерации постановлено ввести единый социальный проездной билет для осуществления проезда отдельных

категорий лиц во всех видах городского пассажирского транспорта (кроме легкового такси) и в автомобильном транспорте (кроме легкового такси) общего пользования по муниципальным, межмуниципальным маршрутам регулярных перевозок в городском и пригородном сообщении.

Пунктом 5 статьи 790 ГК РФ предусмотрено, что в случаях, когда в соответствии с законом или иными правовыми актами установлены льготы или преимущества по провозной плате за перевозку в том числе и пассажиров, понесенные в связи с этим расходы возмещаются транспортной организацией за счет средств соответствующего бюджета.

Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации само по себе исчерпание выделенных лимитов бюджетных обязательств не может служить законным основанием для отказа в предоставлении субсидий, если обязательность компенсации затрат (недополученных доходов) отдельным категориям хозяйствующих субъектов в форме предоставления субсидий установлена законодательством (пункт 33 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 июля 2019 г.).

Исчерпание выделенных лимитов бюджетных обязательств в ситуации, когда осуществление соответствующих выплат из бюджета является обязанностью публично-правового образования, не может служить основанием для отказа в предоставлении такой выплаты заявителю в рамках компенсации недополученных доходов в полном объеме, а обязывает главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств использовать предусмотренные пунктом 6 части 1 статьи 158 БК РФ полномочия по изменению лимитов текущего финансового года и формированию лимитов в достаточном размере на очередной финансовый год.

В противном случае исчерпание доведенных лимитов бюджетных обязательств и отказ уполномоченного государственного органа в предоставлении субсидии по этой причине создают неопределенность в вопросе о возмещении понесенных перевозчиком в связи с предоставлением бесплатного проезда отдельным категориям граждан расходов, которая вступает в противоречие с конституционными гарантиями свободы экономической деятельности, права частной собственности, а также принципами равенства, справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод.

Определение № 37-КАД22-1-К1

31. При оценке законности правового акта уполномоченного органа об образовании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих, замещающих должности государственной гражданской службы, и урегулированию конфликта интересов необходимо исходить из того, что в данном акте должны быть указаны количество членов такой комиссии,

не замещающих должности государственной гражданской службы, и их персональный состав.

По результатам проверки исполнения требований законодательства прокурором природоохранной прокуратуры в адрес органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации (далее – Департамент) внесено представление об устранении нарушений закона, в том числе положений статьи 19 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Указа Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», выразившихся в неуказании в приказе Департамента об образовании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих области, замещающих должности государственной гражданской службы области в Департаменте, и урегулированию конфликта интересов (далее – приказ о создании комиссии) конкретных членов комиссии, не являющихся государственными гражданскими служащими, их должностей и представляемых ими юридических лиц, руководители которых согласовали их участие в работе комиссии.

Департамент, считая такое представление необоснованным, обратился в суд с административным иском.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Кассационным определением суда кассационной инстанции указанные судебные акты оставлены без изменения.

При этом суды исходили из того, что в комиссию должны входить наряду со служащими государственного органа независимые эксперты (минимум 1/4 от общего числа членов комиссии), в отношении которых законодательство не содержит императивных норм об указании их персонального состава в акте государственного органа об образовании комиссии по урегулированию конфликта интересов. Члены комиссии, названные в дополнительном акте Департамента о персональном составе комиссии при рассмотрении конкретного вопроса, пользуются равными правами с иными членами комиссии. Реализованный Департаментом принцип формирования комиссии позволяет соблюдать требования нормативных правовых актов в полном объеме и не создает препятствий в проведении ее заседаний.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации сочла, что судами при вынесении указанных судебных актов допущены существенные нарушения норм материального права.

Основные принципы противодействия коррупции, правовое регулирование в названной сфере установлены Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон о противодействии коррупции).

Обязанность гражданского служащего сообщать представителю нанимателя о личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов, принимать меры по предотвращению такого конфликта закреплена Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о государственной гражданской службе).

Статьей 19 поименованного федерального закона установлены правила урегулирования конфликта интересов на гражданской службе, в том числе предусмотрено образование комиссии по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов правовым актом государственного органа в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации, состав которой формируется таким образом, чтобы была исключена возможность возникновения конфликтов интересов, которые могли бы повлиять на принимаемые комиссиями решения (части 5, 6 и 7).

Положение о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликтов интересов утверждается в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации (часть 8 статьи 19 Федерального закона о государственной гражданской службе).

Согласно Положению о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», комиссия образуется нормативным правовым актом государственного органа, состав которой формируется из членов комиссии, замещающих должности государственной службы в государственном органе, а также из представителя (представителей) научных организаций и образовательных учреждений среднего, высшего и дополнительного профессионального образования, деятельность которых связана с государственной службой (пункт 7, подпункт «в» пункта 8). В ее состав может включаться представитель общественного совета, образованного при органе исполнительной власти (подпункт «а» пункта 9).

При этом определено, что число членов комиссии, не замещающих должности государственной службы в государственном органе, должно составлять не менее одной четверти от общего числа членов комиссии, заседание комиссии считается правомочным, если на нем присутствует

не менее двух третей от общего числа членов комиссии; проведение заседаний с участием только членов комиссии, замещающих должности государственной службы в государственном органе, недопустимо (пункты 11 и 14 поименованного положения).

Указом губернатора области о мерах по реализации отдельных положений Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» утверждено Положение о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих области и урегулированию конфликта интересов (далее – Положение).

Подпунктами «д», «з» пункта 6, подпунктом «а» пункта 7 Положения предусмотрено, что в состав комиссии входят гражданский служащий (гражданские служащие) управления правительства области по противодействию коррупции (за исключением комиссий, образованных в территориальных органах департамента), представитель (представители) научных организаций, образовательных организаций высшего образования, организаций дополнительного профессионального образования, деятельность которых связана с государственной гражданской службой, а также могут включаться представитель (представители) общественного совета, сформированного при исполнительном органе государственной власти области (далее – общественный совет).

В силу пункта 8 Положения лица, указанные в подпунктах «д» и «з» пункта 6 и пункте 7, включаются в состав комиссии по согласованию с соответствующими органами и научными организациями, образовательными организациями высшего образования, организациями дополнительного профессионального образования, общественным советом, общественной организацией ветеранов, профсоюзной организацией, действующей в исполнительном органе на основании запроса руководителя исполнительного органа.

Основанием для проведения заседания комиссии является наряду с другими обстоятельствами представление не только представителя нанимателя, но и любого члена комиссии, касающееся обеспечения соблюдения гражданским служащим требований к служебному поведению, ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов, а также исполнения им обязанностей, установленных федеральными законами, либо осуществления в исполнительном органе мер по предупреждению коррупции (подпункт «в» пункта 14 Положения).

Как следует из пункта 12 Положения, заседание комиссии считается правомочным, если на нем присутствует не менее двух третей от общего числа членов комиссии, проведение заседаний комиссий с участием только членов комиссии, замещающих должности в исполнительном органе, недопустимо.

Исходя из приведенных федеральных и региональных правовых предписаний комиссия является постоянно действующим органом с конкретным количественным и персональным составом, должна состоять из лиц, замещающих должности государственной службы, и лиц, не замещающих такую должность, число которых не может быть менее одной четверти от общего числа членов комиссии.

Следовательно, в акте уполномоченного органа об образовании комиссии должно быть указано количество ее членов, не замещающих должности государственной гражданской службы, и их персональный состав.

Между тем приказ Департамента, которым образована комиссия и утвержден ее состав, таким требованиям не соответствует.

Департамент, указав в качестве членов комиссии лиц, замещающих должности государственной гражданской службы, обозначил как членов комиссии представителя (представителей) научных организаций, образовательных организаций высшего образования, организаций дополнительного профессионального образования, деятельность которых связана с государственной гражданской службой, представителя (представителей) общественного совета при Департаменте, не являющихся государственными гражданскими служащими.

Однако персональный состав членов комиссии, не являющихся государственными служащими, их должности и представляемые ими юридические лица, руководители которых согласовали их участие в работе комиссии, в названном приказе не приведен.

То обстоятельство, что за истекший период в Департаменте проведено два заседания комиссии, состав которой утверждался приказами, в которых указывался персональный состав всех членов комиссии, не опровергает вывод прокурора о несоблюдении административным истцом требований нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы образования комиссии.

Напротив, это свидетельствует о том, что члены комиссии, не относящиеся к государственным гражданским служащим Департамента, не являются постоянно действующими членами данной комиссии, поскольку привлекаются отдельным локальным актом для участия в конкретном заседании комиссии.

Подобная практика противоречит нормативно установленному Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 порядку формирования комиссии, предусматривающему утверждение состава комиссии нормативным правовым актом государственного органа, который подлежит официальному опубликованию, тем самым сведения о составе комиссии доводятся до неопределенного круга лиц.

Избранный Департаментом способ формирования комиссии не соотносится с таким принципом противодействия коррупции, как публичность и открытость деятельности государственных органов и органов

местного самоуправления, предполагающим в том числе открытость и доступность информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, ее достоверность и своевременность предоставления (пункт 3 статьи 3 Закона о противодействии коррупции, пункты 1, 2 статьи 4 Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»).

Кроме того, данный подход к формированию комиссии не может исключать конфликт интересов внутри самой комиссии, поскольку часть ее членов включается в состав накануне заседания для рассмотрения конкретного вопроса.

Привлечение лиц в качестве членов комиссии только для участия в отдельном заседании комиссии лишает их возможности внесения представления, поскольку реализовать данное право может только постоянный член комиссии.

В связи с изложенным Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что указанные выше требования Департамента не подлежат удовлетворению.

Определение № 7-КАД22-2-К2

32. Решение об отказе в государственной регистрации прав, вытекающих из договора аренды земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, признано незаконным, поскольку оно было принято с учетом недействительного условия договора аренды о запрете уступки соответствующих прав без согласия арендатора.

Между администрацией муниципального образования и К. заключен договор аренды земельного участка с видом разрешенного использования «для ведения личного подсобного хозяйства» сроком действия до 29 октября 2022 г.

На основании договора о передаче (уступке) прав и обязанностей К. переуступила свои права и обязанности по названому выше договору аренды Д.

С целью государственной регистрации договора о передаче (уступке) прав и обязанностей по договору аренды Д. обратился в регистрирующий орган с соответствующим заявлением, представив дополнительно к названным выше договорам уведомление администрации муниципального образования о передаче прав и обязанностей по договору.

Уведомлением уполномоченного органа Д. сообщено о приостановлении государственной регистрации права в отношении земельного участка в связи с отсутствием согласия арендодателя в лице муниципального образования на передачу третьему лицу права аренды в отношении земельного участка.

Решением уполномоченного органа Д. отказано в государственной регистрации права в связи с неустранимостью причин, послуживших основанием для приостановления такой регистрации.

Д. обратился в суд с административным иском о признании незаконным отказа в государственной регистрации и возложении обязанности на регистрирующий орган осуществить государственную регистрацию договора о передаче (уступке) прав и обязанностей по договору аренды, ссылаясь на то, что согласие арендодателя на передачу третьему лицу права аренды не является обязательным, поскольку первоначальный договор аренды заключен на срок более пяти лет.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления. При этом суды исходили из того, что получение согласия администрации муниципального образования на заключение договора о передаче (уступке) прав и обязанностей по названному договору аренды являлось обязательным, в связи с чем регистрирующий орган, приостанавливая государственную регистрацию, действовал правомерно.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Договор аренды был заключен администрацией муниципального образования с К. и зарегистрирован в установленном законом порядке, о чем в Едином государственном реестре недвижимости произведена запись регистрации.

Согласно пункту 4.2.1 указанного договора арендатор не вправе передавать право аренды земельного участка третьему лицу без письменного согласия собственника земельного участка.

Согласно пункту 2 статьи 615 ГК РФ арендатор вправе с согласия арендодателя сдавать арендованное имущество в субаренду (поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), предоставлять арендованное имущество в безвозмездное пользование, а также отдавать арендные права в залог и вносить их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный кооператив, если иное не установлено данным кодексом, другим законом или иными правовыми актами.

В соответствии с пунктами 5 и 6 статьи 22 ЗК РФ предусмотрено право арендатора земельного участка, за исключением резидентов особых экономических зон – арендаторов земельных участков, передавать свои права

и обязанности по договору аренды земельного участка третьему лицу, в том числе отдавать арендные права земельного участка в залог и вносить их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного товарищества или общества либо паевого взноса в производственный кооператив, передавать арендованный земельный участок в субаренду в пределах срока договора аренды земельного участка без согласия арендодателя при условии его уведомления, если договором аренды земельного участка не предусмотрено иное.

Пунктом 9 статьи 22 ЗК РФ предусмотрено, что при аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более чем пять лет арендатор земельного участка имеет право, если иное не установлено федеральными законами, в пределах срока договора аренды земельного участка передавать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу, в том числе права и обязанности, указанные в пунктах 5 и 6 названной статьи, без согласия собственника земельного участка при условии его уведомления.

Изменение условий договора аренды земельного участка без согласия его арендатора и ограничение установленных договором аренды земельного участка прав его арендатора не допускаются.

Как указано в пункте 18 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства», при рассмотрении споров, вытекающих из договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более чем пять лет, заключенного после введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации, следует исходить из того, что соответствующие права и обязанности по этому договору могут быть переданы арендатором третьему лицу без согласия собственника земельного участка при условии его уведомления. Однако арендодатель и арендатор не вправе предусматривать в договоре аренды условия, по которым арендатор может передавать свои права и обязанности по договору третьему лицу только после получения на это согласия от арендодателя.

Таким образом, арендатор по договору аренды земельного участка, заключенному на срок более пяти лет, в силу законодательного регулирования имеет более широкий объем прав, ограничение которых не допускается договором.

При таких обстоятельствах у регистрирующего органа отсутствовали правовые основания для принятия оспариваемого решения, а административное исковое заявление обоснованно удовлетворено судом первой инстанции.

Определение № 18-КАД22-28-К4

33. При оспаривании решения прокурора об отказе в согласовании проверки судом было учтено, что государственный инспектор труда при поступлении информации о причинении вреда жизни и здоровью граждан вправе провести внеплановую документарную проверку соблюдения работодателем требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, включая соблюдение установленного порядка расследования и учета несчастных случаев. При этом такую проверку следует отличать от непосредственного проведения расследования несчастного случая государственным инспектором труда, в том числе при сокрытии несчастного случая.

Государственной инспекцией труда в субъекте Российской Федерации получен запрос следователя о предоставлении информации о том, проводилась ли проверка (расследование) по факту наступления 4 октября 2020 г. смерти Е. – работника индивидуального предпринимателя П., и если не проводилась, то инициировать ее проведение и предоставить результаты.

Руководителем Государственной инспекции труда в субъекте Российской Федерации вынесено распоряжение о проведении внеплановой документарной проверки в отношении индивидуального предпринимателя П. Данное распоряжение вместе с заявлением о согласовании внеплановой документарной проверки направлено в прокуратуру.

Решением заместителя прокурора субъекта Российской Федерации в согласовании внеплановой документарной проверки отказано.

Не согласившись с таким решением, Государственная инспекция труда в субъекте Российской Федерации обратилась в суд с административным исковым заявлением.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано. При этом суд исходил из того, что проведение внеплановой проверки противоречит действующему законодательству, поскольку в заявлении о проведении проверки не сообщается, что она проводится в связи с выявлением фактов причинения вреда жизни, здоровью граждан или возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Порядок расследования несчастного случая установлен статьей 229² ТК РФ, в связи с чем положения Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» в данном случае не применяются.

Судом апелляционной инстанции решение суда отменено, признано незаконным решение прокуратуры субъекта Российской Федерации об отказе в согласовании внеплановой документарной проверки индивидуального предпринимателя П. Судебная коллегия указала, что Государственной инспекции труда в субъекте Российской Федерации предоставлено право как

на проведение проверок соблюдения требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в порядке, предусмотренном статьей 360 ТК РФ, так и на проведение дополнительного расследования несчастного случая на производстве в установленных статьей 229³ ТК РФ случаях, в связи с чем выводы заместителя прокурора субъекта Российской Федерации о возможности проведения в данном случае исключительно расследования несчастного случая на производстве являются ошибочными.

Кассационным определением кассационного суда общей юрисдикции апелляционное определение отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе. Суд указал, что проверка соблюдения установленного порядка учета и расследования несчастного случая на производстве не относится к мероприятиям по контролю и надзору за соблюдением требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, организация которых до 1 июля 2021 г. регламентировалась статьей 360 ТК РФ. Кроме того, решение заместителя прокурора субъекта Российской Федерации не ограничивает государственного инспектора труда в проведении дополнительного расследования несчастного случая, которое возможно не только по результатам проверки, но и во всех случаях получения сведений, объективно свидетельствующих о нарушении порядка учета и расследования несчастного случая на производстве.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение кассационного суда общей юрисдикции и оставила в силе апелляционное определение суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с подпунктом «б» пункта 2 части 2 статьи 10 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» основанием для проведения внеплановой проверки является поступившая в органы государственного контроля (надзора) информация от органов государственной власти о причинении вреда жизни, здоровью граждан.

В силу подпункта «а» пункта 1 постановления Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 438 «Об особенностях осуществления в 2020 году государственного контроля (надзора), муниципального контроля и о внесении изменения в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в 2020 году в отношении юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, отнесенных к субъектам малого и среднего предпринимательства, проводятся только внеплановые проверки, основаниями для проведения которых являются факты причинения вреда жизни, здоровью граждан или угрозы

причинения вреда жизни, здоровью граждан и проведение которых согласовано органами прокуратуры.

В соответствии с возложенными на федеральную инспекцию труда задачами она реализует такие основные полномочия, как проверка соблюдения установленного порядка расследования и учета несчастных случаев на производстве; участие в расследовании несчастных случаев на производстве или самостоятельное его проведение (абзацы восьмой и десятый части 1 статьи 356 ТК РФ).

Статьей 360 ТК РФ определено, что государственные инспекторы труда проводят плановые и внеплановые проверки на всей территории Российской Федерации любых работодателей (организации независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, а также работодателей – физических лиц) в порядке, установленном федеральными законами с учетом особенностей, установленных данной статьей (часть 2).

Предметами проверки являются соблюдение требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, выполнение предписаний об устранении выявленных в ходе проверок нарушений и о проведении мероприятий по предотвращению нарушений норм трудового права и по защите трудовых прав граждан (часть 6).

Исходя из положений части 7 статьи 360 ТК РФ поступление в федеральную инспекцию труда информации от органов государственной власти о фактах нарушений работодателями требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в том числе требований охраны труда, повлекших возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью работников, является основанием для проведения внеплановой проверки.

Пунктом 5 Административного регламента осуществления Федеральной службой по труду и занятости федерального государственного надзора за соблюдением установленного порядка расследования и учета несчастных случаев на производстве, утвержденного приказом Федеральной службы по труду и занятости (далее – Роструд) от 23 августа 2019 г. № 235 (действовавшего в момент возникновения спорных правоотношений и разрешения данного дела судами), предусмотрено, что предметом осуществляемого уполномоченными должностными лицами Роструда и его территориальных органов федерального государственного надзора в установленной сфере деятельности является соблюдение работодателями в процессе осуществления ими хозяйственной деятельности требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, устанавливающих порядок расследования, оформления и учета несчастных случаев на производстве, а также проведение мероприятий по предотвращению причинения вреда жизни и здоровью работников и нарушения их трудовых прав.

Проверка соблюдения порядка расследования и учета несчастных случаев на производстве предусматривает в том числе разрешение вопросов, относятся ли события, в результате которых пострадавшим были получены телесные повреждения (травмы), к несчастному случаю, подлежащему расследованию и учету; соблюдены ли работодателем требования к порядку извещения о несчастных случаях, к соблюдению сроков расследования несчастных случаев, к порядку оформления материалов расследования несчастных случаев, их регистрации и учету (статьи 227, 228¹, 229¹, 230, 230¹ ТК РФ).

Исчерпывающие основания для проведения дополнительного расследования установлены в статье 229³ ТК РФ, согласно которой государственный инспектор труда при выявлении сокрытого несчастного случая, а также при получении сведений, объективно свидетельствующих о нарушении порядка расследования, проводит дополнительное расследование несчастного случая независимо от срока давности несчастного случая.

Из приведенных норм законодательства следует, что проведение государственным инспектором труда расследования несчастного случая имеет иные основания, чем проведение проверки работодателя на предмет соблюдения требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в том числе соблюдения установленного порядка расследования и учета несчастных случаев на производстве.

Руководителем Государственной инспекции труда в субъекте Российской Федерации вынесено распоряжение о проведении внеплановой документальной проверки в отношении индивидуального предпринимателя П. с целью осуществления федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, защиты прав и интересов работников, а также установленного порядка расследования несчастных случаев в связи с поступлением информации о причинении вреда здоровью граждан и мотивированным представлением должностного лица.

Согласно пунктам 6 и 13 указанного распоряжения в связи с поступившей информацией о причинении вреда жизни и здоровью граждан контролирующим (надзорным) органом у индивидуального предпринимателя П. запрошены материалы расследования несчастного случая, произошедшего с Е.

При таких данных, удовлетворяя заявленные требования, суд апелляционной инстанции сделал правильный вывод о том, что государственный инспектор труда при поступлении информации о причинении вреда жизни и здоровью граждан вправе провести внеплановую документальную проверку соблюдения работодателем требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, включая соблюдение установленного порядка расследования и учета несчастных случаев, которую следует отличать от

непосредственного проведения расследования несчастного случая государственным инспектором труда, в том числе при сокрытии несчастного случая.

Определение № 60-КАД22-2-К9

34. Законом не предусмотрена возможность повторного предоставления отсрочки от призыва на военную службу на период очного обучения в образовательной организации по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе.

В., 2001 года рождения, имея основное общее образование, в 2017 году поступил в государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение на очную форму обучения.

19 ноября 2018 г. В. поставлен на воинский учет, на основании решения призывной комиссии ему в соответствии со статьей 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Закон № 53-ФЗ) предоставлена отсрочка до окончания обучения в образовательном учреждении (до 2020 года).

Приказом от 22 августа 2020 г. В. зачислен в федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования на первый курс очной (дневной) формы обучения со сроком окончания обучения в 2026 году.

Решением призывной комиссии от 19 ноября 2020 г. В. признан годным к военной службе с незначительными ограничениями (категория «Б») и призван на военную службу.

Полагая неправильным указанное решение, В. обратился в суд с административным иском о признании его незаконным, указав, что имеет право на отсрочку от призыва в соответствии с подпунктом «а» пункта 2 статьи 24 Закона № 53-ФЗ как обучающийся по очной форме обучения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, решение призывной комиссии о призыве В. на военную службу признано незаконным.

Удовлетворяя заявленные требования, суды исходили из того, что оспариваемое решение приводит к нарушению конституционного права В. на образование, поскольку обучение в высшем учебном заведении по имеющей государственную аккредитацию программе специалитета дает ему право на получение отсрочки от призыва на военную службу. Кроме того, зачисление В. в федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования состоялось 22 августа 2020 г., то есть до предусмотренных статьей 25 Закона № 53-ФЗ периодов призыва на военную службу.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое

решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Вопросы об отсрочке от призыва граждан на военную службу урегулированы статьей 24 Закона № 53-ФЗ, в том числе в связи с обучением в организации, осуществляющей образовательную деятельность (подпункты «а» – «д» пункта 2).

Согласно абзацу третьему подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Закона № 53-ФЗ право на отсрочку от призыва на военную службу имеют граждане, обучающиеся по очной форме обучения в образовательных организациях по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования, в период освоения указанных образовательных программ, но не свыше сроков получения среднего профессионального образования, установленных федеральными государственными образовательными стандартами.

Профессиональное образование – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, реализуется по четырем уровням образования: среднее профессиональное образование; высшее образование – бакалавриат; специалитет, магистратура; подготовка кадров высшей квалификации (пункт 12 статьи 2, часть 5 статьи 10 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Право на отсрочку от призыва на военную службу имеют также граждане, обучающиеся по очной форме обучения в образовательных организациях и научных организациях по программам, имеющим государственную аккредитацию, перечисленным в абзацах седьмом и девятом подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Закона № 53-ФЗ.

Предусмотренная названным подпунктом отсрочка от призыва на военную службу предоставляется гражданину только один раз, за исключением случая, если первая отсрочка от призыва на военную службу предоставлена гражданину в соответствии с абзацем седьмым этого подпункта; гражданин повторно может воспользоваться правом на отсрочку от призыва на военную службу на основании абзаца девятого поименованного подпункта (абзац тринадцатый подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Закона № 53-ФЗ).

Приведенные нормы позволяют сделать вывод, что установленная федеральным законодателем система отсрочек от призыва на военную службу в связи с получением образования в целом предполагает предоставление гражданам возможности незамедлительно после получения среднего общего образования продолжить получение образования по очной форме обучения по имеющим государственную аккредитацию программам профессионального образования: программам среднего профессионального

или высшего образования – программам бакалавриата и программам специалитета.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в определении от 26 марта 2020 г. № 586-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голева Василия Николаевича на нарушение его конституционных прав абзацами третьим и десятым подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», конституционный принцип равенства всех перед законом, который распространяется не только на права, непосредственно закрепленные Конституцией Российской Федерации, но и на связанные с ними другие права, приобретаемые на основании закона, в том числе право на отсрочку от призыва на военную службу в связи с получением профессионального образования, гарантирует одинаковые права и обязанности для субъектов, относящихся к одной категории, и не исключает установление различных условий для различных категорий субъектов права. Такие различия должны основываться на объективных характеристиках соответствующих субъектов. Иное означало бы нарушение вытекающего из статьи 19 Конституции Российской Федерации принципа равного исполнения гражданами Российской Федерации своих конституционных обязанностей, в том числе конституционной обязанности гражданина Российской Федерации по защите Отечества посредством несения военной службы по призыву.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что действующее федеральное законодательство устанавливает систему отсрочек от призыва на военную службу в связи с получением образования и предполагает предоставление гражданам возможности незамедлительно после получения среднего общего образования (или одновременно с его получением) продолжить получение образования по очной форме обучения по имеющим государственную аккредитацию программам профессионального образования: программам среднего профессионального или высшего образования, то есть рассматривает граждан, получивших профессиональное образование вне зависимости от его вида, как относящихся к одной категории субъектов.

Как следует из материалов дела, В. как субъектом, относящимся к категории лиц, получивших среднее профессиональное образование, предусмотренное законом право на предоставление отсрочки от призыва на военную службу на период очного обучения в образовательной организации по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе среднего профессионального образования было реализовано, возможность предоставления повторной отсрочки в таком случае названными выше нормами федерального закона не предусмотрена.

Ссылки судов апелляционной и кассационной инстанций в обоснование вывода о незаконности решения призывной комиссии от 19 ноября 2020 г. о призыве В. на военную службу на правовые позиции

Конституционного Суда Российской Федерации, изложенные в постановлениях от 22 мая 2018 г. № 19-П и от 17 апреля 2018 г. № 15-П соответственно, некорректны.

В названных постановлениях дано толкование отдельных норм пункта 2 статьи 24 Закона № 53-ФЗ, согласно которому они не соответствуют Конституции Российской Федерации в той мере, в какой предоставление отсрочки от призыва на военную службу гражданам, которые поступили на обучение в образовательные организации по программам среднего профессионального образования в год получения среднего общего образования, а также гражданам, которые не имеют диплома специалиста или диплома магистра и поступили на обучение в образовательные организации или научные организации по имеющим государственную аккредитацию программам магистратуры в год получения высшего образования по программам бакалавриата, обуславливают тем обстоятельством, воспользовались ли названные граждане такой отсрочкой при обучении в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам среднего общего образования.

Вместе с тем законоположения, которые были предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации, к возникшим между сторонами по данному административному делу правоотношениям не применимы.

Административному истцу отсрочка от призыва на военную службу была предоставлена не в связи с обучением в организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего общего образования, а как лицу, получившему основное общее образование и избравшему дальнейшее обучение в профессиональной образовательной организации по образовательной программе среднего профессионального образования.

В связи с этим Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что обжалуемые судебные акты нельзя признать законными.

Определение 5-КАД22-5-К2

35. При рассмотрении административного иска об оспаривании действий сотрудников следственного изолятора суд исходил из того, что подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, имеют право пользоваться литературой и изданиями периодической печати из библиотеки места содержания под стражей либо приобретенными через администрацию места содержания под стражей в торговой сети и не вправе иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и самостоятельно приобретать за счет собственных денежных средств художественную и иную литературу.

На имя Г., который заключен под стражу и содержался в следственном изоляторе, поступило заказное письмо, в котором находилась книга.

Книга не была ему передана, а была помещена на склад указанного учреждения, что послужило поводом для обращения Г. в суд с административным иском о признании незаконными действий сотрудников следственного изолятора, выразившихся в досмотре предназначавшейся ему передачи, и непринятии мер для обеспечения возможности дальнейшего использования ее содержимого по назначению; во вскрытии поступившей административному истцу бандероли в его отсутствие и помещении ее содержимого (книги) на склад учреждения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении административного иска отказано.

Определением кассационного суда общей юрисдикции решение суда и апелляционное определение отменены в части. Признаны незаконными действия сотрудников следственного изолятора по изъятию и помещению на склад поступившей в адрес Г. книги, на административного ответчика возложена обязанность устранить допущенное нарушение.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды первой и апелляционной инстанций, проанализировав положения пункта 13 части 1 статьи 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и приложение № 2 к Правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденным приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14 октября 2005 г. № 189, действовавшим на момент возникновения спорных правоотношений (далее – Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы), пришли к выводу о том, что подозреваемые и обвиняемые не могут получать книги в посылках и передачах, а вправе пользоваться лишь книгами, полученными в библиотеке следственного изолятора или приобретенными через администрацию следственного изолятора в торговой сети.

Отменяя в части судебные акты, кассационный суд общей юрисдикции, сославшись на Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утвержденные приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 950 (далее – Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел), указал на право обвиняемых и подозреваемых иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и приобретать за счет собственных денежных средств художественную и иную литературу, в том числе для целей самообразования. Установив, что книга не относится к изданиям, пропагандирующим войну, разжигание национальной

и религиозной вражды, культ насилия и жестокости, к изданиям порнографического характера, суд пришел к выводу об удовлетворении требований административного истца в данной части.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев кассационную жалобу Г., указала следующее.

Обращаясь в суд, Г. просил признать незаконными действия сотрудников следственного изолятора. Данное учреждение не относится к категории изолятора временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел. Следовательно, Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, регламентирующие внутренний распорядок в таких изоляторах, не подлежали применению в данном деле.

Согласно пункту 13 части 1 статьи 17, части 4 статьи 23 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», пункту 125¹ Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы подозреваемые и обвиняемые имеют право пользоваться литературой и изданиями периодической печати из библиотеки места содержания под стражей либо приобретенными через администрацию места содержания под стражей в торговой сети.

В перечне предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, а также продуктов питания, которые подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить, получать в посылках и передачах и приобретать по безналичному расчету, приведенном в приложении № 2 к Правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, закреплено, что подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить и приобретать по безналичному расчету литературу и издания периодической печати из библиотеки следственного изолятора либо приобретенные через администрацию следственного изолятора в торговой сети, за исключением материалов экстремистского, эротического и порнографического содержания.

Приобретение литературы и изданий периодической печати в розничной торговой сети осуществляется в порядке, установленном пунктом 3 Порядка оказания дополнительных платных услуг (приложение № 3 к Правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы).

Приведенные нормы, предусматривающие право подозреваемых и обвиняемых пользоваться, иметь при себе, хранить и приобретать по безналичному расчету литературу и издания периодической печати из библиотеки места содержания под стражей либо через администрацию места содержания под стражей в торговой сети, расширительному толкованию не подлежат, в связи с чем вывод суда кассационной инстанции о праве

обвиняемых и подозреваемых иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и самостоятельно приобретать за счет собственных денежных средств художественную и иную литературу, в том числе для целей самообразования, является неправомерным.

Указанное согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в определении от 29 сентября 2016 г. № 1941-О, согласно которой пункт 13 части первой статьи 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» прямо закрепляет, что подозреваемые и обвиняемые имеют право пользоваться литературой и изданиями периодической печати из библиотеки места содержания под стражей либо приобретенными через администрацию места содержания под стражей в торговой сети.

Пунктом 40 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы установлено, что подозреваемые и обвиняемые обеспечиваются для индивидуального пользования книгами и журналами из библиотеки следственного изолятора.

Соответственно, названный порядок реализации права на получение информации, как обусловленный правовым статусом находящегося под стражей подозреваемого и обвиняемого, неопределенности не содержит и не может расцениваться как недопустимое ограничение их прав.

В связи с этим кассационное определение кассационного суда общей юрисдикции было отменено Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации в указанной части.

Определение № 51-КАД22-8-К8

36. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации не возлагает на адвоката, ведущего административное дело по коллективному административному иску в интересах группы лиц, но не являющегося членом данной группы, обязанность представлять в суд ордер, содержащий сведения о членах группы лиц.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции отказано в удовлетворении коллективного административного иска к Центральному банку Российской Федерации.

Считая принятые по делу судебные акты незаконными, адвокат Е. как лицо, представляющее интересы всех административных истцов по коллективному административному иску в судах первой и апелляционной инстанций, направил в кассационный суд общей юрисдикции кассационную жалобу, указав себя как заявителя кассационной жалобы в интересах членов группы лиц.

Судья суда кассационной инстанции уведомлением сообщил Е. о необходимости в определенный срок устранить выявленный в оформлении ордера недостаток, а именно указать фамилии, имена, отчества физических

лиц, чьи интересы он представляет, а также их адреса или место жительства, процессуальное положение в административном деле.

В ответ на это уведомление Е. направил заявление, приобщив ордер, согласно которому ему поручается представлять в суде кассационной инстанции интересы членов группы лиц по кассационной жалобе по административному делу, возбужденному на основании коллективного административного искового заявления.

Определением судьи суда кассационной инстанции кассационная жалоба Е. возвращена без рассмотрения по существу в связи с неустранимым недостатком.

Кассационным определением судьи Верховного Суда Российской Федерации, вынесенным в порядке статьи 327¹ КАС РФ, названное определение судьи кассационного суда общей юрисдикции отменено, административное дело направлено в кассационный суд общей юрисдикции для решения вопроса о передаче кассационной жалобы Е. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Согласно частям 2 и 3 статьи 42 КАС РФ административные дела о защите нарушенных и оспариваемых прав и законных интересов группы лиц рассматриваются судом в случае, если ко дню обращения в суд лица, выдвинувшего требование о защите прав и законных интересов группы лиц, к названному требованию присоединились не менее двадцати лиц.

Присоединение к требованию осуществляется путем подачи в письменной форме отдельного заявления о присоединении к административному исковому заявлению.

В коллективном административном искомом заявлении должно быть указано лицо или несколько лиц, которым поручено ведение соответствующего административного дела в интересах группы лиц. При этом такие лицо или лица действуют без доверенности, пользуются правами и несут процессуальные обязанности административных истцов.

Из материалов административного дела следует, что с административным иском в суд обратились члены кооператива А., Б., Г. и Д., отметив, что их интересы представляет адвокат Е., это подтверждено соответствующими ордерами.

Впоследствии в суд первой инстанции поступили заявления от иных членов кооператива о присоединении к административному исковому заявлению и о поручении ведения данного дела адвокату Е.

Судья суда первой инстанции в предварительном судебном заседании вынес определение о рассмотрении административного дела в порядке, предусмотренном статьей 42 КАС РФ.

Из вводной части решения суда и апелляционного определения следует, что данное административное дело рассмотрено по коллективному административному исковому заявлению в порядке, предусмотренном статьей 42 КАС РФ, с участием адвоката Е. как лица, которому поручено ведение административного дела в интересах 46 административных истцов.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 16 постановления от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» разъяснил, что по смыслу части 3 статьи 42 КАС РФ лицо, ведущее административное дело в интересах группы лиц, действует в судебном процессе без доверенности, пользуется всеми правами и несет процессуальные обязанности административного истца, включая право апелляционного и кассационного обжалования. При этом, если такое лицо не является членом группы, оно должно отвечать требованиям части 1 статьи 55 указанного кодекса, то есть быть адвокатом или лицом, обладающим полной дееспособностью и имеющим высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 18 указанного постановления отметил, что кассационная жалоба на судебный акт, принятый по административному делу, рассмотренному по правилам статьи 42 КАС РФ, подается лицом, которому было поручено ведение соответствующего дела в интересах группы лиц.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации не обязывает адвоката, ведущего административное дело по коллективному административному иску в интересах группы лиц и не являющегося членом данной группы, представлять в суд ордер, содержащий сведения о членах группы лиц.

При таких данных у суда кассационной инстанции имелись основания для рассмотрения кассационной жалобы Е. по существу, в связи с чем определение о возвращении этой жалобы без рассмотрения по существу по указанным выше основаниям нельзя признать законным.

Определение № 18-КАД22-25-К4

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

37. Проезд перекрестка в нарушение требований дорожного знака 5.15.2 «Направления движения по полосе» прямо по полосе, предназначенной для поворота налево, совершенный на разрешающий (зеленый) сигнал светофора для движения прямо, не образует состав административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.12 КоАП РФ («Проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест регулировщика»).

Постановлением должностного лица, оставленным без изменения решением судьи районного суда, решением судьи областного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Е. признан виновным в совершении административного правонарушения,

предусмотренного частью 1 статьи 12.12 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Е. ставил вопрос об отмене актов о привлечении его к административной ответственности, считая их незаконными, и прекращении производства по делу.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 1 статьи 12.12 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действующей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Е. к административной ответственности) проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест регулировщика, за исключением случаев, предусмотренных частью 1 статьи 12.10 названного кодекса и частью 2 данной статьи, влечет наложение административного штрафа в размере 1000 руб.

Согласно пункту 1.3 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее – Правила), участники дорожного движения обязаны знать и соблюдать относящиеся к ним требования Правил, сигналов светофоров, знаков и разметки, а также выполнять распоряжения регулировщиков, действующих в пределах предоставленных им прав и регулирующих дорожное движение установленными сигналами.

В силу пункта 6.2 Правил круглые сигналы светофора имеют следующие значения: **ЗЕЛЕНЫЙ СИГНАЛ** разрешает движение; **ЗЕЛЕНЫЙ МИГАЮЩИЙ СИГНАЛ** разрешает движение и информирует, что время его действия истекает и вскоре будет включен запрещающий сигнал (для информирования водителей о времени в секундах, остающемся до конца горения зеленого сигнала, могут применяться цифровые табло); **ЖЕЛТЫЙ СИГНАЛ** запрещает движение, кроме случаев, предусмотренных пунктом 6.14 Правил, и предупреждает о предстоящей смене сигналов; **ЖЕЛТЫЙ МИГАЮЩИЙ СИГНАЛ** разрешает движение и информирует о наличии нерегулируемого перекрестка или пешеходного перехода, предупреждает об опасности; **КРАСНЫЙ СИГНАЛ**, в том числе мигающий, запрещает движение. Сочетание красного и желтого сигналов запрещает движение и информирует о предстоящем включении зеленого сигнала.

Пунктом 6.3 Правил установлено, что сигналы светофора, выполненные в виде стрелок красного, желтого и зеленого цветов, имеют то же значение, что и круглые сигналы соответствующего цвета, но их действие распространяется только на направление (направления), указываемое стрелками. При этом стрелка, разрешающая поворот налево, разрешает и разворот, если это не запрещено соответствующим дорожным знаком.

Такое же значение имеет зеленая стрелка в дополнительной секции. Выключенный сигнал дополнительной секции или включенный световой сигнал красного цвета ее контура означает запрещение движения в направлении, регулируемом этой секцией.

Согласно постановлению должностного лица, вынесенному в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 28.6 КоАП РФ, работающим в автоматическом режиме специальным техническим средством, имеющим функции фото- и киносъемки, видеозаписи было зафиксировано, что водителем транспортного средства, собственником (владельцем) которого является Е., на перекрестке допущено нарушение пункта 6.3 Правил, а именно совершен проезд на запрещающий сигнал светофора.

Данные обстоятельства послужили основанием для привлечения Е. к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 12.12 КоАП РФ.

Вместе с тем судья Верховного Суда Российской Федерации не согласился с состоявшимися по делу актами.

При обжаловании постановления должностного лица Е., не оспаривая то обстоятельство, что автомобиль двигался в нарушение требований дорожного знака 5.15.2 «Направления движения по полосе» Приложения № 1 к Правилам прямо по полосе, предназначенной для поворота налево, последовательно указывал на то, что проехал перекресток прямо на разрешающий (зеленый) сигнал светофора.

Данные обстоятельства подтверждаются материалом фото- и видеофиксации.

Отклоняя приведенные доводы, судебные инстанции исходили из того, что автомобиль Е. перед перекрестком находился на крайней левой полосе движения, по которой движение разрешено только налево. В тот момент, когда на дополнительной секции светофора, разрешающей движение в данном направлении (налево), был включен красный сигнал светофора, а для движения прямо – зеленый сигнал светофора, транспортное средство, собственником (владельцем) которого является Е., проехало перекресток прямо.

Как указано в судебных решениях, при названных обстоятельствах включенный красный сигнал дополнительной секции светофора означал запрет на движение, в том числе прямо, что обязывало водителя автомобиля остановиться, руководствуясь требованиями пункта 6.13 Правил.

Однако, вопреки утверждению судьи районного суда, включенный световой сигнал красного цвета контура дополнительной секции светофора означает запрещение движения в направлении, регулируемом этой секцией (пункт 6.3 Правил), и не запрещает движение транспортных средств в иных направлениях.

Таким образом, водитель транспортного средства в нарушение указанного выше дорожного знака проехал перекресток прямо по полосе, предназначенной для поворота налево.

Однако движение прямо в момент, относящийся к событию административного правонарушения, было разрешено зеленым сигналом светофора.

Нарушение требований дорожного знака 5.15.2 «Направления движения по полосе» Приложения № 1 к Правилам не вменялось в вину Е. и не образует состав административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.12 КоАП РФ.

В соответствии с частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ об административных правонарушениях срок давности привлечения к административной ответственности, предусмотренный указанной нормой, составляет два месяца.

На момент рассмотрения жалобы Е. в Верховном Суде Российской Федерации срок давности привлечения его к административной ответственности истек.

В связи с вышеизложенным постановление должностного лица, решение судьи районного суда, решение судьи областного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции отменены, производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.12 КоАП РФ, прекращено в связи с истечением срока давности привлечения Е. к административной ответственности.

Постановление № 35-АД22-2-К2

38. Неверное указание реквизитов получателя платежа при уплате административного штрафа может свидетельствовать о малозначительности совершенного административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи Л. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

Определением судьи районного суда в удовлетворении ходатайства Л. о восстановлении срока обжалования постановления мирового судьи отказано.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции указанные судебные акты оставлены без изменения.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Л. просил отменить судебные акты, вынесенные в отношении его по делу об административном правонарушении, заявляя о наличии оснований для прекращения производства по делу.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

Согласно части 1 статьи 20.25 КоАП РФ неуплата административного штрафа в срок, предусмотренный названным кодексом, влечет назначение административного наказания.

Постановлением начальника территориального управления министерства Л. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 8.37 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 500 руб.

Его копия получена Л. 25 марта 2020 г. Постановление должностного лица вступило в законную силу 7 апреля 2020 г.

В силу части 1 статьи 32.2 КоАП РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для возбуждения дела об административном правонарушении) административный штраф должен быть уплачен в полном размере лицом, привлеченным к административной ответственности, не позднее шестидесяти дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу, за исключением случаев, предусмотренных частями 1¹, 1³ и 1⁴ данной статьи, либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки, предусмотренных статьей 31.5 названного кодекса.

Основанием для привлечения Л. к административной ответственности по части 1 статьи 20.25 КоАП РФ послужили изложенные в протоколе об административном правонарушении, постановлении мирового судьи и постановлении судьи кассационного суда выводы о том, что назначенный постановлением начальника территориального управления министерства административный штраф не был уплачен в срок, установленный частью 1 статьи 32.2 названного кодекса.

Приведенные обстоятельства подтверждены собранными по делу доказательствами, получившими оценку с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности по правилам статьи 26.11 КоАП РФ.

Вывод судебных инстанций о наличии в деянии Л. состава административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ, соответствует фактическим обстоятельствам дела и имеющимся доказательствам.

Довод жалобы Л. о том, что штраф им уплачен 27 апреля 2020 г. – в срок, установленный частью 1 статьи 32.2 названного кодекса, не свидетельствует об отсутствии состава соответствующего административного правонарушения, поскольку было установлено, что обязанность по уплате штрафа в указанный срок выполнена ненадлежащим образом.

Вместе с тем в рассматриваемом случае имеются основания для отмены обжалуемых судебных актов и прекращения производства по делу на основании статьи 2.9 КоАП РФ.

В соответствии с данной нормой при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

Согласно пункту 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5, если при рассмотрении дела будет установлена малозначительность совершенного административного правонарушения, судья на основании статьи 2.9 указанного кодекса вправе освободить виновное лицо от административной ответственности и ограничиться устным замечанием, на что должно быть указано в постановлении о прекращении производства по делу. Если малозначительность административного правонарушения будет установлена при рассмотрении жалобы на постановление по делу о таком правонарушении, то на основании пункта 3 части 1 статьи 30.7 указанного кодекса выносится решение об отмене постановления и о прекращении производства по делу.

Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений.

В подтверждение факта уплаты штрафа Л. представлена копия чека-ордера, согласно которому 27 апреля 2020 г. произведена уплата штрафа в размере 500 руб., назначенного постановлением начальника территориального управления министерства и по указанным в нем реквизитам. Вместе с тем в платежном документе неверно отражен ОКТМО (общероссийский классификатор территорий муниципальных образований).

Такие же сведения содержатся в ответе должностного лица территориального управления министерства на запрос судьи кассационного суда.

При этом уточнение платежа проведено 29 июля 2020 г., что подтверждается актом сверки взаимных расчетов между территориальным управлением министерства и Л., уведомлением об уточнении вида и принадлежности платежа.

В платежном документе имеется указание на реквизиты постановления начальника территориального управления министерства, фамилию, имя, отчество и номер паспорта лица, подвергнутого административному наказанию. Уплата произведена на расчетный счет получателя платежа и по

его реквизитам, отраженным в постановлении (ИНН, КПП, БИК, КБК). Согласно названному акту сверки 29 июля 2020 г. зачтен уточненный платеж от 27 апреля 2020 г.

Приведенные обстоятельства позволили судье Верховного Суда Российской Федерации сделать вывод о том, что совершенное Л. деяние хотя формально и содержит признаки состава административного правонарушения, но с учетом его характера, роли правонарушителя, отсутствия каких-либо тяжких последствий, а также конкретных обстоятельств дела не представляет существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений, в связи с чем имеются основания для признания административного правонарушения малозначительным.

С учетом изложенного постановление мирового судьи, определение судьи районного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении Л. по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ, отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании статьи 2.9 названного кодекса в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения.

Постановление № 66-АД22-2-К8

39. Место и время совершения административного правонарушения являются обстоятельствами, характеризующими событие административного правонарушения, в связи с чем они входят в предмет доказывания и подлежат установлению при разрешении каждого дела об административном правонарушении.

Постановлением должностного лица, оставленным без изменения решением судьи районного суда, решением судьи субъекта Российской Федерации и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Р. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.9 КоАП РФ.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Р. просил отменить акты, вынесенные в отношении его по делу об административном правонарушении, приводя доводы об их незаконности.

Рассмотрев поданную жалобу, судья Верховного Суда Российской Федерации пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 2 статьи 12.9 КоАП РФ (все нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Р. к административной ответственности) превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 20, но не более 40 километров в час влечет назначение административного наказания.

Положениями части 1 статьи 2.6¹ КоАП РФ установлено, что к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения и административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи, привлекаются собственники (владельцы) транспортных средств.

Как было установлено при рассмотрении дела об административном правонарушении, на участке автодороги с 853 км по 879 км водитель транспортного средства, собственником (владельцем) которого является Р., в нарушение требований Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее – Правила дорожного движения), превысил установленную скорость движения транспортного средства на 26 километров в час, двигаясь со скоростью 118 километров в час при разрешенной на указанном участке дороги скорости движения 90 километров в час.

Данное нарушение зафиксировано с применением технического средства, работающего в автоматическом режиме, имеющего функции фото-, видеофиксации.

Постановлением должностного лица к административной ответственности по части 2 статьи 12.9 КоАП РФ привлечен собственник (владелец) транспортного средства Р.

С указанным постановлением согласились судебные инстанции, оставив его без изменения.

Однако при рассмотрении дела судебными инстанциями не было учтено следующее.

Статьей 26.1 КоАП РФ к обстоятельствам, подлежащим обязательному выяснению по делу об административном правонарушении, отнесены виновность лица в совершении правонарушения и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, а также причины и условия совершения административного правонарушения.

Требования, предъявляемые к содержанию постановления по делу об административном правонарушении, установлены статьей 29.10 КоАП РФ.

В силу пунктов 4, 6 части 1 статьи 29.10 КоАП РФ в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть указаны обстоятельства, установленные при рассмотрении дела, мотивированное решение по делу.

Аналогичные требования предъявляются к решению, принимаемому по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении. В силу части 2 статьи 30.7 КоАП РФ

такое решение должно содержать сведения, предусмотренные частью 1 статьи 29.10 названного кодекса.

К событию административного правонарушения относятся время и место совершения административного правонарушения, данные обстоятельства входят в предмет доказывания и подлежат выяснению по делу об административном правонарушении.

С учетом того, что событие административного правонарушения характеризуется в том числе местом и временем его совершения, материалы, формируемые техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, должны содержать указанную информацию (пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

В постановлении должностного лица временем совершения административного правонарушения указано – с 6 часов 56 минут по 7 часов 9 минут, местом совершения правонарушения – участок автодороги с 853 км по 879 км.

Административное правонарушение, предусмотренное частью 2 статьи 12.9 КоАП РФ, не является делящимся, в связи с чем в постановлении должно содержаться точное время совершения правонарушения.

Местом совершения административного правонарушения считается место совершения противоправного действия независимо от места наступления последствий.

В пункте 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснено, что в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях постановление по делу об административном правонарушении может быть обжаловано в районный суд по месту рассмотрения дела, а военнослужащими (гражданами, проходящими военные сборы) – в гарнизонный военный суд (статья 29.5 указанного кодекса).

При определении территориальной подсудности дел по жалобам на постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенные должностными лицами, необходимо исходить из территории, на которую распространяется юрисдикция должностных лиц, а не из места расположения органа, от имени которого должностным лицом составлен протокол или вынесено постановление по делу об административном правонарушении в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 28.6 и статьей 29.10 КоАП РФ. То есть в таких ситуациях территориальная подсудность рассмотрения жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях должна определяться местом

совершения правонарушения, а не местом нахождения соответствующего органа.

Аналогичный порядок применяется при определении территориальной подсудности рассмотрения жалоб на решения вышестоящих должностных лиц, принятые по результатам рассмотрения жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенные в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 28.6 и статьей 29.10 названного кодекса.

В связи с изложенным место совершения административного правонарушения является обстоятельством, подлежащим установлению и влияющим в числе прочего на правильное определение территориальной подсудности рассмотрения жалоб на постановления должностных лиц.

Указание участка автодороги в качестве места совершения административного правонарушения является недопустимым, в том числе с учетом того, что на данный участок автодороги может распространяться юрисдикция разных судов.

Кроме того, из постановления должностного лица следует, что превышение скорости движения транспортного средства установлено путем вычисления средней скорости его движения.

При этом судебными инстанциями не были проверены доводы Р. о том, что принадлежащее ему транспортное средство могло двигаться по иному маршруту, то есть, проехав первую камеру видеофиксации (без превышения скоростного режима), заявитель мог проследовать на иной участок дороги (объездная дорога, дублер) и выехать на автодорогу перед второй камерой видеофиксации, которую он проехал без превышения установленной скорости.

Также не получило оценки суждение о том, что часть времени транспортное средство могло не двигаться (быть припарковано), а участок автодороги между установленными камерами преодолеть с большей скоростью, чем указано в постановлении должностного лица (118 километров в час), что означало бы наличие состава административного правонарушения, предусмотренного иной частью статьи 12.9 КоАП РФ.

Данные обстоятельства судебными инстанциями исследованы не были, приведенные доводы оценки в вынесенных по делу судебных актах не получили.

При таких обстоятельствах судья Верховного Суда Российской Федерации решение судьи районного суда, решение судьи субъекта Российской Федерации и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, состоявшиеся в отношении Р. по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 12.9 КоАП РФ, отменил и дело направил на новое рассмотрение в районный суд.

Постановление № 11-АД22-16-К6

40. Исключение из числа доказательств протокола о применении меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении не может свидетельствовать о незаконности привлечения лица к административной ответственности, если факт совершения им административного правонарушения подтвержден совокупностью иных собранных по делу доказательств, оцененных на предмет допустимости, достоверности, достаточности по правилам статьи 26.11 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Х. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 12.2 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Х. просил отменить постановления, вынесенные в отношении его по указанному делу об административном правонарушении, приводя доводы об их незаконности.

Рассмотрев поданную жалобу, судья Верховного Суда Российской Федерации пришел к следующим выводам.

В силу части 4 статьи 12.2 КоАП РФ управление транспортным средством с заведомо подложными государственными регистрационными знаками влечет назначение административного наказания.

Под подложными государственными регистрационными знаками следует понимать, в частности, соответствующие техническим требованиям государственные регистрационные знаки (в том числе один из них), отличные от внесенных в регистрационные документы данного транспортного средства (например, выдававшиеся на данное транспортное средство ранее (до внесения изменений в регистрационные документы транспортного средства), либо выданные на другое транспортное средство, либо не выдававшиеся в установленном порядке) (пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

При рассмотрении дела об административном правонарушении было установлено, что Х. управлял транспортным средством с заведомо подложными государственными регистрационными знаками, присвоенными другому транспортному средству.

Факт совершения Х. административного правонарушения подтвержден собранными по делу доказательствами, в частности: протоколом об

административном правонарушении, рапортом инспектора, фотоснимком государственного регистрационного знака.

Положениями статьи 26.2 КоАП РФ определено, что доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными данным кодексом, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами.

Не допускается использование доказательств по делу об административном правонарушении, в том числе результатов проверки, проведенной в ходе осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, если указанные доказательства получены с нарушением закона.

Протокол об административном правонарушении составлен с соблюдением требований статьи 28.2 КоАП РФ, процессуальные права Х. при его оформлении не нарушены. Содержание названного протокола свидетельствует о том, что Х. присутствовал при составлении этого документа, объем прав, которыми он наделен в соответствии с названным кодексом и Конституцией Российской Федерации, до его сведения доведен, с содержанием протокола он ознакомлен, копия протокола ему вручена.

В то же время в соответствии с частями 2, 6 статьи 25.7 КоАП РФ в случаях, предусмотренных главой 27 и статьей 28.1¹ названного кодекса, обязательно присутствие понятых или применение видеозаписи.

В случае применения видеозаписи для фиксации совершения процессуальных действий, за исключением личного досмотра, эти процессуальные действия совершаются в отсутствие понятых, о чем делается запись в соответствующем протоколе либо акте освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

Материалы, полученные при совершении процессуальных действий с применением видеозаписи, прилагаются к соответствующему протоколу либо акту освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

При этом обязательное участие понятых или использование видеозаписи необходимо для исключения сомнения относительно полноты и правильности фиксирования в соответствующем процессуальном документе содержания и результатов проводимого процессуального действия.

Одной из гарантий обеспечения прав лица, в отношении которого ведется производство по делу, является установленное законом требование о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении с участием понятых или с использованием видеозаписи, призванное исключить сомнения относительно полноты и правильности фиксирования в соответствующем процессуальном документе содержания и результатов проводимого процессуального действия.

Согласно пункту 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» при рассмотрении дела об административном правонарушении собранные по делу доказательства должны оцениваться в соответствии со статьей 26.11 КоАП РФ, а также с позиции соблюдения требований закона при их получении (часть 3 статьи 26.2 КоАП РФ).

В силу части 1 статьи 27.10 КоАП РФ изъятие вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, и документов, имеющих значение доказательств по делу об административном правонарушении и обнаруженных на месте совершения административного правонарушения либо при осуществлении личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, и досмотре транспортного средства, осуществляется лицами, указанными в статьях 27.2, 27.3, 28.3 КоАП РФ, в присутствии двух понятых либо с применением видеозаписи.

В соответствии с частью 4 данной статьи в случае необходимости при изъятии вещей и документов применяются фото- и киносъемка, иные установленные способы фиксации вещественных доказательств.

Таким образом, законодатель различает два вида процессуальных действий: изъятие вещей и документов; фиксация изъятых вещей и документов (вещественных доказательств).

При этом в первом случае является обязательным либо присутствие понятых, либо проведение видеозаписи процессуального действия, во втором случае фото- и киносъемка, иные установленные способы фиксации не являются обязательными.

Протокол изъятия вещей и документов был составлен в отсутствие двоих понятых, а также без проведения видеозаписи, что является нарушением части 1 статьи 27.10 КоАП РФ. Произведенная же в порядке части 4 статьи 27.10 КоАП РФ фотофиксация не может свидетельствовать о надлежащем выполнении требований КоАП РФ относительно порядка проведения личного досмотра и изъятия вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения.

С учетом приведенных обстоятельств судья Верховного Суда Российской Федерации указал на то, что допущенные процессуальные нарушения в ходе составления протокола изъятия вещей и документов влекут

признание его недопустимым доказательством и исключение его из числа доказательств.

Однако это не ставит под сомнение законность привлечения Х. к административной ответственности, так как совокупность иных исследованных доказательств (протокол об административном правонарушении, рапорт инспектора, фотоснимок государственного регистрационного знака) является достаточной для правильного разрешения дела.

На основании изложенного судья Верховного Суда Российской Федерации постановление мирового судьи и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении Х. по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 12.2 КоАП РФ, изменил, исключив из числа доказательств протокол изъятия вещей и документов. В остальной части названные судебные акты оставлены без изменения.

Постановление № 49-АД22-9-К6

41. Пересмотр решения по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении без учета осуществленной судьей переквалификации действий лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, не отвечает положениям статьи 24.1 КоАП РФ, закрепляющей задачи производства по делам об административных правонарушениях.

Постановлением должностного лица Д. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.21³ КоАП РФ, и подвергнута административному наказанию в виде административного штрафа в размере 10 000 руб.

Решением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи областного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, постановление должностного лица изменено, действия Д. переквалифицированы с части 2 на часть 1 статьи 12.21³ КоАП РФ, размер административного штрафа снижен до 5000 руб.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Д. выражала несогласие с актами, состоявшимися в отношении ее по делу об административном правонарушении, поставив вопрос об их отмене и прекращении производства по делу.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

Порядок подачи жалоб, принесения протестов на постановления (решения) по делам об административных правонарушениях и пересмотра таких постановлений (решений) установлен главой 30 КоАП РФ.

Подача жалоб, принесение протестов на не вступившие в законную силу постановления (решения) по делам об административных правонарушениях и их пересмотр осуществляются в соответствии с положениями статей 30.1–30.10 КоАП РФ.

Порядок обжалования, опротестования вступивших в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, решений по результатам рассмотрения жалоб, протестов и пересмотра таких актов урегулирован статьями 30.12–30.19 названного кодекса.

По результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении выносится одно из решений, перечисленных в части 1 статьи 30.7 КоАП РФ.

Согласно части 2 указанной статьи решение по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении должно содержать сведения, предусмотренные частью 1 статьи 29.10 данного кодекса.

В соответствии с частью 1 статьи 29.10 КоАП РФ в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть указаны в числе прочего обстоятельства, установленные при рассмотрении дела; статья данного кодекса или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность за совершение административного правонарушения, либо основания прекращения производства по делу; мотивированное решение по делу.

В силу части 1 статьи 30.17 КоАП РФ по результатам рассмотрения жалобы, протеста на вступившие в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов принимается решение в форме постановления.

Требования, предъявляемые к такому постановлению, установлены статьей 30.18 КоАП РФ.

В соответствии с частью 1 данной статьи в постановлении, принимаемом по результатам рассмотрения жалобы, протеста на вступившие в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов, указываются в том числе обжалуемые, опротестуемые постановления по делу об административном правонарушении, решение по результатам рассмотрения жалоб, протестов; доводы и требования, содержащиеся в жалобе, протесте; мотивы и основания для оставления без изменения, изменения или отмены вступивших в законную силу постановлений по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов со ссылкой на статьи КоАП РФ и (или) закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях.

Однако требования перечисленных норм не были выполнены судьей областного суда и судьей кассационного суда общей юрисдикции.

В судебных актах судей этих судов указано, что решением судьи районного суда оставлено без изменения постановление должностного лица, которым Д. привлечена к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.21³ КоАП РФ.

Согласно содержанию названных актов судья областного суда и судья кассационного суда общей юрисдикции рассмотрели жалобы Д. без учета переквалификации судьей районного суда на часть 1 статьи 12.21³ КоАП РФ, указывая при этом, что в ходе рассмотрения дела подтвержден факт совершения Д. административного правонарушения, предусмотренного частью 2 данной статьи.

Такое разрешение судьей областного суда и судьей кассационного суда общей юрисдикции жалоб на постановление и решение по делу об административном правонарушении не отвечает установленным статьей 24.1 КоАП РФ задачам производства по делам об административных правонарушениях.

Указанные нарушения признаны судьей Верховного Суда Российской Федерации существенными и не позволили признать решение судьи областного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции законными.

Постановление № 25-АД22-3-К4

42. В случае прекращения производства по делу об административном правонарушении конкретное основание принятия такого решения подлежит указанию в судебном акте.

Постановлением должностного лица в отношении общества прекращено производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 8.8 КоАП РФ, на основании статьи 2.9 данного кодекса в связи с малозначительностью совершенного правонарушения.

Решением судьи городского суда постановление должностного лица оставлено без изменения.

Решением судьи суда субъекта Российской Федерации, оставленным без изменения постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, постановление должностного лица и состоявшееся в порядке его обжалования решение судьи городского суда отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено.

В поданной в Верховный Суд Российской Федерации жалобе должностное лицо, вынесшее постановление по делу об административном правонарушении, просило об отмене решения судьи суда субъекта Российской Федерации и постановления кассационного суда общей юрисдикции, приводя доводы об их незаконности.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы, содержащиеся в жалобе, пришел к следующим выводам.

Из пункта 3 части 1 статьи 30.7 КоАП РФ следует, что по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении выносится решение об отмене постановления и о прекращении производства по делу при наличии хотя бы одного из обстоятельств, предусмотренных статьями 2.9, 24.5 данного кодекса, а также при недоказанности обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление.

В соответствии со статьей 29.9 КоАП РФ по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении может быть вынесено постановление: о назначении административного наказания; о прекращении производства по делу об административном правонарушении (часть 1).

При этом в силу пункта 1 части 1¹ статьи 29.9 КоАП РФ постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении выносится в случае наличия хотя бы одного из обстоятельств, предусмотренных статьей 24.5 названного кодекса.

Частью 3 статьи 30.9 КоАП РФ определено, что подача последующих жалоб на постановление по делу об административном правонарушении и (или) решения по жалобе на это постановление, их рассмотрение и разрешение осуществляются в порядке и в сроки, установленные статьями 30.2–30.8 этого кодекса.

В рассматриваемом случае решением судьи суда субъекта Российской Федерации постановление должностного лица и решение судьи городского суда отменены с прекращением производства по делу об административном правонарушении.

Вместе с тем в описательно-мотивировочной и резолютивной частях решения судьи суда субъекта Российской Федерации не указано обстоятельство, послужившее основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении.

При рассмотрении жалобы должностного лица, вынесшего постановление, судьей кассационного суда общей юрисдикции данное процессуальное нарушение не устранено, решение судьи суда субъекта Российской Федерации оставлено без изменения.

Таким образом, при рассмотрении дела судьями суда субъекта Российской Федерации и кассационного суда общей юрисдикции не было обеспечено выполнение задач производства по делам об административных правонарушениях, которыми в силу статьи 24.1 КоАП РФ являются всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений.

В связи с изложенным постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, состоявшееся по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 8.8 КоАП РФ, в отношении общества, отменено, дело направлено на новое рассмотрение в кассационный суд общей юрисдикции.

Постановление № 11-АД22-25-К6

43. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не содержит запрета на изменение основания прекращения производства по делу об административном правонарушении при пересмотре состоявшегося постановления. При этом решение, которым изменено основание прекращения производства по делу об административном правонарушении, не должно содержать выводов о виновности лица, в отношении которого производство по делу прекращено, в случае истечения срока давности привлечения к административной ответственности на момент его вынесения.

Постановлением мирового судьи производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 19.4¹ КоАП РФ, в отношении должностного лица учреждения В. прекращено на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 названного кодекса в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Решением судьи городского суда постановление мирового судьи отменено, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании пункта 6 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции решение судьи городского суда отменено.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, должностное лицо, направившее дело на рассмотрение судье, ставило вопрос об отмене постановления судьи кассационного суда общей юрисдикции, приводя доводы о его незаконности.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

Частью 2 статьи 19.4¹ КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за воспрепятствование законной деятельности должностного лица органа государственного контроля (надзора), органа государственного финансового контроля, должностного лица организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора, должностного лица органа муниципального контроля, органа муниципального финансового контроля по проведению проверок или уклонение от таких проверок, за исключением случаев, предусмотренных

частью 4 статьи 14.24, частью 9 статьи 15.29 и статьей 19.4² названного кодекса, повлекшее невозможность проведения или завершения проверки.

По результатам судебного разбирательства мировой судья прекратил в отношении должностного лица учреждения В. производство по делу на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ в связи с отсутствием состава указанного административного правонарушения, указав, что проверка в отношении учреждения проведена в нарушение ограничения, установленного постановлением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 438 «Об особенностях осуществления в 2020 году государственного контроля (надзора), муниципального контроля и о внесении изменения в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Рассмотрев жалобу, поданную на постановление мирового судьи в порядке статей 30.1, 30.2 КоАП РФ должностным лицом, уполномоченным в соответствии со статьей 28.3 названного кодекса составлять протокол об административном правонарушении, судья городского суда вынес решение об отмене постановления мирового судьи с прекращением производства по делу на основании пункта 6 части 1 статьи 24.5 названного кодекса в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

При этом судья городского суда установил, что мировой судья не исследовал должным образом обстоятельства, относящиеся к предмету доказывания, допустил существенное нарушение процессуальных требований КоАП РФ, что не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело, и в связи с тем, что на момент разрешения жалобы срок давности привлечения В. к административной ответственности истек, прекратил производство по делу по этому основанию.

По результатам рассмотрения жалобы должностного лица учреждения В., поданной на решение судьи городского суда в порядке статей 30.12–30.14 КоАП РФ, судья кассационного суда признал указанное решение незаконным, сделав вывод о том, что судья городского суда отменил постановление мирового судьи в нарушение требований статей 4.5, 24.5 названного кодекса, ухудшив положение лица, в отношении которого производство по делу об административном правонарушении было прекращено по иному основанию – в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Судья Верховного Суда Российской Федерации указал, что постановление судьи кассационного суда нельзя признать законным, поскольку оно не основано на нормах КоАП РФ и фактических обстоятельствах дела, не содержит мотивов в обоснование изложенных в нем выводов.

Исходя из положений главы 30 КоАП РФ по результатам пересмотра постановления и (или) решений по делу об административном правонарушении производство по такому делу может быть прекращено по любому из оснований, предусмотренных статьями 2.9, 24.5 названного кодекса. Нормы данного кодекса не содержат запрета на изменение основания прекращения производства по делу, если будет установлено, что на предыдущей стадии производства в указанной части принято неправильное решение.

В то же время следует учитывать, что, если срок давности привлечения к административной ответственности истек, вынесенное в порядке главы 30 КоАП РФ решение не должно содержать выводов о виновности лица, в отношении которого производство по делу об административном правонарушении прекращено (пункт 13¹ постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

В рассматриваемом случае в решении судьи городского суда такие выводы не содержатся.

Указанные обстоятельства оставлены судьей кассационного суда без внимания.

В соответствии с требованиями статей 24.1, 26.1, 26.11, 30.16 КоАП РФ судья при разрешении жалобы, протеста, поданных на вступившие в законную силу акты по делу об административном правонарушении, должен проверить все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, доводы, заявленные в жалобе, протесте, и возражения, содержащиеся в отзыве на жалобу, протест, дать им надлежащую правовую оценку.

Вместе с тем судья кассационного суда не выполнил требования указанных выше норм, не выяснил, правильно ли судьей городского суда отменено постановление мирового судьи и по иному основанию прекращено производство по делу, не проверил изложенные в жалобе доводы и обстоятельства данного дела, не дал им оценку.

Допущенное судьей кассационного суда нарушение требований КоАП РФ носит существенный характер, принятое им постановление не является законным и обоснованным, в связи с чем было отменено с возвращением дела на новое рассмотрение.

Постановление № 7-АД22-1-К2

44. Постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции об отмене вступивших в законную силу судебных актов по делу об административном правонарушении в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых они были вынесены, должно быть мотивированным. Иное является существенным нарушением

процессуальных требований КоАП РФ и влечет отмену такого постановления.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда, С. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1¹ КоАП РФ, и подвергнута административному наказанию в виде административного штрафа.

В соответствии со статьей 6.1¹ КоАП РФ нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет назначение административного наказания.

Основанием для привлечения С. к административной ответственности, предусмотренной указанной нормой, послужили изложенные в протоколе об административном правонарушении выводы о том, что она, находясь в общественном месте, нанесла А. побои, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 УК РФ. Эти действия не содержали признаков уголовно наказуемого деяния.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции постановление мирового судьи и решение судьи районного суда отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании пункта 4 части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых вынесены указанные акты.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, потерпевшая А. ставила вопрос об отмене постановления судьи кассационного суда общей юрисдикции, приводя доводы о его незаконности.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

Статьей 24.1 КоАП РФ установлено, что задачами производства по делам об административных правонарушениях являются всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений.

Доказательствами по делу об административном правонарушении в соответствии со статьей 26.2 КоАП РФ являются любые фактические данные, на основании которых устанавливаются наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными указанным кодексом, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами.

Основанием для проведения сотрудниками полиции проверки послужило поступившее в дежурную часть сообщение А. о том, что на нее напала соседка и избила ее. Данный факт зафиксирован в соответствующем рапорте.

В объяснениях, данных участковому уполномоченному полиции, А. указала, что С. напала на нее на первом этаже дома и нанесла побои, причинившие физическую боль. А., будучи допрошенной при рассмотрении дела об административном правонарушении и жалобы на постановление мирового судьи, дала показания, аналогичные объяснениям.

С. в объяснениях, данных сотруднику полиции, и при рассмотрении дела об административном правонарушении, жалобы на постановление мирового судьи отрицала нанесение А. побоев.

Согласно справкам медицинского учреждения А. оказана скорая медицинская помощь, поставлен диагноз: ушиб мягких тканей. Соответствующие сведения подтверждены фельдшером медицинского учреждения Ю. в письменных объяснениях, полученных сотрудником полиции, и показаниях, данных в ходе судебного разбирательства.

В материалах дела также имеются копии иных медицинских документов, в числе которых сведения о приеме хирурга с указанием диагнозов: ушиб мягких тканей живота, ушиб шейной области.

Старший участковый уполномоченный полиции З. при рассмотрении дела мировым судьей показал, что выезжал по сообщению о происшествии, отбирал объяснения у С. и А., у последней были покраснения на теле.

Событие вмененного С. административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1¹ КоАП РФ, с указанием изложенных выше обстоятельств описано в протоколе об административном правонарушении.

Исследовав и оценив перечисленные доказательства в совокупности, мировой судья пришел к выводу о виновности С. в совершении данного административного правонарушения, установив, что она нанесла А. побои, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 УК РФ, что не содержит уголовно наказуемого деяния.

При оценке совокупности доказательств мировой судья указал, что основания для сомнений в виновности С. в совершении вмененного административного правонарушения отсутствуют; наличие у А. телесных повреждений подтверждается медицинской справкой, ее письменные объяснения и показания логичны и последовательны, в существенных деталях совпадают, согласуются с медицинским документом.

Судья районного суда с принятым мировым судьей решением согласился, указав мотивы, по которым в основу вывода о совершении С. противоправного деяния положены соответствующие доказательства.

Вместе с тем судья кассационного суда счел, что нанесение С. побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших А. физическую боль, объективными данными не подтверждено, и со ссылкой на положения статьи 1.5 КоАП РФ отменил постановление мирового судьи и решение судьи районного суда с прекращением производства по делу в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых они вынесены.

Принимая такое решение, судья кассационного суда указал, что показания участковых уполномоченных и фельдшера, а также медицинские документы не могут свидетельствовать о нанесении С. побоев, поскольку эти лица не являлись непосредственными очевидцами событий, о нанесении побоев утверждает только А., у которой с С. давний конфликт, а в медицинских документах не отражен механизм повреждений и срок их образования.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, отменяя постановление судьи кассационного суда и возвращая дело на новое рассмотрение, исходил из того, что вывод судьи кассационного суда о недоказанности обстоятельств, на основании которых мировым судьей и судьей районного суда вынесены постановление и решение, нельзя признать основанным на материалах дела. Мотивы, по которым сделан такой вывод, в обжалуемом постановлении фактически не приведены, равно как и мотивы в обоснование суждения относительно названных доказательств. При этом соответствующие доказательства ничем не опровергнуты, оставлены судьей кассационного суда без исследования и оценки.

Отсутствие очевидцев произошедшего события и то обстоятельство, что между А. и С. имеют место конфликтные отношения, не служит поводом к тому, чтобы ставить под сомнение сообщенные потерпевшей сведения, которые судьей кассационного суда должным образом не проверены. Доказательств, указывающих на оговор, в ходе производства по делу не представлено.

Согласно требованиям статей 24.1, 26.1, 26.11, 30.16 КоАП РФ судья при разрешении жалобы, протеста, поданных на вступившие в законную силу акты по делу об административном правонарушении, должен проверить все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, доводы, заявленные в жалобе, протесте, и возражения, содержащиеся в отзыве на жалобу, протест, дать им надлежащую правовую оценку.

Вместе с тем требования указанных норм судьей кассационного суда не выполнены, меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств дела не приняты, вынесенное им постановление должным образом не мотивировано. Такое рассмотрение жалобы, поданной в порядке статей 30.12–30.14 КоАП РФ, не отвечает установленным статьей 24.1

названного кодекса задачам производства по делам об административных правонарушениях.

Постановление № 49-АД22-2-К6

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По уголовным делам

45. Выход судом за пределы предъявленного обвинения, повлекший ухудшение положения осужденного, явился основанием для изменения приговора.

По приговору Южного окружного военного суда от 7 апреля 2021 г., с учетом внесенных изменений апелляционным определением апелляционного военного суда от 6 октября 2021 г., Д. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных в том числе частью 5 статьи 33 и частью 1¹ статьи 205¹ УК РФ, за пособничество в финансировании терроризма.

Рассмотрев материалы дела в указанной части по кассационным жалобам осужденного и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор и апелляционное определение изменила по следующим основаниям.

В соответствии со статьей 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению, а изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Согласно обвинительному заключению, поддержанному в суде первой инстанции государственным обвинителем, Д. обвинялся в приготовлении к финансированию терроризма путем приискания 1300 долларов США, которые он в этих целях намеревался по прибытии в Сирию передать участнику международной террористической организации. Однако 11 октября 2019 г. он был задержан при прохождении пограничного контроля в аэропорту г. Краснодара, в связи с чем его преступная деятельность была пресечена. Эти действия Д. органом предварительного следствия были квалифицированы по части 1 статьи 30 и части 1¹ статьи 205¹ УК РФ.

Именно в пределах данного обвинения уголовное дело рассматривалось в суде. Однако в нарушение требований статьи 252 УПК РФ суд первой инстанции описанные выше действия Д. квалифицировал по части 1¹ статьи 205¹ УК РФ как оконченное преступление, чем ухудшил положение осужденного и нарушил его право на защиту.

В связи с изложенным Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор и апелляционное определение изменила, действия Д. по приготовлению к финансированию терроризма переквалифицировала с части 1¹ статьи 205¹ УК РФ на часть 1 статьи 30 и часть 1¹ статьи 205¹ УК РФ с назначением ему соответствующего наказания.

Определение № 224-УД22-22-А6

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

46. Систематическое нарушение судьей при отправлении правосудия норм материального и процессуального законодательства, приведшее к искажению фундаментальных принципов судопроизводства и грубому нарушению прав участников процесса на справедливое судебное разбирательство в разумный срок, послужило основанием досрочного прекращения полномочий судьи.

Дисциплинарная коллегия отказала в удовлетворении жалобы Т. на решение квалификационной коллегии судей Республики Бурятия о досрочном прекращении полномочий судьи районного суда.

Дисциплинарным проступком признаны некомпетентность и недобросовестность судьи Т. при исполнении служебных обязанностей, выразившиеся в грубых нарушениях положений материального и процессуального законодательства при рассмотрении уголовных, гражданских, административных дел, дел об административных правонарушениях и материалов, повлекших умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации суда, а также нарушение прав участников процесса на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки.

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что Т. при минимальной служебной нагрузке по отправлению правосудия систематически нарушал процессуальное законодательство. Факты необоснованной волокиты установлены практически по всем делам и материалам, находящимся в производстве судьи Т.

Так, затягиванию сроков производства по уголовным делам послужили многочисленные безосновательные отложения судебных заседаний, обусловленные непринятием судьей своевременных мер по обеспечению явки участников процесса в судебное заседание, что свидетельствует о ненадлежащей организации судебного процесса.

Кроме того, в делах об административных правонарушениях отсутствовали определения о принятии дела к производству, о назначении судебного заседания, о приостановлении производства по делу, об отложении судебных заседаний, протоколы судебных заседаний и извещения.

Необоснованная волокита была допущена по гражданским и административным делам вследствие безосновательного отложения судебных заседаний, по 15 делам отсутствовали протоколы судебных заседаний.

Дисциплинарной коллегией установлено, что факт ненадлежащего исполнения судьей Т. своих должностных обязанностей подтвержден многочисленными судебными актами апелляционной инстанции, а также результатами проверок. Выявленные нарушения не связаны со сложностью рассматриваемых дел и материалов, а допущены по вопросам правоприменения, которые урегулированы законодательством. Ошибки носят системный характер, что свидетельствует о низкой квалификации судьи и ненадлежащей организации судебного процесса.

Допущенные нарушения являются подтверждением недобросовестности и профессиональной некомпетентности судьи Т., дискредитируют судебную власть и причиняют ущерб репутации судьи.

Дисциплинарная коллегия отметила, что ранее Т. дважды привлекался к дисциплинарной ответственности в виде предупреждения. Между тем данное обстоятельство не привело к улучшению качества его работы.

Таким образом, квалификационная коллегия судей правомерно наложила на Т. дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи, поскольку исчерпаны все иные средства воздействия, направленные на предупреждение дальнейших нарушений со стороны Т.

Решение № ДК22-23

47. Судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи.

Внепроцессуальное общение судьи с подсудимым по рассматриваемому им уголовному делу является основанием досрочного прекращения полномочий судьи.

Дисциплинарная коллегия оставила без удовлетворения жалобу судьи А. на решение квалификационной коллегии судей Республики Северная Осетия – Алания о досрочном прекращении полномочий судьи за совершение дисциплинарного проступка.

В судебном заседании установлено, что судья А., в производстве которого находилось уголовное дело в отношении подсудимого Г., обсуждал с последним возможность улучшить его положение в виде снижения санкции за совершенное преступление.

Судья А. не отрицал факт внепроцессуального общения с подсудимым.

Квалификационная коллегия судей обоснованно признала, что действия А. явились следствием нарушения требований Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодекса судейской этики, обязывающих судью при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях избегать всего того, что могло бы умалить авторитет судебной власти и достоинство судьи.

Дисциплинарная коллегия согласилась с выводами квалификационной коллегии судей о том, что указанные действия судьи А. по своему характеру являются виновными и существенными, не соответствуют высокому статусу судьи и умаляют авторитет судебной власти.

При разрешении вопроса о виде дисциплинарного взыскания квалификационная коллегия судей приняла во внимание характер и степень тяжести совершенного А. дисциплинарного проступка, форму вины судьи, обстоятельства и последствия его совершения, данные, характеризующие его личность, профессиональные качества и правомерно сочла установленные нарушения существенными и исключительными.

С учетом приведенных выше обстоятельств внепроцессуального общения дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи соразмерно тяжести совершенного А. дисциплинарного проступка.

Решение № ДК22-90

**ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СУДАМИ ПОЛОЖЕНИЙ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПАКТА ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ,
СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАВАХ
ОТ 16 ДЕКАБРЯ 1966 года²**

Российская Федерация в качестве государства – продолжателя Союза ССР является участником Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. и вступил в силу 3 января 1976 г.).

По состоянию на 1 ноября 2022 г. 171 государство были участниками указанного международного договора.

Во исполнение резолюции Экономического и Социального Совета ООН от 28 мая 1985 г. № 1985/17 создан Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Все государства-участники Пакта обязаны представлять Комитету регулярные отчеты о том, как реализуются экономические, социальные и культурные права. Комитет изучает каждый

---

² Далее – Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Пакт.

доклад и направляет свои рекомендации государству – участнику в форме «заключительных замечаний». 6 октября 2017 г. Комитет принял заключительные замечания по шестому периодическому докладу Российской Федерации о выполнении обязательств по Пакту.

В дополнение к процедуре отчетности Факультативным протоколом к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, подписанным 10 декабря 2008 г. и вступившим в силу 5 мая 2013 г., Комитет был наделен компетенцией принимать индивидуальные сообщения от лиц, утверждающих о предполагаемом нарушении их прав, предусмотренных в Пакте. По состоянию на 1 декабря 2022 г. Российская Федерация участником этого Протокола не являлась.

Анализ судебной практики продемонстрировал, что при рассмотрении дел наряду с законодательством Российской Федерации суды руководствуются положениями Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

В связи с этим важно обратить внимание на позицию Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, согласно которой нормы внутреннего права государствам – участникам Пакта следует в максимально возможной степени толковать таким образом, чтобы это соответствовало международно-правовым обязательствам государства (например, пункт 15 Замечания общего порядка № 9 «Применение Пакта во внутреннем праве», принятого Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам).

При толковании положений Пакта суды принимали во внимание положения раздела 3 Части III Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. Ввиду этого суды учитывали практику Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, которая нашла свое закрепление в соображениях, принятых Комитетом по результатам рассмотрения индивидуальных сообщений против третьих государств – участников Пакта, а также в замечаниях общего порядка, принятых Комитетом и касающихся толкования отдельных положений Пакта.

По состоянию на 1 декабря 2022 г. Комитет принял 25 замечаний общего порядка, касающихся интерпретации им отдельных положений Пакта.

Практика судов свидетельствует о том, что нарушение положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и корреспондирующего с ним материального и процессуального законодательства Российской Федерации являлось основанием для отмены или изменения судебного акта.

48. Определение судом при разрешении индивидуального трудового спора размера компенсации морального вреда, причиненного работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя, без учета значимости для работника его нарушенных

прав, объема таких нарушений, степени вины работодателя нарушает право работника на труд, гарантированное Конституцией Российской Федерации, иными законодательными актами и корреспондирующими им положениями статьи 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам отмечает, что в пункте 1 статьи 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах содержится определение права на труд, а в пункте 2 перечисляются примеры обязательств, возлагаемых на государства-участников, причем этот перечень не является исчерпывающим. Он включает право каждого человека на свободное принятие решения, касающегося согласия на труд или его выбора. Это предполагает отсутствие какого бы то ни было принуждения в связи с осуществлением или выполнением того или иного вида трудовой деятельности и право доступа к системе защиты, гарантирующей каждому трудящемуся доступ к занятости. Это также предполагает право не подвергаться несправедливым увольнениям (пункт 6 Замечания общего порядка № 18 «Статья 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (право на труд)»). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам. E/C.12/GC/18).

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам также подчеркивает, что все трудящиеся, в том числе трудящиеся, занятые неполный рабочий день, и временные трудящиеся, должны иметь оплачиваемый ежегодный отпуск. Законодательство должно определить такое право в размере как минимум трех рабочих недель оплачиваемого отпуска за год работы в течение полного рабочего дня. За соответствующий период отпуска трудящиеся должны получать как минимум обычную плату. Законодательство должно также определить требования в отношении минимального срока работы, продолжительность которого не должна превышать шести месяцев, для получения оплачиваемого отпуска. Вместе с тем в таких ситуациях трудящийся должен получать оплачиваемый отпуск соразмерно продолжительности периода занятости. Из оплачиваемого ежегодного отпуска не следует вычитать отпуск по болезни или по другим обоснованным причинам (см. пункт 41 Замечания общего порядка № 23 (2016) «О праве на справедливые и благоприятные условия труда (статья 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)»). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам. E/C.12/GC/23).

Специальные докладчики ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, обращают внимание на то, что в соответствии с международным правом государства обязаны создавать доступные и эффективные механизмы рассмотрения жалоб, которые позволят оперативно расследовать сообщения о нарушениях прав, которые были неправомерно

ограничены или ущемлены. Работники, чьи права были нарушены, имеют право на возмещение ущерба, включая соразмерную компенсацию и применение санкций в отношении работодателя (см., например, пункт 70 Промежуточного доклада Специального докладчика по вопросу о праве на питание. Размещен 16 июля 2018 г. A/73/164).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – Судебная коллегия по гражданским делам, Судебная коллегия) рассмотрела кассационную жалобу К. на решение суда первой инстанции, апелляционное определение и определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции по иску К. к обществу с ограниченной ответственностью об установлении факта трудовых отношений, о возложении обязанности внести записи в трудовую книжку, выдать трудовую книжку, документы, произвести начисление и уплату страховых взносов, о взыскании денежной компенсации за неиспользованный отпуск, компенсации морального вреда в размере 100 тыс. руб.

Решением суда первой инстанции исковые требования К. удовлетворены частично. За нарушение трудовых прав взыскана компенсация морального вреда в размере 5000 руб. Апелляционным определением и определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Отменяя вышеприведенные судебные постановления в части компенсации морального вреда и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия обратила внимание на следующее.

Статьей 2 Конституции Российской Федерации установлено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации). Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (часть 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации). Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18 Конституции Российской Федерации). К числу основных прав человека Конституцией Российской Федерации отнесено право на труд (статья 37 Конституции Российской Федерации). Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным

законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. Каждый имеет право на отдых. Работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск (части 3 и 5 статьи 37 Конституции Российской Федерации). Положения Конституции Российской Федерации о праве на труд согласуются и с международными правовыми актами, в которых раскрывается содержание права на труд.

Так, в статье 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах предусматривается, что участвующие в Пакте государства признают право на труд, включающее в себя право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, и предпримут надлежащие шаги к обеспечению этого права.

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи с нормами международного права следует, что право на труд относится к числу фундаментальных неотчуждаемых прав человека, принадлежащих каждому от рождения. Реализация этого права предопределяет возможность реализации ряда других социально-трудовых прав: права на отдых, на справедливую оплату труда, на безопасные условия труда и др., подчеркнула Судебная коллегия по гражданским делам.

По мнению Судебной коллегии, обжалуемые судебные постановления в части определения размера подлежащей взысканию в пользу К. компенсации морального вреда не отвечают нормативным положениям, регулирующим вопросы компенсации морального вреда и определения ее размера, разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению.

Разрешая данный спор, суд первой инстанции, установив факт нарушения работодателем трудовых прав К., возложил на ответчика обязанность по компенсации причиненного истцу морального вреда в сумме 5000 руб., указав, что исходит из фактических обстоятельств дела, а также учитывает требования разумности и справедливости. При этом суд первой инстанции не привел мотивы и не обосновал, почему он пришел к выводу о том, что сумма 5000 руб. является достаточной компенсацией К. причиненных ему ответчиком нравственных страданий. Суд первой инстанции не применил к спорным отношениям положения Конституции Российской Федерации и международных правовых актов, гарантирующие каждому человеку и гражданину право на труд и раскрывающие содержание этого права в системной взаимосвязи с нормативными положениями Трудового кодекса Российской Федерации, регулирующими отношения по компенсации морального вреда, причиненного работнику, а также с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), определяющими понятие морального вреда, способы и размер компенсации морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам указала, что суд первой инстанции не учел значимость для К. нематериальных благ, нарушенных ответчиком, а именно его права на труд, которое относится к числу фундаментальных неотчуждаемых прав человека и с реализацией которого связана возможность реализации работником ряда других социально-трудовых прав, в частности права на справедливую оплату труда, на отдых, на социальное обеспечение в случаях, установленных законом, и др. Суд первой инстанции оставил без внимания, что характер и глубина нравственных страданий и переживаний К. зависит от значимости для него прав, нарушенных работодателем, от объема таких нарушений и степени вины работодателя.

Определение № 15-КГ20-2-К1

49. Определение судом без учета конкретных обстоятельств дела суммы компенсации морального вреда, причиненного вследствие гибели сына истца во время исполнения им трудовых обязанностей ввиду необеспечения работодателем безопасных условий труда, свидетельствовало об отсутствии защиты права лица на безопасные условия труда, гарантируемого Конституцией Российской Федерации, иными законодательными актами и корреспондирующими им положениями статьи 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам подчеркивает, что фундаментальным аспектом права на справедливые и благоприятные условия труда, тесно связанного с другими правами по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, в особенности с правом на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, является предотвращение несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Государствам-участникам следует принять национальную политику для предупреждения несчастных случаев и травм, возникающих в связи с работой, сводя к минимуму опасности в производственной среде и обеспечивая широкое участие в разработке, осуществлении и пересмотре такой политики, в частности, трудящихся, работодателей и их представительных организаций. Хотя полное предотвращение несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, вероятно, и невозможно, [однако,] людские и другие издержки бездействия значительно перевешивают финансовую нагрузку на государства-участники в связи с принятием немедленных превентивных мер, которые следует активизировать с течением времени (пункт 25 Замечания общего порядка № 23 (2016) о праве на справедливые и благоприятные условия труда (статья 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)). Принято Комитетом

по экономическим, социальным и культурным правам. Размещено 27 апреля 2016 г. E/C.12/GC/23).

Трудящиеся, оказавшиеся затронутыми предотвратимым несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием, продолжает Комитет, должны иметь право на правовую защиту, включая доступ к соответствующим механизмам обжалования, таким как суды, для разрешения споров. В частности, государствам-участникам следует обеспечить, чтобы трудящиеся, затронутые несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием, и в надлежащих случаях их иждивенцы получали адекватную компенсацию, в том числе за расходы на лечение, потерю заработка и другие расходы, а также доступ к реабилитационным услугам (пункт 29 Замечания общего порядка № 23 (2016) о праве на справедливые и благоприятные условия труда (статья 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам. Размещено 27 апреля 2016 г. E/C.12/GC/23).

Специальные докладчики ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, подчеркивают, что каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь и наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Государства имеют четкое обязательство по принятию превентивных мер в целях защиты как права на жизнь, так и права на здоровье, в том числе по созданию «здоровых условий труда» (например, пункт 18 Доклада Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов. Размещен 3 августа 2018 г. A/HRC/39/48).

Судебная коллегия по гражданским делам рассмотрела кассационную жалобу К. на решение суда первой инстанции и апелляционное определение по делу по иску К. к обществу с ограниченной ответственностью (далее – ООО) о компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований К. ссылалась на то, что являлась матерью Р., состоявшего в трудовых отношениях с ООО. 22 ноября 2017 г. произошел несчастный случай на производстве, в результате которого Р. погиб.

Решением суда первой инстанции исковые требования К. удовлетворены частично. Суд взыскал с ООО компенсацию морального вреда в размере 500 000 руб. и судебные расходы в размере 300 руб. В удовлетворении требований К. о взыскании компенсации морального вреда в размере 2 500 000 руб. отказано. Апелляционным определением решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Определяя размер подлежащей взысканию с ООО в пользу К. в связи с гибелью при исполнении трудовых обязанностей работника данного общества Р. компенсации морального вреда, суд первой инстанции сослался на то, что он учитывает характер причиненных К. гибелью сына

нравственных страданий, обстоятельства дела, требования разумности и справедливости, посчитав достаточной сумму компенсации морального вреда в размере 500 000 руб. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, в том числе с размером взысканной в пользу К. компенсации морального вреда. Отклоняя доводы апелляционной жалобы К. о том, что судом первой инстанции необоснованно занижен размер присужденной ей компенсации морального вреда, суд апелляционной инстанции указал на то, что при определении размера компенсации морального вреда суд первой инстанции в достаточной мере учел имевшие место фактические обстоятельства дела, степень причиненных истцу нравственных страданий, вызванных смертью сына.

Отменяя судебные постановления нижестоящих судов и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия обратила внимание на следующее.

Статьей 2 Конституции Российской Федерации установлено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации). Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (часть 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации). Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18 Конституции Российской Федерации). К числу основных прав человека Конституцией Российской Федерации отнесено право на труд (статья 37 Конституции Российской Федерации). Частью 3 статьи 37 Конституции Российской Федерации установлено, что каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Положения Конституции Российской Федерации о праве на труд согласуются и с международными правовыми актами, в которых раскрывается содержание права на труд. Так, в статье 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах предусматривается, что участвующие в Пакте государства признают право каждого на справедливые и благоприятные условия труда, включая в том числе условия работы, отвечающие требованиям безопасности и гигиены.

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи с нормами международного права следует, что право на труд относится к числу фундаментальных неотчуждаемых прав человека, принадлежащих каждому от рождения. Реализация этого права предопределяет возможность реализации ряда других социально-трудовых прав, в частности права на условия труда, отвечающие требованиям

безопасности. В целях защиты прав и законных интересов лиц, работающих по трудовому договору, в Трудовом кодексе Российской Федерации введено правовое регулирование трудовых отношений, возлагающее на работодателя дополнительную ответственность за нарушение трудовых прав работника.

Судебная коллегия по гражданским делам установила, что, определяя компенсацию морального вреда, подлежащего взысканию с ООО, в размере 500 000 руб., суд первой инстанции ограничился лишь ссылкой на общие принципы определения размера компенсации морального вреда, закрепленные в положениях статей 151, 1101 ГК РФ: характер нравственных страданий, обстоятельства дела, требования разумности и справедливости, однако суд не применил их к спорным отношениям, не выяснил тяжесть причиненных истцу физических и нравственных страданий в связи с гибелью ее сына Р., не учел индивидуальные особенности личности К., ее возраст, семейное положение, наличие у нее еще детей, не дал оценки доводам о том, что утрата близкого человека Р., исполнявшего трудовые обязанности на момент гибели, привела в том числе к разрыву семейной связи между матерью и сыном, значительному ухудшению здоровья истца.

Взыскивая в пользу К. сумму компенсации морального вреда, суд первой инстанции не привел мотивы и не обосновал, почему пришел к выводу о том, что сумма в 500 000 руб. является достаточной компенсацией причиненных ей ответчиком нравственных страданий, продолжила Судебная коллегия. Судом первой инстанции не учтено, что по смыслу действующего правового регулирования размер компенсации морального вреда определяется исходя из установленных при разбирательстве дела характера и степени понесенных истцом физических или нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, и иных заслуживающих внимания обстоятельств дела. Суд первой инстанции не указал, какие же конкретно обстоятельства дела повлияли на размер взысканной судом суммы компенсации морального вреда и какие из этих обстоятельств послужили основанием для уменьшения суммы компенсации морального вреда, заявленной истцом в иске. В решении суда также не приведены мотивы относительно степени вины работодателя. Таким образом, вывод суда первой инстанции о размере взыскиваемой в пользу К. суммы компенсации морального вреда в нарушение норм материального права об основаниях, о принципах и критериях определения размера компенсации морального вреда не мотивирован, в решении суда не приведены доводы в обоснование размера присужденной истцу компенсации морального вреда со ссылкой на какие-либо доказательства, что не отвечает требованиям статьи 195 ГПК РФ о законности и обоснованности решения суда.

Определение № 66-КГ20-4-К8

50. Решение суда о взыскании излишне выплаченной суммы единовременной денежной выплаты на приобретение жилого помещения

отменено, поскольку судом к спорным отношениям не были применены положения Гражданского кодекса Российской Федерации во взаимосвязи со специальными нормами права, регулирующими отношения по предоставлению мер государственной поддержки многодетным семьям, а также положениями статьи 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам подчеркивает, что в соответствии со статьей 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах государства-участники «признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него самого и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни». Право человека на достаточное жилище, которое, таким образом, признано, имеет решающее значение для пользования экономическими, социальными и культурными правами (пункт 1 Замечания общего порядка № 4. Право на достаточное жилище. Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам. E/1992/23).

Судебная коллегия по гражданским делам рассмотрела кассационную жалобу С. на решение суда первой инстанции, апелляционное определение и определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции по иску казенного учреждения к С. о взыскании излишне выплаченной суммы единовременной денежной выплаты.

Решением суда первой инстанции исковые требования казенного учреждения удовлетворены. В пользу казенного учреждения взыскана излишне выплаченная сумма единовременной денежной выплаты в размере 460 650 руб. Апелляционным определением и определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции решение оставлено без изменения.

Отменяя указанные выше судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия обратила внимание на следующее.

Согласно статье 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище, причем органы государственной власти и местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище, а малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами. С точки зрения Судебной коллегии, из этого вытекает обязанность государства способствовать реализации гражданами данного права, которое рассматривается международным сообществом в качестве одного из элементов права на достойный жизненный уровень, гарантируемый в том числе статьей 11

Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Оказание государством помощи гражданам, не имеющим жилья или нуждающимся в улучшении жилищных условий, посредством предоставления им социальных выплат за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации отвечает провозглашенным статьей 7 (часть 1) Конституции Российской Федерации целям социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Судебная коллегия по гражданским делам отметила, что во исполнение предписаний статьи 40 Конституции Российской Федерации о праве на жилище, конкретизированных в статье 2 Жилищного кодекса Российской Федерации, нормативных правовых актах на уровне субъектов Российской Федерации, устанавливаются условия и порядок предоставления нуждающимся в обеспечении жильем гражданам мер социальной поддержки в целях содействия улучшению их жилищных условий.

Сославшись на подпункт 3 статьи 1109 ГК РФ, Судебная коллегия указала, что не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки.

Судебная коллегия по гражданским делам пришла к выводу, что суды первой и апелляционной инстанций не применили к спорным отношениям положения подпункта 3 статьи 1109 ГК РФ, не приняли во внимание социально значимый характер полученной С. в рамках действовавшей государственной программы денежной выплаты на приобретение жилого помещения, а также отсутствие, как следует из обжалуемых судебных постановлений, недобросовестного, противоправного поведения со стороны С. при реализации права на получение указанной меры государственной поддержки.

По мнению Судебной коллегии, лишение в сложившейся ситуации многодетной матери С., проживающей с тремя несовершеннолетними детьми, права на денежную выплату на строительство (приобретение) единственного для этой семьи жилья, не допустившей недобросовестных, противоправных действий при обращении в уполномоченные органы за реализацией права на такую выплату, использовавшей полученные денежные средства по целевому назначению, не будет отвечать целям государственной политики в области поддержки семей, не имеющих жилья и достаточных собственных средств для его приобретения. При подобном подходе предоставление выплаты на строительство (приобретение) жилья, по сути, утрачивает характер меры социальной поддержки данной категории лиц, что противоречит целям социального государства, призванного создавать условия для достойной жизни граждан.

Ввиду изложенного выводы судов первой и апелляционной инстанций о взыскании с С. в пользу казенного учреждения выплаченной суммы единовременной денежной выплаты в размере 460 650 руб. на приобретение жилого помещения, являющегося единственным для семьи, в счет погашения части остатка основного долга по одному ипотечному жилищному кредиту нельзя признать соответствующими целям и задачам правового регулирования отношений по обеспечению жильем отдельных категорий многодетных семей.

Определение № 69-КГ21-11-К7

51. Вывод суда апелляционной инстанции об отказе в выплате ежемесячной компенсации одному из родителей ребенка, являвшегося лицом с ограниченными возможностями и обучение которого организовано на дому, ввиду достижения ребенком 18-летнего возраста, сделан без учета положений законодательства Российской Федерации и взаимосвязанных с ним норм международного права, в том числе положений статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Комитет ООН по правам инвалидов подчеркивает, что без доступного школьного транспорта, доступных школьных зданий и доступной информации и связи инвалиды будут лишены возможности осуществлять свое право на образование (статья 24 Конвенции о правах инвалидов, далее – Конвенция). Таким образом, школы должны быть доступными, как это прямо указано в подпункте «а» пункта 1 статьи 9 Конвенции. Однако доступ должен быть обеспечен не только к зданиям, но и ко всему инклюзивному образованию – всей информации и связи, включая фоновые или работающие в FM-диапазоне ассистивные системы, к службам поддержки и условиям, созданным в школах в соответствии с принципом разумного приспособления. С целью повысить уровень доступности образовательная система и содержание школьных программ должны поощрять и использовать при обучении язык жестов, азбуку Брайля, альтернативные шрифты, усиливающие и альтернативные методы, способы и форматы общения и ориентации (подпункт «а» пункта 3 статьи 24), уделяя особое внимание соответствующим языкам, а также методам и средствам связи, используемым слепыми, глухими и слепоглухонемыми учащимися. Методы и способы обучения должны быть доступны и должны применяться в доступном окружении. Вся окружающая среда учащихся инвалидов должна быть спроектирована таким образом, чтобы содействовать их включению в весь образовательный процесс и гарантировать их равенство на всем его протяжении. Осуществление статьи 24 Конвенции в полном объеме должно рассматриваться в совокупности с другими основными договорами в области прав человека, а также положениями Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования ООН по вопросам образования, науки и культуры

(пункт 39 Замечания общего порядка № 2 (2014) «Статья 2: доступность»). Принято Комитетом по правам инвалидов. CRPD/C/GC/2).

Судебная коллегия по гражданским делам рассмотрела гражданское дело по иску К., действующей в интересах К.В., о признании права на получение денежной компенсации затрат на обучение ребенка, являвшегося лицом с ограниченными возможностями.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены. За К. признано право на получение меры социальной поддержки в виде компенсации затрат на обучение ребенка К.В., являвшейся лицом с ограниченными возможностями, обучение которой по основным общеобразовательным программам организовано на дому. Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано.

Отменяя апелляционное определение и оставляя в силе решение суда первой инстанции, Судебная коллегия обратила внимание на следующее.

Согласно статье 7 Конституции Российской Федерации Российская Федерация – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. В соответствии с частью 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Кроме того, Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (часть 1 статьи 39 Конституции Российской Федерации). Одной из функций Российской Федерации как социального государства является обеспечение права каждого на образование, в том числе основного общего образования, доступность и бесплатность которого в государственных или муниципальных образовательных учреждениях гарантируется (части 1 и 2 статьи 43 Конституции Российской Федерации). Пунктом 1 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах установлено, что участвующие в Пакте государства признают право каждого человека на образование. Образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам.

Статьей 24 Конвенции о правах инвалидов признано право инвалидов на образование. В целях реализации этого права без дискриминации и на основе равенства возможностей государства-участники обеспечивают инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни. При реализации этого права государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды не исключались по причине инвалидности из системы общего образования, а дети-инвалиды – из системы бесплатного и обязательного начального образования или среднего образования; инвалиды имели наравне с другими доступ к инклюзивному, качественному и бесплатному начальному образованию и среднему образованию в местах своего проживания; обеспечивалось разумное приспособление, учитывающее индивидуальные потребности; инвалиды получали внутри системы общего образования требуемую поддержку для облегчения их эффективного обучения.

Согласно части 1 статьи 19 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» государство поддерживает получение инвалидами образования и гарантирует создание инвалидам необходимых условий для его получения. Поддержка общего образования, профессионального образования и профессионального обучения инвалидов направлена на осуществление ими прав и свобод человека наравне с другими гражданами, развитие личности, индивидуальных способностей и возможностей, интеграцию в общество (часть 2 статьи 19 данного федерального закона).

В целях реализации права каждого человека на образование федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления создаются необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации, оказания ранней коррекционной помощи на основе специальных педагогических подходов и наиболее подходящих для этих лиц языков, методов и способов общения и условия, в максимальной степени способствующие получению образования определенного уровня и определенной направленности, а также социальному развитию этих лиц, в том числе посредством организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья (пункт 1 части 5 статьи 5 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Из приведенных в судебном постановлении нормативных положений, с точки зрения Судебной коллегии, следовало, что одной из функций Российской Федерации как социального государства является обеспечение права каждого, включая инвалидов и детей-инвалидов, на бесплатное получение общего образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях.

Судебная коллегия по гражданским делам пришла к выводу о том, что по смыслу приведенных положений нормативных правовых актов одного из субъектов Российской Федерации в их взаимосвязи с положениями федерального законодательства и нормами международного права ежемесячная денежная компенсация, выплачиваемая одному из родителей (законному представителю) ребенка, являвшегося лицом с ограниченными возможностями, обучение которого по основным общеобразовательным программам организовано на дому, направлена на возмещение родителям (законным представителям) такого ребенка затрат, связанных с организацией обучения на дому, и эта компенсация по своей правовой природе является необходимым условием реализации права на образование детей-инвалидов. Следовательно, достижение ребенком-инвалидом до окончания получения им основного общего образования 18-летнего возраста не может служить основанием для отказа в выплате одному из родителей (законному представителю) такого ребенка компенсации затрат на его обучение, организованное на дому. Иное противоречило бы закрепленным в законе гарантиям общедоступности и бесплатности в соответствии с федеральными государственными стандартами основного общего образования.

Именно из такой правовой позиции исходил суд первой инстанции, делая вывод о наличии у К., как опекуна К.В., обучение которой по основным общеобразовательным программам согласно индивидуальной программе реабилитации инвалида предусмотрено на дому, права на получение компенсации затрат на ее обучение на период получения К.В. основного общего образования, в том числе и после достижения ею 18-летнего возраста.

Вывод же суда апелляционной инстанции об отказе в удовлетворении К. исковых требований о признании права на ежемесячную компенсацию затрат на обучение ее дочери, являвшейся лицом с ограниченными возможностями, до окончания получения ею основного общего образования в связи с достижением 18-летнего возраста (совершеннолетия) нельзя признать правомерным, так как он основан на неправильном толковании приведенных выше норм международного, федерального и регионального законодательства.

Определение № 50-КГ18-23